

Уважаемые читатели!

Подписка на электронные версии журналов не дает подписчику права на их дальнейшее распространение без письменного согласия правообладателя. Любое распространение подписчиками электронной версии запрещается. ООО «Школьная Пресса» является правообладателем всех редакционных материалов, опубликованных в печатных СМИ и (или) размещенных в интернет-проектах соответствующих СМИ, кроме материалов, в содержании которых имеется ссылка на другого правообладателя. Продолжив работу с электронной версией, вы тем самым соглашаетесь с вышеизложенным.

Научно-просветительский журнал

ISSN 2074-5001

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

2
2020

В НОМЕРЕ:

Евгений, митрополит Таллинский и всея Эстонии
«Назидать — это значит сооружать!..»

Патриарх Алексий II.
Православие в Эстонии. Из книги

«Жизнь иконостаса похожа на жизнь
человеческую...»

Человек, скучавший по детству
Из сокровенных воспоминаний
о митрополите Корнилии

Возрастание свежести,
возрастание нежности...
Заметки о русской сказке,
эстонском и карело-
финском эпосах

**Специальный номер,
посвященный
духовно-нравственным
и педагогическим ценностям
Эстонской Православной Церкви
Московского Патриархата**

С НАМИ В КАЖДЫЙ МОМЕНТ НАШЕЙ ЖИЗНИ И АПОСТОЛ-ЕВАНГЕЛИСТ, И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Фото из архивов учебных заведений

В фоторепортажах представлены эпизоды жизни — занятий, встреч, отдыха — воспитанников Воскресной школы при ставропигиальном кафедральном соборе св. блгв. вел. князя Александра Невского (2-я с. обложки) и учащихся Православной школы св. Иоанна Богослова (3-я с. обложки). (г. Таллин, Эстония)

У нас есть свой театр!

Рождество Твоё празднуем!..

У костра

Под колоколами

У каждого своя лодка...

Незабываемое — с митрополитом Корнилием

Издательство
«Школьная Пресса»

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ
Издаётся с сентября 2001 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор
А.П. Фурсов, философ, поэт,
член Союза писателей России

Редакционный совет

Е. И. Аринин, доктор
философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и религиоведения Владимирского
государственного университета
имени А.Н. и В.Н. Столетовых
(Владимир)

М.Ю. Грыжанкова, доктор
философских наук, профессор
кафедры философии Мордовского
государственного университета
имени Н.П. Огарева,
первый проректор, проректор
по учебной работе
Саранской духовной семинарии
(Саранск, Республика Мордовия)

Зиновий
(Корзинкин Анатолий Алексеевич),
митрополит Саранский
и Мордовский (Саранск)

А.А. Корольков, доктор
философских наук, профессор
и заведующий кафедрой
философской антропологии
и истории философии факультета
философии человека Российского
государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена,
академик Российской академии
образования (РАО)
(Санкт-Петербург)

В.В. Лепахин, доктор
филологических наук,
исследователь русской иконы
(Сегед, Венгрия)

Ю.Т. Лисица, доктор физико-
математических наук, профессор
Российского университета дружбы
народов, заведующий кафедрой
религиоведения миссионерского
факультета Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного
университета (Москва)

В.М. Меньшиков, доктор
филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теологии
и религиоведения Курского
государственного университета
(Курск)

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Лауреат Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя»

Боль осталась средь черемух,
Беды — в рощице кленовой,
Скорбь — в шиповнике колючем,
Муки — на ветвях рябины,
В вишеннике — все напасти.

«Калевипоэз»

(Эстонский народный эпос)

2
2020

В номере:

Смысл жизни

Евгений, митрополит Таллинский и всея Эстонии
«Назидать — это значит сооружать!..»

*Рождественское послание архипастырям,
пастырям, диаконам, монашествующим и всем
верным чадам Эстонской Православной Церкви
Московского Патриархата.....* 3

Интеграция ОПК в предметы школьного цикла: история

Патриарх Алексей II

Православие в Эстонии. Из книги..... 5

Проповеди, беседы

Протоиерей Владимир Залипский (1926–1997)

«Христос и Бог всегда только призывают.

Призывают, объясняют, увещевают, советуют!..»... 21

Вечные ценности

Протоиерей Игорь Прекуп

Духовно-нравственное воспитание —

что такое оно есть? 30

Современная православная педагогика

Игуменья Филарета (Калачёва)

Пюхтицкие чтения как источник

научно-педагогической мысли 41

По страницам газеты «Православный собеседник»

Ольга Майер

«Печатное слово, несущее духовный смысл,

не заменить Интернетом...» (митрополит

Таллинский и всея Эстонии Корнилий)..... 47

София Юсим

Образы Христа на фасадах Таллина 50

Архимандрит Мефодий (Венко Петров), директор православного культурно-просветительского центра «Свет Валаама» (Свято-Преображенский Валаамский монастырь, о. Валаам, Республика Карелия)

Протоиерей Николай Озолин, доктор богословия, профессор, преподаватель Свято-Сергиевского Православного Богословского института (Париж, Франция)

Протоиерей Борис Пивоваров, доктор богословия, председатель отдела образования и просвещения Новосибирской митрополии, преподаватель Новосибирской гимназии во имя прп. Сергия Радонежского (Новосибирск)

С.В. Пишун, доктор философских наук, профессор, директор Школы педагогики Дальневосточного федерального университета (Уссурийск, Приморский край)

В.М. Улитин, писатель, православный педагог (Владимир)

Н.М. Тихомирова, директор духовно-просветительского центра «Северная Фиваида» (Вологда)

П.В. Флоренский, доктор геолого-минералогических наук, профессор Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина (Москва)

С.Е. Ячин, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Приморский край)

Информационно-техническая поддержка

В.А. Фурсов

Компьютерная верстка

Н.В. Запорожец

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ.
Усл.-печ. л. 5,0. Изд. № 3412. Заказ
Рег. ПИ № ФС 77–29554. Формат 70х108/16.

Протоиерей Александр Лебедев

Воин Иисуса Христа. *Памяти священномученика Сергия Раквереского* 52

Учимся читать икону

Орест Кормашов

«Жизнь иконостаса похожа на жизнь человеческую...»

Об уникальном иконостасе Храма Святителя и Чудотворца Николая в Таллине 55

Жизнь и житие

Ольга Майер

Человек, скучавший по детству. *Из сокровенных воспоминаний о митрополите Корнилии* 64

Юлия Редькина

«Сомнительное стало определенным, закрытое раскрылось, трудное стало посильным...»

Мария Ефимовна Сергиенко — путь православного ученого 68

Чистый взгляд

Протоиерей Олег Врона

Надя и медведь. *Сказка-быль* 75

Духовные сокровища народов мира

Александр Фурсов

Возрастание свежести, возрастание нежности...

Заметки о русской сказке, эстонском и карело-финском эпосах 78

К 1-й полосе обложки. Храм в честь прп. Сергия Радонежского (г. Палдиски, Эстония)

К 4-й полосе обложки. Памятник Ф.М. Достоевскому (г. Таллин, Эстония)

В качестве заставок в номере использованы иллюстрации В.А. Носкова (1926–2007) из книги «Калевипоэг. Эстонский народный эпос» (М.: ГИХЛ, 1956). Подписи к заставкам — строки из Песни тринадцатой эпоса «Калевипоэг».

Номер выходит с приложением —
журналом «Задушевные беседы» № 1, 2020.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования.

АДРЕС РЕДАКЦИИ 127254, г. Москва, а/я 62
И ИЗДАТЕЛЬСТВА: Тел.: 8 (495) 619-52-87, 619-83-80

E-mail: aleksandr.fursov2014@yandex.ru

frs@schoolpress.ru

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13

© «Школьная Пресса», 2020
© «Духовно-нравственное воспитание», 2020

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве. Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде сканирования, копирования, записи в память ЭВМ, и размещение в Интернете запрещается.

Возлюбленные о Господе боголюбивые пастыри, всечестные иноки и инокини!

Дорогие братья и сестры!

В день, озарённый сиянием Вифлеемской звезды, когда Бог явился во плоти, примите наши сердечные поздравления с Рождеством Христовым!

Именно эта радость и помогает нам преодолеть жизненные невзгоды и даёт силы для созидательного труда.

Рождество Христово — это свидетельство любви Бога к человеку. Господь говорил: «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6:37)

С особой силой сегодня должны прозвучать в наших сердцах слова Рождественского канона: «Христос на земле — воспряньте!» С Богом нам ничего не страшно! И никто не страшен!

Мучает ли нас искушение, тревожат ли сомнения — пойдём с ними прямо к Тому, Кто, быв искушён, может и искушаемым помочь (Евр. 2,18).

Устремимся же в эти праздничные дни, чтобы делами веры и милосердия прославить Богомладенца Христа и разделить рождественскую радость с ближними, и особенно с теми, кто нуждается в нашей помощи и поддержке.

Соприкасаясь своей жизнью с жизнью ближних наших, будем помнить, что *Господь посылает нас быть Любовью, куда бы мы не пошли*. Всюду в лице ближнего мы должны исполнить что-либо для Самого Господа: отказать от своей воли в пользу ближнего, любя его всем сердцем своим, научиться любить ближнего не во вред ему, угождая лишь его болезненному самолюбию, а любить — на великую пользу, то есть научиться говорить горькую правду с любовью! Настоящая любовь не выражается в потворстве всякой прихоти или в бессмысленной похвале ближнего, дающей обильную пищу самомнению.

В земной жизни Спасителя мы видим живой пример этой Любви, соединённой с твёрдостью. Господь, всех любя, тем не менее никогда не уклонялся от Правды — никогда не останавливался перед справедливым и прямым обличением зла, особенно — лицемерия. И смысл Его обличительных слов всегда был точен и ясен!

Расцветает в сердце юность,

**Евгений, митрополит
Таллинский
и всея Эстонии**

**«Назидать —
это значит
сооружать!..»**

Рождественское
послание
архипастырям,
пастырям, диаконам,
монашествующим
и всем верным чадам
Эстонской
Православной
Церкви Московского
Патриархата

Владыка Евгений много лет возглавлял Московские духовную академию и семинарию, был духовным воспитателем многих поколений студентов. Вот почему в проповедях Владыки слово «воспитание» является особо значимым.

Metropolitan Eugene headed the Moscow Theological Academy and Seminary for many years, and was the spiritual teacher of many generations of students. That is why in the sermons of the Lord the word «education» is especially significant.

Ключевые слова: быть Любовью, духовная высота и простота

Keywords: to be Love, spiritual height and simplicity

Митрополит Таллинский и вся Эстонии
Евгений

Подражая этой всеобъемлющей любви Христовой, желая помочь, мы иногда забываем о том, что *назидать — это значит сооружать!* Такова цель истинной любви! Остерегайтесь необдуманным словом ранить сердце ближнего своего или оттолкнуть его от себя высокоумием или высокомерием, что является ростками гордыни. Господь был *духовно высок в своей простоте!*

В светлый праздник Рождества Христова с надеждой и радостью будем смотреть в будущее!

Не будем унывать! Не будем думать, подвергаясь искушениям, о возможных трудностях и горестях на своём пути. Если человек уповает на Господа, отсекая свои греховные желания и свою волю, то помощь от Бога обязательно будет в ту самую минуту, когда она нужнее сего. А чтобы получить помощь — надо молитвенно просить. На молитву всегда будет ответ от Господа. И всегда за всё благодарите Бога нашего! Что может ободрить нас на жизненном пути? — Только сознательная, сердечная благодарность за испытанные милости.

К сожалению, не всё в жизни иногда кажется человеку милостью Божией: иное кажется тягостью, бременем непосильным... — и благодарение сменяется жалобами. А ведь

всякая скорбь воспитывает сердце наше, усиливает наш дух и твёрдость веры. То, что нас когда-то заставляло плакать, научит и радоваться жизни, и любить, и сострадать ближнему.

Со времён Рождества Христова изменился мир, но неизменным остаётся Воля Господа о бессмертной душе человека, дабы она утолялась «не хлебом единым, но всяким глаголом, исходящим из уст Божьих». «Жизнь духовная — особый мир, в который не проникает мудрость человеческая» (святитель Феофан Затворник).

Только Живое общение с Богом, устроенное по евангельскому слову, сможет сделать нашу жизнь праведной и осмысленной.

Дорогие братья и сестры!

Благодать и милость Родившегося ныне от Приснодевы Марии Господа нашего Иисуса Христа пусть пребывает со всеми нами и укрепляет, поддерживает во всех благих начинаниях.

Молитвенно желаем всем светлой, жизнеутверждающей радости в сердце, доброго здоровья, мира, любви, благоденствия, Божией помощи и сил в преодолении любых жизненных трудностей.

В эти светлые дни мы, как когда-то Вифлеемские пастыри, принявшие ангельское благовестие о рождённом Христе, вновь и вновь преисполняемся великой радости.

Свет Христов, благодатно освящая человеческое естество через Таинства Церкви, сподобляет нас воспринимать Божественную благодать, чтобы мы, освободившись от прародительского греха, вновь стали сынами Божьими и наследниками Царствия Небесного.

Радуйтесь!

Христос рождается — славите!
Христос с небес — встречайте!

Рождество Христово 2019/2020 г.,
во граде Таллине

Возвращается былое.

СВЯЩЕННИК ИСИДОР ЮРЬЕВСКИЙ. ОСНОВАНИЕ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Нарушая мирные договоры, католики продолжали преследовать православных. В конце 50-х гг. XV столетия на острове Пийрисаар на Чудском озере была сожжена православная церковь. В марте 1463 г. католики напали на крепости Кобылы и Колпино, но вынуждены были срочно отступить, так как некий «доброхот из зарубежья чудинь» своевременно сообщил об этом псковичам. Псковский князь выступил против рыцарей, и они, запросив мира, в 1463 г. обязались князю соблюдать заключенный на реке Нарве договор в оставшиеся до его истечения 9 лет, а русский конец в Дерпте, где торговали русские купцы и возвышались православные церкви, «держат по старине и по старым грамотам».

Однако немецкие католики не сдержали своего обещания и после заключения договора продолжали притеснять православных. Одно из событий произошло в 1472 г. на реке Омовже, которое подробно описал инок Псково-Печерского монастыря Варлаам.

Все началось с того, что старейшина немцев по имени Юрий Трясиголова пожаловался епископу на то, что якобы слышал хулу священника Исидора на веру католическую. Посланные разгневанным епископом стражники арестовали Исидора и его прихожан. На суде у епископа их жестоко пытали и принуждали отречься от православия. Священномученик Исидор и его паства отказались сделать это и были брошены в темницу, где священномученик проповедью и молитвами укрепил дух своих прихожан.

Утром следующего дня они снова предстали перед судом на площади у ратуши. Епископ опять пытался склонить их к принятию

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Православие в Эстонии

Из книги

Ценность книги заключается не только в том, что в ней впервые была последовательно изложена история Православия на эстонской земле, но и в уникальном духе личного свидетельства, пронизывающего книгу Патриарха Алексия, уроженца Эстонии, воспитанника и священнослужителя Эстонской епархии Русской Православной Церкви, а затем и ее многолетнего архиепископа.

The value of the book lies not only in the fact that the history of Orthodoxy on Estonian soil was first consistently laid out in it, but also in the unique spirit of personal testimony that permeates the book of Patriarch Alexy, a native of Estonia, a pupil and clergyman of the Estonian diocese of the Russian Orthodox Church, and then her perennial archpastor.

Ключевые слова: священник Исидор, тела мучеников, новые православные храмы, Пюхтицкая икона, единение русского и эстонского народов

Keywords: priest Isidore, bodies of martyrs, new Orthodox churches, Pyukhtitskaya icon, unity of Russian and Estonian peoples

католичества, но православные ответили: «Не можешь ты отклонить нас от истинной веры христианской; твори над нами, что хочешь; вот мы перед тобой и повторяем тебе то же, что и прежде». Тогда суровый епископ, «распалившись яростью», велел всех бросить в реку Омовжу (Эмайгы), «а святого Исидора, облекши в иерейские одежды, бросить в самую Иордань, где освящал он воду в день Богоявления».

Так поступили со всеми 72 прихожанами, среди которых были женщины и малолетние дети. Весной, когда растаял лед, православные купцы разыскали тела мучеников и погребли их около церкви святителя Николая.

Священник церкви в честь великомученика Георгия Победоносца Иоанн счастливо избежал страшной участи своих единоверцев. Оставив Дерпт, он поселился в долине, находившейся на рубеже Ливонии и Псковской области, и основал здесь Псково-Печерский монастырь, став его игуменом с именем Иона.

В течение всего периода господства католической Церкви в Прибалтийском крае русские поселенцы не прекращали отношений с соотечественниками в Новгороде и Пскове, хранили православную веру, несмотря на постоянные притеснения со стороны ливонских властей и католических епископов. Православные епископы в Новгороде и Полоцке, в чьем ведении находились православные приходы Прибалтийского края, не могли защитить свою паству в Ливонии, но поддерживали ее духовно в это трудное время.

КАНУН ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭСТОНИИ С РОССИЕЙ

Во второй половине XV в. на Руси в основном закончился процесс обра-

зования централизованного государства, которое превратилось в крупную политическую силу на международной арене. Росло ее экономическое и политическое влияние на соседние районы, в том числе и на Прибалтийский край, лежащий на основных торговых путях с Западом. Складывались предпосылки для политического объединения Прибалтийского края с Россией. Исторический опыт столкновений Руси с ливляндскими феодалами показывал, что местное население (эстонцы и латыши), недовольное гнетом католической Церкви и помещиков, с симпатией относилось к русским и пыталось искать у них защиты. Освободительная борьба эстонского народа 1343–1345 гг. явилась наиболее крупным проявлением «его любви к свободе, ненависти к немецким захватчикам, воли к борьбе, упорства и отваги».

Все это тревожило католическую Церковь и местных немецких феодалов, позиции которых в Прибалтийском крае исторически складывались и укреплялись именно в борьбе против Руси. Ливонский орден к этому времени уже не имел прежней политической силы и влияние его постепенно ослабевало. В битвах при Грюнвальде в 1410 г. и дважды в Литве (в 1422 и 1435 гг.) он был разгромлен, пал в боях и магистр, и много рыцарей Ордена.

Однако ливонские феодалы, которые много веков вынашивали планы захвата Руси, продолжали искать удобный момент, чтобы напасть на Русское государство. Когда летом 1480 г. Руси угрожало вторжение из-за Оки огромного войска хана Большой Орды Ахмета, на западе готовил поход на Москву король польский Казимир IV — войска Ливонского ордена вторглись в Псковские и Новгородские земли. Но осада Пскова и Изборска закончилась для них неудачно, и им пришлось отойти. В ответ

русские войска в марте 1484 г. двинулись в Эстонию и овладели городом Феллин. В сентябре этого же года в Нарве с немцами был подписан мирный договор на 10 лет, который давал возможность русским купцам значительно расширить торговлю в Прибалтике. Но и этот мирный договор не остановил вооруженных столкновений, притеснений русских купцов и православных верующих. Не прекращались и волнения крестьян, и междоусобицы феодалов. Слабеющая Ливония вновь стала казаться заманчивой добычей для королей шведских, датских и польских, что, в конечном счете, привело к Ливонской войне.

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМОВ

Псковскими архиепископами и Санкт-Петербургской консисторией проявлялась забота о постройке новых православных храмов и об устройстве приходов, из казны для этой цели отпускались значительные средства. Так, почти заново была построена одна из первых церквей в присоединившейся к России Эстляндии, в Пернове. Еще в 1710 г. русским отдали принадлежавшую ранее эстам Иоанновскую кирку. Ив. Шахов писал, что видел в этом храме серебряный позолоченный потир с изображением Спасителя, Пресвятой Богородицы и Иоанна Богослова с надписью в нижней части по-немецки: «Роллоф Шверц приносит в дар Иоанновской церкви во славу Божию в Пернове в лето 1688». «По-видимому, — писал Шахов, — сосуд этот перешел к православным вместе со зданием церкви».

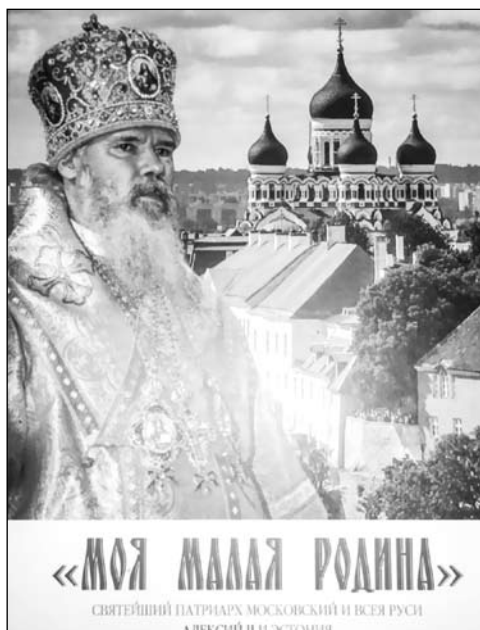
Вскоре построили еще одну, которую освятили в честь Успения Божией Матери с приделом благоверного князя Гавриила. К 1758 г. она была уже так ветха, что комендант города ходатайствовал о фундаментальной

Титульный лист книги Патриарха Алексия II «Православие в Эстонии» (из книг митрополита Корнилия)

ее перестройке или даже о строительстве новой. Церковь эту видела императрица Екатерина II, проезжавшая в 1763 г. через Пернов. Она и повелела построить новую церковь, утвердив смету строительных работ. Через шесть лет постройка была закончена за счет казны. По-прежнему церковь называлась Успенской, но в том же году «неизвестно по какому распоряжению переименована в Екатерининскую». Впоследствии к ней пристроена была придельная церковь в честь Покрова Божией Матери. Кроме этой приходской церкви в самом городе находилась еще гарнизонная церковь во имя благоверного князя Александра Невского, построенная, по-видимому, также сразу после вступления в Пернов русских войск, потому что уже в 1744 г. Псковский епископ Стефан (Калиновский) разрешил вместо этой обветшавшей построить новую деревянную церковь. В 1791 г. по ветхости и ее разобрали, а памятником ее существования осталась храмовая икона святого Александра Невского, в XIX в. оказавшаяся в Екатерининской церкви.

«Моя малая Родина».
Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Алексий II
и Эстония (фотоальбом)
(Таллин: издательский отдел
Эстонской Православной Церкви
Московского Патриархата, 2018)

В Дерпте вскоре после войны была построена небольшая деревянная церковь, упоминавшаяся в архивных документах 1730 г. как храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, но к 1749 г. она требовала серьезного ремонта и рядом поставили полковую походную церковь, где и происходило богослужение. Еще И. Шахов писал о найденных им в дерптском магистрате планах строительства двух православных церквей. Он предположил, что именно по этим планам возводились храмы в городе после 1710 г. и в 50-х гг. за счет российской казны. Эта новая церковь Успения сгорела во время большого пожара в 1775 г. По повелению Екатерины II в 1783 г. в Дерпте была построена новая Успенская церковь, ныне Успенский собор.

В 1710 г. ревельская православная церковь во имя святителя и чудотворца Николая на Русской улице едва вмещала своих прихожан. Не-

большая гарнизонная Михайловская церковь на Рыцарской улице была перестроена и освящена в 1734 г. как собор в честь Преображения Господня. По-видимому, ремонт здания состоял, главным образом, в постановке иконостаса и не касался капитальной перестройки здания. До 1830 г. церковный пол был на три ступени ниже поверхности земли и состоял почти из одних надгробных плит. Вдоль стен располагались скамейки, а против алтаря у западной стены находились обширные хоры, на которых прежде стоял орган. Окна были высокие, готические, стекла мелкие, высокая сплошная кровля покрыта черепицей.

Все это напоминало, конечно, лютеранскую кирку, и, несмотря на ряд ремонтов, внешний вид храма почти не изменился. Самая значительная перестройка собора осуществлялась за счет казны вследствие указа Санкт-Петербургской Духовной консистории в 1776 г., свой окончательный вид Преображенский собор приобрел после капитальной перестройки в 30-е гг. XIX в. Представляет художественную ценность иконостас собора работы известного московского мастера Ивана Зарудного. В 70-е гг. XX в. на средства Московской Патриархии в соборе установлено центральное отопление.

Первым настоятелем собора, еще когда это была Феодоровская церковь, стал протоиерей Василий Васильев. Он служил, по-видимому, до 1730 г. Следующему настоятелю протоиерею Парфению Никонову в декабре 1731 г. архиепископ Псковский и Нарвский Варлаам предписал ревельскую соборную церковь освятить по Требнику и о том донести. Указ озаглавлен «Града Ревеля соборонная Феодоровской церкви протопопу Парфению Никонову». Он же являлся председателем Эстляндского духовного правления с 1731 по 1731 г.

Из настоятелей более позднего времени известен протоиерей Иоанн Недешев. Его заботами соборный храм был капитально перестроен. Иоанн Филиппович Недешев родился в 1788 г., окончил Владимирскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1814 г. был рукоположен в священники ревельского Преображенского собора. Через два года стал настоятелем Никольской церкви, а с 1826 г. уже в сане протоиерея (с 1821 г.) поставлен настоятелем ревельского Преображенского собора. В 1831 г. переведен в Санкт-Петербург законоучителем в Смольный институт. Протоиерей Иоанн Недешев был человеком образованным и деятельным, к украшению собора сумел привлечь таких знаменитых художников, как академик А. Венецианов. В его мастерской были написаны иконы Воскресение Христово, сошествие Святого Духа на апостолов, Рождество Христово и Распятие. Впоследствии к Преображенскому собору были приписаны три храма: один, находящийся в соборной ограде, в честь Владимирской иконы Божией Матери, другой в честь обновления храма.

Скорее всего, Владимирская церковь была построена около 1773 г. на добровольные пожертвования. Богослужения совершались здесь и в зимнее время, поскольку Преображенский собор до 1829 г. не имел печей, а Владимирская церковь называлась Теплой. С 1840 по 1887 г. она называлась Бригадной церковью, потому что в ней часто, особенно Великим постом, совершалось богослужение полковыми священниками квартировавших в Ревеле пехотных полков. Впоследствии в этом храме часть соборного прихода образовала особый эстонский приход с совершением богослужения на эстонском языке. Часовня на косе была построена уже в

1842 г. на месте ветхой церкви святого Феодора Стратилата. В этой церкви в 1736 г. священник Петр Ильин венчал коменданта Пернова Ганнибала (предка А.С. Пушкина) с немкой Шеберг при жизни законной жены его Евдокии Андреевны. Церковь в честь обновления храма Воскресения Христова была построена в 1837 г. в третьем этаже тюремного замка в довольно тесном помещении и позднее была перенесена в более просторное (1890). Домовую церковь в имении князя Волконского построил бывший шеф жандармов и начальник III Отделения граф Бенкендорф в 1835 г.

Прихожанами православных приходов в Эстляндии в то время были в основном русские, православные по рождению. Случаи принятия православия местными эстонцами были сравнительно немногочисленны, так как лютеранская Церковь и помещики всячески чинили этому препятствия, и крестьянин исповедовал веру того помещика, на земле которого жил. Православные приходы возникали в первую очередь там, где стояли русские гарнизоны и селились русские купцы и ремесленники.

В 1721 г. в Ревеле построили деревянный гарнизонный храм в честь Рождества Богородицы (Казанская церковь). Заложена она была в год окончания Северной войны командиром местного полка полковником Шаховским. Вначале церковь была полковой 21-го и 3-го егерских полков и 91-го пехотного Двинского, позднее при ней образовался приход из ремесленного и рабочего люда. Еще через год в городе появилась другая гарнизонная церковь, называвшаяся Троицкой госпитальной.

До 1748–1750 гг. на острове Эзель не было православного прихода и постоянного священника. Небольшой русский гарнизон, а также некоторых поселившихся на острове русских торговцев и ремесленников с

семьями окормляли командированные священники. Были нередки случаи, когда православные, «плотники и другие промышленники, снискивающие себе пропитание через заработки, нередко за неимением в тех местах православного священника или за отдаленностью мест» были вынуждены обращаться для исполнения треб к лютеранским пасторам.

В 1748 г. первый священник Аренсбургской церкви на острове Эзель уведомлял Псковскую консисторию, что у его прихожан имелись дети, крещенные лютеранскими пасторами, но впоследствии помазанные святым миром священником Суздальского полка. Подобные ситуации возникали нередко и в других местах Лифляндии, поэтому Главная лифляндская лютеранская консистория через Юстиц-коллегию предложила Синоду решить, «как поступать пасторам в помянутых случаях — крестить или же отказывать просителям в крещении? По силе догматов лютеранской веры чужих вер детей по требованиям их родителей крестить можно без сомнения, несмотря на то что они воспитаны будут в той вере, в которой находятся их родители. Напротив сего состоялись высочайшие указы, которыми накрепко подтверждено, чтобы греческого исповедания людей не принимать ни к лютеранскому, ни к другим законам».

В ответ на этот вопрос Святейший Синод постановил, что «дозволения дать не может, а если паче чаяния где-либо уже окрещены лютеранскими пасторами дети оных плотников и других благочестивых людей, о том рассмотрение и решение учинить его преосвященству (т. е. архиепископу Псковскому Симону (Тодорскому). — *Ред.*) и впредь того не допускать под страхом достойного по указам суждения и штрафа».

Кроме того, Святейший Синод распорядился, чтобы те православ-

ные плотники и работники, о которых шла речь в запросе, состояли и жили в тех местах Лифляндии, где имелись православные церкви или вблизи от них. Преосвященный Симон повелел Псковской консистории послать указы и велеть православным священникам по сношению с Лифляндской лютеранской консисторией детей, крещенных лютеранскими пасторами, помазать святым миром, а впредь до крещения рождающихся детей православной веры лютеранских пасторов отнюдь не допускать.

По ходатайству Псковского епископа Симона, в границы епархии которого входил остров Эзель, последовал указ императрицы Елизаветы Петровны о постройке на острове православного храма и выделения для этого средств. Этот храм святителя Николая Чудотворца в Аренсбурге одновременно стал церковью Первого Московского полка и находился в самой крепости города. Богослужение в ней совершалось в течение 40 лет. Первым ее священником был рукоположенный епископом Симон псковский диакон Семен Заклинский, который прибыл на остров в 1748 г. В 1784 г. императрица Екатерина II по причине того, что церковь обветшала, повелела построить новый православный храм и выделила для этого средства. К 1790 г. новый храм был построен и освящен.

В 1752 г. в имении Ряпина была построена церковь святых Захарии и Елисаветы, в 1788—1804 гг. построен православный каменный храм во имя великомученицы Екатерины в г. Верро (Выру), в 1820—1830 гг. Покровская церковь в деревне Нос (Нина) на берегу Чудского озера, а также, по-видимому, и в Черных горах (Муствез), в документах за 1840—1841 гг. они упоминались как уже давно существовавшие. Вскоре после Северной войны был построен православный храм в селе Сыронец на берегу Чудского озера,

в исторических источниках указывалось, что с 1818 г. в этой церкви хранилась явленная Пюхтицкая икона, которую ежегодно к 15 августа отсюда за 25 км носили на Богородицкую гору, где у источника была построена часовня. Этот храм, разрушенный в годы Великой Отечественной войны, ныне восстановлен.

ПЮХТИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В период архипастырства высокопреосвященнейшего Арсения на Рижской кафедре и губернаторства С.В. Шаховского в Эстляндии при их исключительно важном содействии в 22 км к югу от станции Иевве на Пюхтицкой (Богородицкой) горе был открыт в 1891 г. Успенский женский монастырь. Для его основания было исходатайствовано решение правительства о приобретении горы из частного владения в собственность духовного ведомства. По указу императора от 22 апреля 1891 г. земли были приобретены.

Пюхтицкий край был населен уже в XIII в. и находился тогда во владении датского короля. В XIII–XIV вв. здесь проживали исключительно чудские племена, но уже в актах XV–XVI вв. встречаются указания на то, что в некоторых эстонских деревнях в окрестностях Иевве оказались русские поселенцы. Постепенно под влиянием частых войн с Ливонией, а также благодаря поселению беглых людей, а позднее — раскольников, количество русских в крае возрастало, и уже к началу XVII в. число их было значительным.

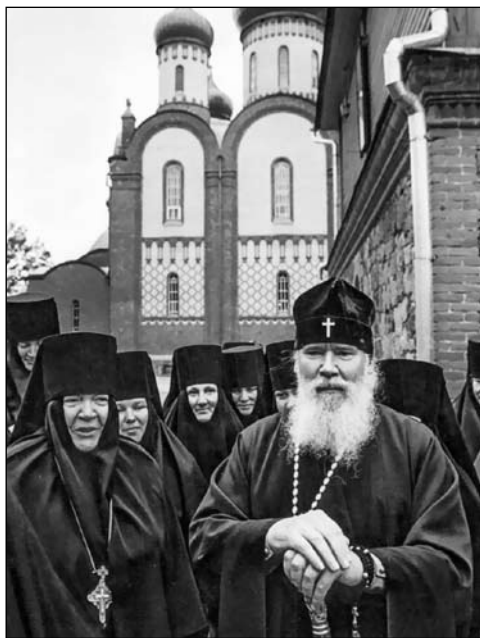
В визитационном протоколе 1608 г., хранящемся в архиве ревельской консистории, пастором, ревизовавшим Иеввенский приход, записано, что при Исаакской капелле есть некоторые крестьяне, которые говорят исключительно по-русски и

Алексей Ридигер (Таллин, 1947)
(из фотоальбома «Моя малая Родина»)

«неохотно позволяют наставлять себя в своем христианстве, а потому сходятся необвенчанными». На русской границе есть деревни, которые не принадлежат ни к какой Церкви и «дерзнули построить» русскую часовню, в которой служит приезжающий из-за границы священник.

После Северной войны, окончившейся покорением всего Прибалтийского края, открылась возможность для увеличения русского населения, и в первой половине XVIII в. в Иеввенском и Исаакском приходах оно возросло настолько, что от пасторов, назначавшихся в эти приходы, лютеранская консистория требовала знания русского языка. В 1738 г. генерал-губернаторское управление в Ревеле было занято по представлению иеввенского церковного попечителя рассмотрением вопроса, должны ли участвовать в повинностях, отбываемых в пользу евангелическо-лютеранской Церкви, русские православные крестьяне, жившие в приходе. Этот вопрос был разрешен в пользу

Прогулка по монастырю
(Пюхтицы, 29.09. 2003)
(из фотоальбома «Моя малая Родина»)

лютеранской Церкви.

В 1880-е гг. многие поселения в этой местности, в отличие от остальной Эстляндии, сохраняли русские названия. Среди имен крестьян, принадлежавших к лютеранской Церкви, встречалось много русских прозвищ (Заболотный, Тетеркин и др.), свидетельствовавших о происхождении их от русских поселенцев; проживали тут, как известно, и так называемые исаакские «полуверцы», или олутеранившиеся русские. Первые годы после учреждения Исаакского лютеранского прихода пастору при подготовке детей к конфирмации приходилось даже обучать их по-русски, так как другой язык был многим из них непонятен.

1 апреля 1886 г. начальник Эстляндского губернского жандармского управления сообщал С.В. Шаховскому, что в имении Ментак Исаакского прихода имеется место, которое, по словам старожилов, было определено для постройки православной церкви и план ее даже

представили в Санкт-Петербургскую духовную консисторию. Кто и когда ходатайствовал о постройке этой церкви, так и осталось неизвестно. К сожалению, по непониманию или равнодушию со стороны русской власти не было ничего сделано для укрепления православия там, где уже в XVI столетии русские крестьяне по своему усердию и благоговению к этому святому месту «дерзнули» выстроить часовню.

Но было и еще одно место — гора, которую эстонцы-лютеране называли Журавлиной, православные — Богородицкой, и те и другие вместе Пюхтицкой, т. е. Святой.

Древнее предание, записанное в летописи православной Ильинской церкви села Сыренец на берегу Чудского озера, повествует о том, как однажды пастух-эстонец увидел на Пюхтицкой горе *величественную женщину, окруженную лучезарным светом*. Когда он стал приближаться к горе, видение исчезло, но лишь повернул назад к стаду, оно появилось вновь.

Пастух на другой день позвал с собой односельчан, и все повторилось в точности, как и в предыдущий день. Они увидели то же видение, но когда подошли ближе, оно исчезло. На третий день много эстонских крестьян пошли посмотреть на это чудо. Оно явилось снова, но с приближением крестьян опять исчезло.

Тогда крестьяне взойшли на гору и на месте чудесного видения под старым дубом нашли *икону Успения Божией Матери*. Взяв образ, они передали его православным крестьянам деревни Ямы, рассказав о том, как обрели его: «Возьмите его себе, мы не молимся образам, а вы, русские, молитесь». Православные, приняв с благоговением и радостью явленную икону, построили на том месте малую часовню в честь Успения Божией Матери и там поставили образ. С той поры соборный священник из Нарвы

ежегодно приезжал 15 августа совершать службу для приходивших сюда богомольцев. Затем икона была перенесена в Нарву, в собор. Когда в селе Сыронец была построена церковь, то к ней с 1818 г. была приписана Пюхтицкая часовня и чудотворная икона Божией Матери перенесена в сырнецкую церковь, откуда ее каждый год 15 августа крестным ходом переносили в Пюхтицы.

Сопоставление этого предания со сведениями из визитационного протокола лютеранского пастора позволяет отнести время построения часовни ко второй половине XVI в. Это подтверждается и тем, что, по преданию, икона была найдена крестьянами-эстонцами, понимавшими значение явленного образа для православных, но отвергавшими поклонение святым иконам. Отсюда следует заключить, что таинственное видение на горе, обретение иконы и построение на этом святом месте часовни усердием православных крестьян произошло уже после того, как в Эстляндии лютеранское учение сменило католическое.

В 1842 г. везенбергский купец Нестеров, получивший от пюхтицкой иконы Успения Божией Матери исцеление от тяжелой болезни, реставрировал часовню и украсил икону серебряной позолоченной ризой. Еще раз часовня была реставрирована и украшена в 1876 г. сырнецким церковным старостой крестьянином Андреем Абрамовым, им же поставлен в часовне иконостас.

На северном склоне горы, рядом с Успенской часовней, расположено древнее кладбище. Когда образовалось это кладбище — неизвестно, но существует местное предание, что здесь *похоронены русские воины*. По боевым орудиям и доспехам, найденным в XIX в. при раскопках курганов, можно отнести появление этих могил *ко времени войн святого благоверного*

князя Александра Невского с ливонскими рыцарями.

У подошвы горы против уступа, на котором построена часовня, находится источник ключевой воды, к нему 15 августа ежегодно совершался крестный ход. Не только православными, но и всем окрестным населением этот источник признается живоносным и целебным. Эстонцы называли его «святым источником Спасителя» или «чистым источником». Хотя этот источник находился на земле, принадлежавшей имению Куртна, а затем вместе с землей стал собственностью крестьянина-лютеранина, он всегда считался принадлежащим православной часовне и сырнецкие прихожане 1 августа 1882 г. поставили над ним деревянный навес, увенчанный крестом.

Однако крестные ходы к источнику совершались с большими трудностями: за доступ к часовне и источнику православным приходилось платить большие деньги помещику — владельцу горы. В летописи сырнецкой церкви и в местных преданиях рассказывается о многих случаях исцелений от болезней как от иконы, так и водой из источника.

В XVIII и XIX вв. вести о чудотворной иконе разнеслись по всей России, и к 15 августа в праздник Успения Божией Матери в Пюхтицы стали приходить богомольцы не только из Эстляндии, Лифляндии, но и из других губерний, особенно Псковской, Петербургской, Новгородской, причем не только православные, но и лютеране.

В полутора километрах от Успенской часовни, в деревне Сомпе, ко времени основания Пюхтицкого монастыря существовала еще одна небольшая часовенка, в которой хранилось пять иконных досок. На двух едва можно было различить изображения Знамения Божией Матери и Ахтырской Божией Матери.

По местному народному преданию, на этом месте была другая часовня, в которой находился явленный образ святителя Николая. Но в 1820 г. деревня и часовня сгорели. Когда погорельцы стали отстраивать свои избы, двум христианам святитель Николай явился во сне и сказал: «Вы все тужите о своих домах, а о моем доме никто не заботится, и меня оставляют в колодце». Вскоре крестьяне действительно нашли икону на дне деревенского колодца. Они и поставили в честь этого события маленькую часовню, но древняя явленная икона затерялась, а часовня продолжала называться Никольской.

В 1884 г. Рижский епископ преосвященный Донат (Бабинский-Соколов) командировал в Пюхтицы священника ревельского Преображенского собора о. К. Тизика для участия в богослужении на эстонском языке 15 августа. Перед многочисленными (до 500 человек) верующими, собравшимися на праздник, он сказал большую проповедь, и крестьянам были розданы книжки и брошюры религиозного содержания на эстонском языке. Многие выражали пожелание, чтобы и впредь богослужение и проповеди совершались по-эстонски. Верующие жаловались, что из-за далекого расстояния (20–25 км) они в храмах бывают редко, по тем же причинам священники и пасторы их деревни никогда не посещают. После этого священник К. Тизик приезжал в Пюхтицы неоднократно (28 октября 1884 г., 17 февраля и 14 апреля 1885 г.), и часовня всегда была полна молящимися.

Эстляндский губернатор князь С.В. Шаховской увидел в этих событиях связующее звено, способствующее *единению русского и эстонского народов под покровом православия*. Он считал, что Пюхтицкая святыня, которая сохранялась в течение веков самим народом, должна выполнять историческую задачу на окраине Рос-

сии и потому необходимо построить на этом месте монастырь. В представлении обер-прокурору Святейшего Синода от 5 апреля 1888 г. губернатор указывал, что «нигде в Эстляндской губернии устройство и обеспечение православного прихода не встретило таких трудностей и такого противодействия, как в Пюхтицком приходе».

Особое значение в устройении монастыря имело торжество в Пюхтице 15 августа 1888 г., которое посетили высокопреосвященный Арсений (Брянцев) и генерал-губернатор Эстляндии С.В. Шаховской. 9000 человек присутствовали на всенощном бдении в канун праздника и на Божественной литургии, участвовали в крестных ходах. «Любой человек, порусски мыслящий и чувствующий, побывавши в Пюхтице в тот день, — свидетельствовал очевидец, — пережил бы глубокое настроение; любой иностранец, пожелавший пристально и беспристрастно взглянуть во все происходившее в этот день на Богородицкой горе, вынес бы много поучительных для себя впечатлений. Здесь воочию стало ясно, что то «прикосновение к земле и к народу», на спасительность коего для нашей оторванной от родной почвы «интеллигенции» столь горячо всегда настаивал еще Константин Аксаков, состоит именно в том, чтобы жить в народе, а не вне его, возлюбить то, что любит народ, жить тем, чем он живет, усвоить себе то, что составляет светоч его духовной жизни, усвоить свободно, непринужденно, трезво, просто, без вычурных фраз и без пиэтического сентиментальничанья».

Пюхтицкая святыня в течение ряда веков собирала вокруг себя в праздник Успения Божией Матери русских людей, не имевших православных храмов и рассеянных по всему Прибалтийскому краю, и, как правило, к ним присоединялись и эстонцы. Все вместе они приходили в Пюхтицы по-

молиться и сохраняли теплившийся в их сердце свет православия, а вместе с православием сохраняли и свои национальные черты. Никакие житейские невзгоды, трудности местного быта и явные препятствия не в силах были удержать русских крестьян от почитания Пюхтицкой иконы. Почитаемая простыми сельскими людьми, она неоднократно подвергалась «опасности быть вовсе стертою с лица земли и погибнуть стараниями фанатиков».

Но прошли дни невзгод. Эстляндская святыня приобрела известность среди всех без исключения слоев русского общества, а начало этому было положено торжествами в Пюхтице 15 августа 1888 г. Первые православные богослужения на эстонском языке происходили здесь как раз тогда, когда в северной Лифляндии, преимущественно в Гапсальском уезде и на островах, среди эстонских крестьян расширялось новое движение за присоединение к православной Церкви.

Лютеранское духовенство понимало, что движение может распространиться и на Пюхтицкий край, тем более что здесь проживало много русских. Уже после второго приезда отца К.Тизику в Пюхтицы в октябре 1884 г. лютеранские пасторы из Иевви и Исаакского прихода стали каждое воскресенье поочередно навещать своих прихожан в деревнях Лехтие и Сомпе для совершения богослужения, а в апреле 1885 г. на Богородицкой горе, всего в 200 м от Успенской часовни, приступили к постройке лютеранской кирки.

Постройка была начата самовольно, без разрешения правительства и производилась на средства, щедро отпущенные эстляндским дворянством. В августе губернатор запретил строительство, тогда эстляндское дворянство и пасторы послали в столицу ходоков с жалобами и прошениями об отмене указаний губернатора и о

Памятник Патриарху Алексию II
в Таллине у храма во имя иконы
Божией Матери «Скоропослушница»
(скульптор А. Литвинов. 2012)
(из фотоальбома «Моя малая Родина»)

получении разрешения на постройку кирки, умалчивая, что она уже почти готова. Среди местных крестьян велась усиленная агитация в пользу этих прошений; тех, кто будет посещать православную церковь и посылать детей в православные школы, грозили выселить с арендуемых участков.

В сообщениях губернатора в Санкт-Петербург указывалось, что православный крестьянин Собин за предоставление ночлега священнику К.Тизику и помощь в оповещении крестьян о православной службе был изгнан помещиком Дикгофом с арендуемого участка; лютеранский учитель Рейсберг, осмелившийся принять священника в своей квартире, лишился места; учитель исаакской лютеранской школы Томберг, дирижировавший пением лютеранских церковных гимнов 15 августа во время православного богослужения в Пюхтице, также остался без работы.

Присоединившийся первым к православию крестьянин Пикат, арендовавший большой участок в имении Эрида, был лишен его якобы за нарушение обязательного по контракту севооборота и из зажиточного крестьянина превратился в бо-быля. «Весть об этом происшествии облетела всю окрестность, — сообщал в правительственные инстанции губернатор, — и укоренила в местном крестьянском населении совершенно справедливое убеждение, что перейти в православие безнаказанно нельзя».

Но князь С.В. Шаховской энергично продолжал начатое им дело: в декабре 1885 г. в Пюхтицкий приход был назначен постоянный священник Иоанн Иогансон и открыта приходская школа, в которую поступило 22 ученика, у крестьянина Андреева для причта наняты помещения.

Вопрос об отчуждении 30 десятин земли у помещика Дикгофа и о незаконном начале строительства кирки неоднократно рассматривался в различных юридических и финансовых комиссиях. Наконец, сопротивление лютеранского духовенства и помещиков было сломлено императорским указом от 22 апреля 1891 г. об отчуждении земель за соответствующее вознаграждение.

Значительную роль в этом деле сыграло Иеввенское братство, возникшее в 1887 г. по инициативе С.В. Шаховского как отделение православного Прибалтийского братства Христа Спасителя и Божией Матери под председательством княгини Е.Д. Шаховской, супруги генерал-губернатора. Ближайшую свою задачу братство видело в призрении и воспитании сирот православного исповедания, а также в оказании медицинской помощи сельскому населению без различия исповедания в основанных им приютах и лечебницах. Главной же его целью было устройство женской обители на

Богородицкой горе, куда могли бы быть перенесены открытые в Иевве благотворительные учреждения.

Первоначально был возбужден вопрос об отчуждении в пользу вновь открытого православного Пюхтицкого прихода 5 десятин земли, затем об изъятии из рук иноверцев всей Богородицкой горы. После отчуждения земли для Иеввенского братства Святейший Синод разрешил учредить на Богородицкой горе Пюхтицкую Успенскую женскую общину на такое количество сестер, какое община в состоянии содержать на свои средства.

Торжество открытия общины было приурочено к празднику Успения Божией Матери 1891 г. К этому дню окончена была постройка на горе деревянного дома для сестер, и император пожаловал общине богатые священнические облачения. Вскоре Иеввенское братство купило для общины два соседних с Богородицкой горой участка в 200 десятин земли с полным хозяйством и инвентарем. Лютеранская кирка была перестроена в православный храм, и 13 августа 1892 г. архиепископ Арсений «вместо извлеченного из-под основания кирки письменного документа, в котором было написано, что кирка основывалась в принятие мер против православия», положил под престол металлическую доску с подписью, что храм устроен во имя Успения Пресвятой Богородицы.

В течение этого года около соборного храма построили деревянное здание для трапезной с подвальным этажом и мезонином, к северо-востоку от храма — здание для келий, недалеко от собора — большой деревянный флигель для лечебницы. Все эти постройки освятил епископ Арсений при многочисленном стечении богомольцев. 14 августа заложены были Святые ворота с колокольней.

Число сестер в общине к этому времени уже превышало 30. В новый собор перенесли и святыню — икону Успения Божией Матери. На средства Иеввенского братства еще в 1891 г. при общине был открыт приют для детей бедняков, на следующий год начался прием больных в монастырской лечебнице. По определению Святейшего Синода от 23 октября 1892 г. община получила статус монастыря, и был уже в полном объеме введен монастырский богослужебный круг. Число послушниц к этому времени достигло 60. Из них образовали два хора, один пел на церковнославянском языке, другой — на эстонском. Проповеди в монастырском храме произносились также на двух языках.

Обитель привлекала местное население не только богослужением и проповедями, но и благотворительностью. К монастырю были приписаны также три часовни: в Пюхтице в честь святителя Николая (сооружена в 1891 г.), в деревне Овсово в честь Рождества Христова (сооружена в 1892 г.) и в Ревеле на Русском рынке во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, построенная в 1888 г. трудами С.В. Шаховского.

Князь Шаховской, считавший устройство монастыря одним из важнейших дел своей жизни, завещал похоронить его в Пюхтице. Это и было сделано после его кончины, последовавшей 12 октября 1894 г. Его вдова осталась жить в монастыре и над могилой построила храм во имя преподобного Сергия Радонежского, освященный 5 июля 1893 г.

Из года в год Пюхтицкий Успенский женский монастырь все больше привлекал в свои стены молящихся и, как предвидел губернатор князь С.В. Шаховской, играл роль связующего звена между русскими и эстонцами в деле утверждения православия в Эстонии.

СТРОИТЕЛЬСТВО АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

Ревельский Преображенский собор, бывший первоначально католической церковью Михайловского монастыря, а позднее лютеранской киркой для шведского войска, лишь при Петре I был обращен в православный храм. Он был рассчитан на 800 молящихся и как по своему внешнему виду, так и по внутреннему устройству не соответствовал достоинству православного собора.

Еще при первом посещении Ревеля по вступлении на Рижскую кафедру преосвященный Арсений был неприятно поражен отсутствием в этом древнем, многолюдном и главном городе Эстляндии благолепного, построенного на видном месте православного храма. Вот как описывали в «Рижских епархиальных ведомостях» отъезд владыки из Ревеля в 1887 г.: «Долго владыка стоял на открытой платформе своего вагона в сосредоточенном размышлении... Пред его глазами расстилалась дивная панорама г. Ревеля с его средневековыми башнями, застывшим на высокой скале в своем гордом величии Вышгородом и многочисленными, высоко поднимающимися шпилями лютеранских церквей... Лишь на самом краю города, за городской чертой можно было различить небольшой зеленый купол кладбищенской православной церкви, на погосте которой не одно поколение православных нашло себе тихое упокоевание после трудной, полной невзгод жизни минувшего, тяжелого для них времени».

В феврале 1887 г. ревельское православное духовенство подало губернатору докладную записку о необходимости постройки нового собора, большего по размерам и более представительного по внешнему виду. С.В. Шаховской весьма энергично поддержал это начинание и стал хода-

тайствовать о разрешении на сбор пожертвований в пределах Российской империи для постройки соборного храма. Синод ассигновал на это строительство 60 000 руб., и преосвященный Арсений готов был начать строительство. Но С.В. Шаховской обратился с письмом, в котором признавал «не только абсолютно невозможным, но и унижительным для достоинства господствующей Церкви ограничить размеры предположенного к постройке в г. Ревеле собора суммою от 50 до 60 тысяч руб. ...Лучше уж вовсе отложить мысль о постройке собора, чем оскорблять несоответствующей постройкой чувства всего православного населения г. Ревеля».

Он сообщил преосвященному, что ходатайствовал о разрешении составить под его «председательством особый комитет для сбора по всей империи пожертвований на постройку ревельского собора».

Такое разрешение было дано указом Александра III от 2 апреля 1888 г., и в июне под председательством князя Шаховского был создан комитет по сбору пожертвований, куда вошли протоиерей ревельского собора С.И. Попов, священник того же собора К.А. Тизик и священник Николаевской церкви М.Т. Иконников, а также многочисленные представители от гражданского и военного ведомств губернии. Всего в состав комитета входило в разное время 49 человек. Первое заседание состоялось 10 августа при участии преосвященного епископа Рижского и Митавского Арсения и 17 членов комитета. Епископ Арсений взял на себя труд обратиться ко всем епархиальным архиереям России с просьбой о содействии в сборе пожертвований.

С первого заседания комитет уделял много времени решению вопроса о выборе места для будущего собора, проводились исследования грунта на предполагаемых местах строитель-

ства: под Вышгородом на ул. Висмари, на Вышгороде, у Русского рынка или против реального училища. Два последних участка оказались непригодными из-за слабого грунта и высокого уровня почвенных вод. Рассматривался еще ряд мест, в том числе у водонапорной башни на Тынисмяги, на горке против башни Кик-ин-де-Кёк. Комитет остановил свой выбор на участке на Вышгороде как наиболее отвечающем требованиям постройки собора. На основании всех изысканий на заседании комитета 17 апреля 1893 г. большинством голосов было отдано предпочтение Вышгороду. Место это не требовало особых земляных работ, необходимых в других местах, поскольку там на небольшой глубине залегала скала. Кроме того, как заметил член комитета священник К. Тизик, «собор, стоя на наиболее возвышенном месте города, займет для себя вполне достойное место, послужит значительно и украшению Вышгорода и всего города, в противном же случае, помимо неудобств чисто почвенных, как здание сравнительно невеликое, совершенно потеряется среди громадных зданий готического типа, будет, находясь за городскими стенами, как бы отодвинут за пределы города, в местности низменной, в предместье».

Товарищ министра внутренних дел сенатор Плеве, приехав в Ревель, утвердил место для собора на Вышгороде. Но площадь на Вышгороде, хотя и была достаточна по своим размерам, чтобы вместить здание собора, все же требовала расширения. Комитет в установленном законом порядке ходатайствовал об отчуждении земли на южной стороне Вышгорода с домами баронессы Врангель, графа Ребиндера и зданием Дворянской кредитной кассы. Все это время немецкие бароны вели агитацию против строительства собора, который,

по их мнению, будет портить вид ганзейского города «русскими луковичками».

8 июня 1893 г. последовал императорский указ Правительствующему Сенату, в котором значилось: «Признав за благо разрешить сооружение православного соборного храма в Ревеле на Вышгородской площади, занятом ныне сквером, повелеваем: 1) в видах расширения сей площади сделать распоряжение к сношению расположенных с южной стороны оной трех домов и к отчуждению находящейся под ними земли в собственность православного духовного ведомства и 2) в вознаграждение владельцев означенных недвижимостей поступить на основании общих для империи узаконений об имуществах, отчуждаемых по распоряжению правительства».

Владельцы домов вначале и слушать не хотели о предложениях комитета уступить дома, но после выхода указа согласились и получили вознаграждение в сумме 89 000 руб. Здание Дворянской кассы было впоследствии отремонтировано и сохранено для причта собора.

На первых же заседаниях комитета занялся организацией сбора пожертвований, для чего по всей империи было разослано 55 595 подписных листов, содержащих воззвание, составленное С.В. Шаховским.

К 1 августа 1895 г. по подписным листам было собрано пожертвований 392 621 руб., но в связи с тем, что в 1893–1895 гг. пришлось израсходовать значительные суммы (93 000 руб.) на снос зданий и расчистку участка, а также на непредусмотренные проектом земляные работы (20 000 руб.), возникло опасение, что средств не хватит, и сбор пожертвований был продолжен. К 15 сентября 1899 г. сумма пожертвований достигла 434 623 руб., а кроме того, на украшение собора и обзаведение

утварью в 1897 г. ассигновано казной еще 150 000 руб. После смерти князя Шаховского председателем комитета с декабря 1894 г. стал новый эстляндский губернатор Е.Н. Скалой.

30 августа 1893 г. архиепископ Рижский Арсений освятил место строительства собора в присутствии гостей: управляющего канцелярией Святейшего Синода В.К. Саблера, председателя Прибалтийского православного братства бывшего эстляндского губернатора М.Н. Галкина-Враского и губернатора края князя С.В. Шаховского. Из Пюхтицкого монастыря принесена была чудотворная икона Успения Божией Матери. После литургии в Преображенском соборе к месту, отведенному для нового собора, состоялся торжественный крестный ход с участием многочисленных граждан города и войск. Комитет поручил адъюнкт-профессору Академии художеств академику М.Т. Преображенскому составить проект трехпрестольного пятиглавого собора на 1500 человек в стиле древних русских церквей, с одной ризницей, доступной для всех алтарей, и с отдельным входом с площади для духовенства, а также с подсобными помещениями для библиотеки, хозяйственных нужд, сторожей и т.д. Стоимость с отделкой по смете оказалась не более 400 000 руб.

Проект был утвержден комитетом 29 марта 1894 г. Одновременно было получено и согласие архиепископа Арсения на приведение проекта в исполнение. И июля 1894 г. проект и сметы на сумму 398 461 руб., одобренные в строительном комитете Министерства внутренних дел, были окончательно утверждены Александром III.

15 марта 1894 г. комитет выделил из своего состава специальную строительную комиссию, в которой в разное время председательствовали А.А. Макаров (до мая 1894 г.), затем (до мая

1899 г.) В.М.Лаговский и после него В.Я.Фукс. Постоянным членом комиссии от духовенства был священник К.Тизик. Помощниками архитектора пригласили архитектора-художника А.А.Полешука, младшего губернского инженера архитектора-художника Н.Н.Тамма и младшего губернского архитектора Н.А.Хераскова. 11 августа комитет заключил контракт с подрядчиком, санкт-петербургским купцом 1-й гильдии И.Д.Гордеевым, который обязался за 282 000 руб. к осени 1897 г. поставить собор по представленному проекту без внутреннего убранства.

Однако при строительстве было обнаружено, что скала нуждается в укреплении и продольную линию собора необходимо передвинуть к северу на 4 м, чтобы обеспечить прочное основание. Это на 20 000 руб. увеличило расход на дополнительные земляные работы и доразведку грунта. Только 2 мая 1895 г. окончательно определились линии фундамента храма и его окончательные размеры: длина от западных дверей до горнего места — 21 саж. (42,7 м), ширина от южных до северных дверей — 13 саж. (27,7 м) при высоте от тротуара до креста — 27 саж. (57,5 м).

7 мая после молебна начались работы по укладке фундамента, а 20 августа архиепископ Арсений уже освящал закладку храма. Из Пюхтицкого монастыря прибыла чудотворная икона Успения Божией Матери, и в 12 часов, после литургии и крестного хода из Преображенского собора к месту закладки нового собора, архиепископ Арсений вложил медную вызолоченную доску в стену горнего места будущего алтаря, на которой было выгравировано, что освящается закладка собора во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. С доской было положено несколько монет.

Замедление работ в начальный период несколько отодвинуло сроки их

окончания. 2 ноября 1897 г. на купол собора были водружены железные позолоченные кресты, внутренняя штукатурка закончена в 1898 г. Колокола доставлены к началу лета 1898 г., 7 июня освящены епископом Агафангелом (Преображенским) и подняты. «В 10 ¹/₂ часов вечера того же дня, когда епископ Агафангел, сопровождаемый властями, духовенством и народом возвращался в Ригу, с ревельского Вышгорода раздался первый звон в большой соборный колокол».

Весь звон собора состоит из 11 колоколов общим весом в 1682 пуда 12 фунтов (почти 27 т). Из них 1-й, самый большой колокол, весит 979 пудов и 2 фунта и язык 39 пудов, что вместе составляет более 1018 пудов (около 16,3 т); 2-й — 312 пудов и каждый последующий примерно в два раза меньше предыдущего; последний, одиннадцатый, колокол весит только 29 фунтов (11,6 кг). Осенью 1898 г. в соборе было устроено отопление.

К 1 августа следующего года изготовлен и установлен деревянный с позолотой иконостас, мозаичные образа на фасадах собора, сделанные архитектором академиком А.Н.Фроловым в С.-Петербурге. К марту 1900 г. окончательно закончены украшения и отделка собора.

29 апреля 1900 г. в новопостроенном соборе преосвященный Агафангел, епископ Рижский и Митавский, совершил всенощное бдение, а 30 апреля состоялось торжество освящения собора. Среди гостей присутствовали товарищ обер-прокурора Святейшего Синода сенатор Саблер и товарищ министра внутренних дел Стишинский, другие представители государственной администрации. В новый собор перешел русский приход из Преображенского собора, а последний передали эстонскому православному приходу. Таким образом, был решен вопрос о духовном окормлении православных города.

ПРОПОВЕДЬ ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Ну вот, дорогие братья и сестры, сейчас с вами будем исповедоваться немножечко, это хорошо очень, немножко душу свою, совесть свою очистим, потом причастимся, даст Бог.

Всё это очень хорошее дело. И мне вот пришли слова Христа на память. Христос говорит, что «иго Мое (т.е. Христово иго) иго Мое благое и бремя Мое легкое». И вот мне вспомнились слова одного нашего древнего... древнего русского большого епископа /.../ давал наставление священникам. Священникам, которые шли потом служить в свои приходы, и говорил, что... Ну, давал свои какие-то епископские советы, чтобы они вели жизнь благочестивую, богобоязненную, не забывали бы и молиться, читать Евангелие, от винопития воздерживались... На русской земле как раз всегда любили водочку попивать, поэтому он так сказал: от этого тоже берегитесь. Ну, и потом сказал очень такие важные слова, хорошие, важные слова: «Вот, — говорит, — придут люди со своими бедами, нуждами, с горем, с грехами своими — вы, — говорит, — на них тяжелого ига не накладывайте». Т.е. не надо как-то очень строго судить людей, потому что иго Христово должно быть легким.

Видите? По словам Христа: «Иго мое благое, бремя мое легкое». Т.е. если люди говорят что-то, то ваше дело не судить и не наказывать как-то очень сурово, а сочувствовать, помогать, молиться, что-то доброе посоветовать, ну и, конечно, если надо, то что-то такое, ну, что ли... Может, надо кого-то как-то, ну, и наказать по-своему. Но наказание должно быть, наказание — не какое-то такое... ну, что ли, действие палача, который рубит, режет и бьет. Нет, не в этом ведь смысл и цель всего

**Протоиерей
Владимир Залипский
(1926–1997)***

«Христос и Бог
всегда только
призывают.
Призывают,
объясняют,
увещевают,
советуют...»**

Проповеди и беседы отца Владимира — плод его труда над самим собой. Читая то, что когда-то тихо, часто со слезами произносилось с амвона, можно почерпнуть немало полезного и необходимого для души, выбрать верное направление духовной жизни.

Митрополит Корнилий

Father Vladimir's sermons and conversations are the fruit of his work on himself. Reading what was once said quietly, often with tears from the pulpit, you can learn a lot of useful and necessary for the soul, choose the right direction of spiritual life.

Metropolitan Cornelius

Ключевые слова: совесть, эпитимия, желание добра и пользы

Keywords: conscience, penance, desire for good and good

* Православный священник, проповедник, Эстония.

** Окончание. Предыдущие публикации см. в № 1, 2, 4, 2014; № 5, 6, 2015.

«...Самый верный путь —
это миловать людей»
(протоиерей Владимир Залипский)

дела-то. Смысл и цель — вот если и наказывать — то должно наказание пойти на пользу человеку, т.е. помочь ему избавиться, освободиться, вылезти из этого греха.

Поэтому, скажем, есть у нас такое слово эпитимия. Эпитимия означает такое, так сказать... Ну вот, священник может наложить эпитимию на человека, на верующего человека... Т.е., значит, дать ему какое-то такое... ну, упражнение или правило, какой-то дополнительный пост на него наложить, или, скажем, молитв побольше читать, чем положено. Допустим, от каких-то удовольствий повоздержаться — это может быть такое как бы правило, чтобы человек его придерживался. Или что-нибудь еще.

Если священник так сделает, — он это должен делать не для того, чтобы человека угнетать, для угнетения, для того, чтобы как-то его прибить, сделать ему больно — нет, не надо делать никому больно, или угнетать, или на него наступать, или как-то его, не знаю, ну, позорить там — этого не надо, это ни к чему совсем, не в этом дело. Дело в том, чтобы было такое дано правило человеку, что-то поручить ему такое делать, что помогло бы человеку как-то полегче и поскорей избавиться от той греховной привычки, от того нехорошего, что его в руках держит. Понимаете? Вот в чем дело. Вот в этом смысл всего.

Я почему об этом сейчас говорю? Потому что, дай Бог, чтобы и наше отношение друг с другом — не отношение священника с верующими, но и нас, верующих, друг с другом, ну, и вообще с людьми не только верующими, с кем бы мы дела ни имели, верующими, неверующими — неважно, — дай Бог, чтобы мы всегда имели в виду, руководствовались именно всегда *желанием добра и пользы* тому, с кем мы дело имеем. Никогда не бить, не давить, не унижать, не позорить, не делать больно, не оскорблять. Дай Бог. Если видим, что он делает не так, нехорошо, мы с этим не соглашаемся, нет. Соглашаться с нехорошим, с грехом не надо. Но бить по человеку из-за этого тоже не надо. Потому что мы своим битьем, своим ударом, уколом — мы его еще больше озлобим. Озлобим! Он ошетинится, и если он даже и склонен, скажем, от чего-то нехорошего отойти, то он может из упрямства остаться, сказать: ах, раз так, заставляют — я все равно буду это делать, наперекор тем людям. Так устроен человек, таков уж нрав у человека обычно бывает, что чем больше жмешь, тем он больше противится.

Поэтому... есть хорошие очень слова у апостола Павла. Он говорит так: «Где Бог, там свобода».

Т.е. всегда свобода. И никогда Бог и Христос ни на кого не давили и, так сказать, не принуждали. Этого никогда не было. *Христос и Бог всегда только призывают. Призывают, объясняют, увещевают, советуют.* Надо человеку показать, к чему он идет, какие последствия его неправильности, его греха, зла, порока — ну, кто к чему пристрастился. Допустим, ну... кто-то начал, допустим, попивать, кто-то начал принимать наркотики, кто-то там, скажем, влез в какой-нибудь там блуд или, я не знаю, в плотские какие-то пристрастия. Или что-нибудь еще... Или начинает при-

страшаться к деньгам, к вещам, собирать очень много, становится скуповатым. Тут, конечно, хорошо как-то помочь, но очень остороженько, бережно это делать, чтобы его никак не оскорбить, не обидеть, не унизить, чтобы не было того, что вот я поучаю, вот я лучше его. Тогда ничего не получится никогда.

Вообще, святые — ведь они всегда вели себя так... мудро. Скорее, я даже сказал бы, не то, что мудро — для святых это было естественно. Святые никогда *не считали себя лучше других*. К ним приходили всякие: грешники и преступники приходили. И никакой святой никогда не считал, что вот он вот хороший, а этот плохой — никогда, никогда. Он всегда помнил, что он... и считал себя вот так, себя почитал худым перед Богом, последним человеком, грешным.

Апостол Павел говорит — Павел Апостол, великий, величайший человек, — говорит, что я, говорит, первый грешник. И говорит искренне. Искренне. Серафим Саровский, когда к нему приходили, он тоже всем кланялся в ноги и с радостью всех принимал как братьев своих и сестер. И преподобный Амвросий Оптинский, он совсем недавно умер, тоже он был очень такой милостивый, добрый, любящий, простой человек, приветливый, он всех принимал.

Помню, одна женщина к нему пришла... пришла к нему, думала поисповедоваться и боялась очень исповеди, очень боялась исповеди. У нее, в общем, такая вещь была: была семейная, молодая, у нее случилась измена, мужу изменила. Получилось, именно получилось так, получилось так, что изменила. Это было разовое дело, но все-таки изменила. Ну, в те времена на это смотрели очень, так сказать, косо — строго, сурово.

И она пришла, хотела поисповедоваться и видит, что Амвросий преподобный стоит не в своей келье, не

в своем домике, а стоит под окном, скажем, на крыльце. Народу масса кругом, и он там принимает, при всех идет разговор. Он всех принимает, по очереди подходят... И вот теперь она думает: как подойти, и люди тут стоят, а кроме того, вообще ей страшно, она боялась, боялась, робела, очень стыдно было ей за себя...

И вдруг Амвросий Оптинский (вот ведь был такой, видел человека), вдруг именно он ее подзывает, молодую. Она идет прямо ни жива, ни мертва, думает: ну, теперь будет позор, он прямо при всех скажет, обличит и... тяжело очень. Но он очень так просто сказал, что... он ничего ей о ней не сказал, он сказал так (он всегда говорил такими поговорками), сказал, значит, так: «Сидор да Карп на селе проживают, а грех да беда с кем не бывают?» И больше ничего не стал говорить. Только она сама поняла, о чем речь шла. Он сразу увидел, в чем ее грех был, все знал. Он сказал: «Грех да беда с кем не бывают?». Т.е. ты — человек. Ну, случилось с тобой, я это понимаю, Бог тебе... я тебя не сужу, не сужу... Довольно того, что она сама... ей стыдно было, она каялась... «Грех да беда с кем не бывают?»

И очень как-то так мило все, ласково принял ее. Вот это отношение святых. И это правильное отношение, очень правильное. И вот такое отношение может помочь, оно действительно может человеку как-то... что у него сразу и совесть пробудится, и душа заговорит, сама заговорит. Каждый ведь себя, в общем, знает, каждый знает себя и меру своей вины, поэтому тут особенно наступать на больную мозоль не надо, ничего это не даст. Лучше так хорошо отнестись, с пониманием, с сочувствием, с состраданием, с христианским таким чувством, лучше.

Вот это дай Бог всем нам с вами, всем нам с вами... Если мы так будем относиться, нам самим легче будет,

если у нас какие-то там грехи, какие-то привычки нехорошие — у многих из нас, может быть, у всех это есть, какие-то изъяны, каждый себя знает, вот в чем дело-то.

Так вот, надо иметь в виду, что если мы хотим как-то от этого избавляться, от своего нехорошего — трудновато будет. И вот самый верный путь — это *миловать* людей, *прощать* их и *не осуждать* их, и ни в кого не бросать камни, ни в кого. Если мы так будем делать все время — дома, на работе, в любом месте — и кто он такой там, и что, не напирая ни на нацию, ни на веру, ни на что, *а всегда видеть человека, в любом видеть человека и постараться всегда понять его*, понять и прежде всего понять как-то, войти в положение, поставить себя на его место.

И не быть быстрым на суд и осуждение. Не быть быстрым, потому что судить очень трудно вообще. Потому что надо очень много знать. Очень много знать. И ведь не даром же, не даром же суды гражданские — как долго ведется следствие, какие собираются материалы! Следователи, все эти судебные работники — они долго готовятся к суду, только тогда уже начинают рассматривать, выносить приговор. И это правильно. Надо очень много узнать.

А, скажем вот, с грехом человека, с этим по-своему еще бывает труднее, тут надо душу узнать человека, душу, его настроение, как он воспитан, откуда он пришел, что он видел. Это очень много, очень много. И вообще надо узнать его природу, к чему он склонен, понимаете? Другой бывает по своей натуре человек такой, понимаете, такой... расположен и к добру, и к чистоте, он уже по натуре как бы христианин, ему легче. Другой какой-то такой родился, с характером трудным очень таким раздражительным и мрачным, может, и утешение ему гораздо труднее дать.

И Бог когда смотрит, Он это все учитывает, Бог все учитывает. Поэтому Суд Божий — праведный суд. Бог не ошибается, а мы можем ошибиться.

Вот поэтому лучше нам не судить. Нам и сказано: «Не судите». Это Христова заповедь, Христов совет. Не судите. И не осуждайте других. Подождите суда Божия, потому что Бог не ошибется. Суд Божий — он истинный, правдивый, справедливый, и еще Суд Божий всегда милостивый, всегда милостивый, очень милостивый. И Суд Божий такой, что он именно направлен на помощь и исправление человека, на то, чтобы как-то все-таки его из его грязной ямы, в которой он сидит, вызволить. Вот поэтому, конечно, дай Бог нам относиться к людям по-братски.

Я еще почему об этом сейчас говорю? Сегодня память Нила Сорского — такой святой у нас был в XV веке. Это замечательный был человек, потому что он очень по натуре был скромный, простой человек. Простой человек, скромный, простой... И он никогда не смотрел ни на что внешнее — на вид, на положение. Для него это ничего не значило. И сам он очень просто выглядел. Он смотрел на суть, на существо дела и считал, что *христианство — это прежде всего воспитание души, воспитание нрава человека, воспитание в себе добра, простоты, отзывчивости, добра, совести, милосердия...* да-да, потому что в этом христианство, в этом христианство, ни в чем другом. Не во внешнем, не в убранстве, не в том, что я вот одену какую-нибудь одежду и... я не знаю, на мне уже надета красивая одежда... Это не имеет значения.

Имеет значение, какая душа у человека, как он живет и что он делает. Не важно, кто это — мирянин, или священник, или епископ, или патриарх. Не это важно. Важно, что за человек, не какое место он занимает, а как он себя ведет. Можно занимать

маленькое место и быть большим перед Богом, можно занимать большое место и быть перед Богом очень маленьким. Так что дай Бог нам это помнить.

Ну что же, теперь будем исповедоваться тогда с вами понемножечку. Будете подходить, говорить свои грехи перед Богом — я человек грешный, будете Христу говорить. Ну что же, дай Бог вам, братья и сестры, мира, мира в душе, мира вам, очищения совести, добра настоящего, христианского добра. Христианское добро — это исполнение заповедей Христовых относительно всех тех, кто нас окружает — в этом христианское добро. И дай Бог нам веры во Христа — искренней, крепкой веры. Чтобы у нас был один Учитель — Христос. Один Учитель. Вот наш настоящий Учитель, единственный. И всё, что со Христом, со словами Христа, с духом Христа согласно — то будем принимать, что не согласно, от того... добра не будет. Ну, Христос воскрес!

ПРОПОВЕДЬ ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Вот, братья и сестры, сейчас в конце молитвы я произнес слова: «Боже, очисти нас грешных и помилуй нас... Боже, очисти меня грешного и помилуй меня». Вот этими словами, братья и сестры, я, в общем-то, говорил и исповедую перед Богом и перед вами, что я такой же грешник, как и вы, ничуть не лучше вас. Поэтому обращение мое к вам — дружеское. Дружеское обращение: желаю вам всем *как брат*, не как какой-то начальник или наставник, но как брат, желаю вам помощи, помощи Божией, желаю вам исправления: исправления всякой нашей с вами кривизны, всякой нашей с вами неправды, всякого зла, всякой нечистоты. Потому что это-то, в общем, самое главное и есть в жизни.

Я хорошо помню, как говорили наши святые отцы — вот один святой

Так вот, надо иметь в виду, что если мы хотим как-то от этого избавляться, от своего нехорошего — *трудновато* будет.

И вот самый верный путь — это **миловать** людей, **прощать** их и **не осуждать** их, и ни в кого не бросать камни, ни в кого.

Если мы так будем делать все время — дома, на работе, в любом месте — и кто он такой там, и что, не напирая ни на нацию, ни на веру, ни на что, а всегда видеть человека, в любом видеть человека

и постараться всегда понять его, понять и прежде всего понять как-то, войти в положение, поставить себя на его место.

И не быть быстрым на суд и осуждение. Не быть быстрым, потому что судить очень трудно вообще. Потому что надо очень много знать. Очень много знать.

И ведь недаром же, недаром же суды гражданские — как долго ведется следствие, какие собираются материалы!

Следователи, все эти судебные работники — они долго готовятся к суду, только тогда уже начинают рассматривать, выносить приговор. И это правильно.

Надо очень много узнать

пишет так: всякое дело на земле — всякое дело, любое там: профессия, занятие какое-то, скажем, любимое занятие, развлечение, может быть там, еще что-то, каким бы оно ни казалось бы большим, прекрасным, великим, глубокомысленным, нужным, интересным, — все это всего лишь только *поделок*. Поделок. А что главное дело, говорят святые, главное

дело — это борьба с самим собой, борьба со своими, как говорят наши святые, со страстями и похотями, со своей вот ложью, неправдой, нечистотой, злом, завистью, самолюбием, злорадством — в общем, со всем тем, что нас омрачает, что нас разделяет с Богом.

Потому что всякий грех, всякое зло, всякая неправда, всякое уклонение от Божиих заповедей, всякое уклонение от любви, правды и чистоты — оно нас неизбежно, неизбежно, хотим мы этого или не хотим, обязательно с Богом *разделяет*. Вот почему говорит святой один древний: воля наша — *злая воля, нечистая воля, наше самолюбие, наше себялюбие*, это, говорит, — *медная стена*. Он такое выражение употребляет: это, говорит, медная, это вообще, металлическая стена, очень толстая, твердая, непроницаемая. Это, говорит, медная стена между человеком, между нами и Богом.

Конечно, так оно и есть. Вот это я могу сказать уже по своему опыту — у меня есть опыт греха — что это точно так и есть. Истинно так. Это не выдумка, это не красивые слова, это не преувеличение, это не есть какое-то такое... Другой раз думают, что Церковь учит чему-то очень такому что ли, ну... нежизненному, такому чему-то ну... очень уж трудному, что требования завышены. Нет, не завышены, всё верно. Если верно хотим, если хочет человек дышать полной грудью, в себе иметь, и переживать, и ощущать и свободу, и радость, и свет, и любовь настоящую, и полноту жизни — такой указан только один путь: тот, который указан Господом Иисусом Христом в Евангелии. Это путь веры и хранения заповедей. Другого пути нет. Поэтому все другие, скажем, советы, какие-то искания выходов каких-то других, попытки как-то уклониться, перетолковать слова Христа, что-то себе послабить,

облегчить — не получится, не получится, хотим мы этого или не хотим. Вот так вот.

Вот поэтому мы сейчас читаем эти исповедные молитвы — молитвой этой, в общем, начинается псалом 50-й. Вот тут такие слова есть у Давида святого: «Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть вину». Это очень хорошо говорит Давид, очень хорошо, очень нужно для нас, для каждого человека. И очень, так сказать, практично, т.е. очень жизненно. Давид говорит перед Богом: я свое беззаконие, т.е. свой грех, знаю. Знаю. И мой грех всегда передо мной. И это очень хорошо, это прямо, братья и сестры, прямо, ну, скажем так: это то, что мы... т.е. хорошо, дай Бог, чтобы нам свою вину, свою неправду, свое зло, свой грех, свой изъязн, свою болячку, свою болезнь знать. Знать и не выпускать ее из виду никогда...

Помню, как пишет один писатель современный — он рассказывает о древнем времени и об одном большом военном человеке, об одном генерале. Тот едет из Москвы после посещения одного очень высокого лица. Едет к себе, в военную часть, на фронт. И в то же время, когда он приехал в Москву, он узнал, что жена у него умирает. У нее болезнь неизлечимая, последняя стадия — я не помню, какая это болезнь была. А он получил в Москве повышение, он стал, значит, таким очень большим начальником военным. Едет всё начальство. Такой по-своему радостный, окрыленный, большие даны возможности, власть, полномочия. Он едет, значит.

И вот хорошо писатель говорит, что у этого генерала как бы поток мыслей на двух уровнях: *верхний* и *нижний*. Как бы такой обычный, такой, вот, житейский, связанный с делами очень важными, а другой — такой как бы сокровенный, внутренний, очень глубокий, сердечный. Это

мысль о жене, которая умирает. И вот так: с одной стороны, надо ему делать, он призывается к большому такому делу, очень нужному, полезному для родины, для народа. И это всё надо делать, конечно, это всё очень хорошо, и он имеет талант и силы, и способности, и власть — всё имеет. И это радость. А вот внутренний, глубокий такой вот, сокровенный, сердечный такой... такой поток, движение, это постоянная такая щемящая мысль — вернее, не просто мысль, а чувство — чувство, что уходит жена, что она умирает. Т.е. это неизбежно.

Вот, братья и сестры, я почему это сейчас говорю? Вот, примерно, у христианина, у верующего человека, хорошо, если тоже постоянно присутствуют вот такие вот два движения — движения мысли или, скажем даже, ну по-своему, это даже *два настроения, два состояния*. Это состояния, которые, конечно, всех нас обязывают — да не просто обязывают, это все получается естественно. У нас у каждого есть свои заботы, свои дела — общественные, рабочие, семейные. Всё это надо делать. И стараться делать надо по совести, хорошо всё надо стараться делать. И дело делать и людей не выпускать из виду, которые перед нами, и с ними общаться, и давать то, что нужно им дать, идти им навстречу — это всё надо.

И другой, вот, дай Бог, чтобы у нас у каждого был и другой, вот, тоже, так сказать, поток — внутренний такой, *движение сердечное*, или мысль, скажем, или состояние, настроение. Это вот мысль, состояние, настроение присутствия в нас в данный момент нашей перед Богом вины, нашего греха, нашей нищеты. Это то состояние, из которого наши святые подвижники постоянно зывали ко Христу: «Господи, помилуй меня грешного!». И это были слова такие... И это было не механическое повторение — просто положено, скажем...

Вообще-то так: всем монахам, монашествующим, по правилам нашим древним монашеским полагается приучаться к так называемой Иисусовой молитве. Вот этой молитве: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!». Они призываются это постоянно повторять и к этой молитве себя приучать. И это, конечно, хорошо, правильно.

Но надо иметь в виду, что дай Бог любому монаху, не было бы это чем-то таким... бездумным тверждением: «Господи помилуй, Господи помилуй» — без всякой мысли, без чувства. Это не будет правильно. Хотя, конечно, с этого начинать можно, молодые с этого начинают обычно — ну, им-то легче: переживаний особых нет, хорошее настроение, здоровье, веселые, жизнерадостные — так они и повторяют.

Но постепенно начинает это действовать в жизни — и они начинают постепенно себя узнавать. Узнают свои слабости, свои немощи. Появляются грехи — и немалые грехи появляются. И вот тогда человек уже действительно начинает чувствовать, что он действительно перед Богом грешник и виноватый, что он много делает нехорошего. Хотя он чувствует и знает, что Бог любит его. Но все-таки в нем начинает проявляться и жить вот именно его эта греховная, эта нищая природа, которая себя открывает и проявляет себя. И вот у человека уже появляется не механическая, не холодная, не по привычке, а настоящая молитва. Т.е. настоящий зов ко Господу: «Господи, Ты видишь: хочу не грешить — всё равно грешу; стараюсь — всё равно грешу; бьюсь — всё равно грешу!». Это уже живое ощущение и познание самого себя. Познание своей нищеты. Это то, что Христос говорит апостолам: «Без Меня вы не можете делать ничего» — т.е. настоящего, хорошего. Это значит — без Моей помощи, без Мо-

его духа, без того, чтобы держаться за Меня и то, что я говорю, стараться делать. Вот без этого вы ничего делать не сможете. И вот человек молодой — он, постепенно живя, убеждается, что Христос правду говорил. Поэтому вот — во Христа верить, молиться Ему, от души молиться, благоговеть перед Его словами, стараться эти слова хранить обязательно, всеми силами.

У Давида в одном псалме такие слова есть: «Всем сердцем моим ищу Тебя» — всем сердцем! — «не дай мне уклониться» — т.е. сойти с пути, — «не дай мне уклониться от заповедей Твоих. В сердце моем скрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою». Это сказано... Это не просто очень красивые, скажем, такие поэтические слова. Нет, это опыт — опыт жизни. Что действительно, вместо того, чтобы слова Христа сложить не здесь, в уме, а вот тут, в сердце сложить и хранить их там, и жить этими словами, и стараться всё время от них не отступать. В этом настоящая жизнь и радость человека.

Вот, братья и сестры, что мне сегодня положилось на сердце вам сказать. Дай, Господи... Потому что, вот, в истинности этих слов, этих мыслей я постоянно сам убеждаюсь. Постоянно, на любом месте и в любое время, и в любых положениях. В церкви ли я, на улице ли я, дома ли я, с людьми ли я, один ли я, — все время чувствую, что без Христа, без Его силы, без Его помощи, без Его духа, без молитвы к Нему, без благоговения, без так называемого страха Божия. Страх Божий — это великое дело, и очень хорошее дело, и нужное дело, обязательно. Сказано: «Начало премудрости — страх Божий». Т.е. начало настоящей жизни, настоящей жизни — это есть Богобоязненность, боязнь нарушить волю Божию, боязнь прогневать Бога. Боязнь от Него отступить, боязнь от Него отвернуть-

ся, боязнь не посчитаться с Ним, боязнь ослушаться Его — в этом правда, в этом житейская правда, потому что истинно человек благоговейный, богобоязненный — это счастливый человек, счастливый.

И это так всегда, всегда, потому что если что-то он сделает, то он тут же покается в сердце своем, и поплачет, и попросит прощения у Господа, и, конечно, сразу же исправится. Если он кого обидел, он тут же с ним помиритесь. Если он что-то... Чего ни возьми, любое дело — если он покривит, ошибется, не так сделает, он обязательно исправится, обязательно. Потому что совесть ему не даст с этим жить. Совесть живая, она будет мучиться, с таким мучением жить нельзя. Обязательно человек такой и помолится, и пойдет в церковь, и поисповедается, всё открыто скажет, ничего не скроет и, конечно, постарается от своей неправды, от зла (ну от любого) отойти. Отойти обязательно. И свое нехорошее загладить хорошим. Вот в этом и есть жизнь, в этом жизнь христианина. В этом жизнь его, в этом его радость, в этом его свет. Потому что живущий так, я говорю, он радостен.

У меня есть один знакомый человек, он еще жив пока. Просто говорю так, потому что пришел сейчас, вот, на память. Этот человек очень хороший, очень простой, почти совсем необразованный — один рабочий одного большого, очень большого сибирского завода. Он в школу, наверное, ходил в свое время, сейчас старый, пенсионер, глубокий пенсионер. Но он еще работает. Это очень светлый человек, очень светлый. Светлый даже прямо не то, что по душе — у него и лицо-то светлое. *Всегда благодушный, всегда он радостный, всегда.* Он вообще, по-видимому, не способен обижаться.

При мне его обижали, оскорбляли. Причем, конечно, его оскорбить-

то /.../, просто так, к нему было некоторое такое *пренебрежение*. Бывают люди простые такие — на них смотрят люди, ну что ли так, пообразованнее, смотрят так... вроде такого лаптя. Лапотъ — простенький такой, невоспитанный, себя вести, как полагается, не умеет. И вот я видел, как к нему так... небрежно относились. Я думаю, он всё это понимал, потому что простые люди, они очень такие чистые — они мудрые, они чувствуют всё.

Но вот как-то он не обижался. Наоборот, своей постоянной такой вот приветливостью, истинно христианским смирением, и вот *необидчивостью* такой, он и этих людей, которые его презирали, скажем так, смотрели на него «сверху вниз» — он и их изменял, настроение их изменял. Т.е. они переставали его так обижать, пренебрегать им, смотреть на него сверху вниз. Вот так вот. Они, по видимому, даже сами и не сознавали, но чувствовали, что в этом человеке есть что-то очень хорошее — очень хорошее, к нему располагающее и обезоруживающее. Так что вот гордость и какое-то пренебрежение отходило от них.

Так что действительно, настоящий христианин — это великий человек, великий человек. Это тот, который *преображает мир, преобразает людей*. Вот почему Господь-то, Господь — Он никогда ничего в человеческом обществе не преобразовывал и не изменял. Господь никогда не был таким общественным деятелем. Господь обращался к душе каждого человека. И стремился, так сказать, *перевоспитывать душу* каждого человека. Потому что знал Господь: если изменится один человек и каждый в себе изменится — изменится и пре-

образится всё общество. Так что и Господь никогда никого не насиловал, так сказать, ничего не организовывал. Потому что считал, что это не нужно. Он обращался к душе и совести, и разуму, и сознанию каждого человека. И им говорил. И опять-таки тоже: не заставлял, а вот именно благовествовал, т. е. открывал, говорил, показывал. Господь даже не убеждал — Он не тянул, не тянул за С собой никогда...

Были случаи, когда от Господа многие отходили, и оставалось очень мало с Ним, очень мало. Пожалуй, каждый учитель бы забеспокоился, что ученики-то уходят, идеи впредь с кем останутся? И вот, когда осталась горсточка, совсем маленькая — Он сказал в одном месте... Господь говорит: «Не хотите ли и вы отойти от Меня?». И вот тогда один из учеников говорит: «Господи, к кому нам идти? У Тебя слова, у Тебя глаголы вечной жизни. И мы это узнали». И вот эта вот горсточка маленькая, которая узнала Христа по-настоящему, вот поэтому она и была ценная — эта горсточка. Вот на этой горсточке учеников было заковано все христианство. Церковь на ней была построена...

Ну вот, у нас уже началось, началось уже чтение Часов... Так что вот, дорогие братья и сестры, дай Господи и нам с вами сегодня тоже, у кого что есть, истинно перед Богом покаяться. Покаяться — т. е. всё сказать, что есть на душе. И положить, конечно, с Божией помощью, начало исправлению. В этом есть покаяние. И меня простите, братья и сестры, если кого обидел...

публикация протоиерея Игоря Прекупа
(Эстонская Православная Церковь,
Московский Патриархат)

Протоиерей
Игорь Прекуп*

Духовно- нравственное воспитание — что такое оно есть?

В наше время, когда, как сказал сатирик, «болезнь принимает здоровые формы», понятие «духовно-нравственное воспитание» становится особенно уязвимым. Что понимать под «духовностью», что такое мораль и нравственность? И главное, для чего нужно духовно-нравственное воспитание?

Nowadays, when, as the satirist said, «the disease takes on healthy forms», the concept of «spiritual and moral education» becomes especially vulnerable. What is meant by spirituality, what is morality? And most importantly, why do you need spiritual and moral education?

Ключевые слова: духовность, мораль, нравственность, добродетель, грех, скверна

Keywords: spirituality, morality, morality, virtue, sin, filth

* Настоятель храма в честь прп. Сергия Радонежского, духовный писатель, г. Палдиски, Эстония.

«ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ...»

Это словосочетание своей *частой проговариваемостью* к месту и не к месту давно уже стало несколько раздражать, как идеологический термин, который положено включать в свою речь, дабы создать впечатление лояльности провозглашенному сверху курсу. По аналогии вспоминается, как во второй половине 80-х гг. ответственными работниками произносились слова «перестройка», «демократия», «ускорение», «гласность», «плюрализм».

В то время каждый, кто считал своим долгом «шагать в ногу со временем», по-прежнему проявляя верность Партии, колеблясь только вместе с ее руководящей линией, вставлял их где ни попадя, имитируя прогрессивные настроения.

Кто, как понимал, вернее, как хотел понимать, так и осуществлял провозглашенные руководством страны ценности. А потому многие поняли гласность, как вседозволенность в СМИ сплетен, снятие любых «табу» (и чем запретнее тема была до тех пор, тем чаще и усиленнее она прокручивалась) и «зеленый свет» безответственной болтовне на любые темы.

Спущенный сверху плюрализм зачастую понимался, как требование признания одновременной правильности взаимоисключающих мнений, запрет хранить верность своим убеждениям и недопустимость публично исповедовать что-либо, как истину в последней инстанции. Ну, а демократия — в основном, благодаря тем ее друзьям, с которыми, как говорится, никаких врагов не надо, — была понята, как система, при которой власть захватывают болтуны и аферисты, то ли неспособные справиться с разгулом страстей

в обществе, то ли намеренно его провоцирующие и наживающиеся на нем.

Видимо, партийная верхушка привычно рассчитывала, что «идея овладеет массами», вместо того чтобы создать этим самым «массам» условия для овладения идеей. Кому-то, как всегда, не хватило понимания, что любые перемены в обществе должны тщательно готовиться, причем готовиться, в первую очередь, именно теоретически. Преобразователи во все времена должны понимать, что они имеют в виду под провозглашаемыми ими «красивыми словами», смысл которых следует длительное время растолковывать обществу, тщательно отсеивая ложные интерпретации.

Иначе неизбежно возникает понятийная путаница, и вместо того, что намеревались создать, образуется какой-то уродец, носящий имя того, что было задумано, и это лишь полбеды. А настоящая беда в том, что по этому уродцу начинают судить о природе явления, имя которого он, по недоразумению, носит. Так и *дискредитируются ценности*.

Кстати, в наше время аналогично происходит со словами «толерантность» и «либерализм», которые, благодаря их извращенному истолкованию и применению, давно уже стали чуть ли не ругательными.

Все сказанное выше имеет прямое отношение к *духовно-нравственному воспитанию*. Не только потому, что о нем заговорили тогда же, когда начали дуть ветры перемен. К сожалению, то же самое забалтывание терминов, искажающее именуемые ими понятия, происходит и со словами, обозначающими ценности, значимые для вечной жизни: «любовь», «единство», «святость», «духовность» и пр. Последнее оказалось очень легко поддающимся фальсификации (в общепринятом смысле этого слова).

МЕТАМОРФОЗА ИДЕОЛОГИИ?

Тенденция превратить Православие в идеологию зародилась в конце 80-х и вызрела к нулевым. Коммунизм дискредитировал себя в качестве государственной скрепы и державно-ориентированным государственным и общественным деятелям Православие показалось весьма перспективным идеологическим преемником этой роли. «Пророком» этой стратегической линии оказался на гребне перестроечной волны тогдашний «Уполномоченный всея Руси» К.М.Харчев, который, выступая перед преподавателями ВПШ в 1988 г., выразил надежду, что компартии удастся направить «религиозное возрождение» в правильное русло, так, чтобы советские люди одновременно «верили в Бога и в коммунизм». То, что когда-то могло показаться плодом больного воображения, спустя некоторое время, стало воплощаться в жизнь.

В советское время существовало понятие идейно-нравственного воспитания. Поэтому для кого-то новое словосочетание «духовно-нравственное» оказалось не более, чем терминологической коррекцией (всего-навсего одно слово заменить другим, кажущимся родственным по смыслу) при несущественной идеологической реновации. Выражаясь словами М.Жванецкого, «болезнь приняла здоровые формы». Тем она опасней. Чтобы не допустить подмены, приходится всматриваться в сущность понятий, дистанцируясь от налипших на них стереотипов, искажающих восприятие сути. Не только в данном случае, разумеется. Но, коль скоро речь у нас о понятии духовно-нравственного, рассмотрим понятие *духовности*.

ДУХОВНОСТЬ И «ДУХОВНОСТЬ»

Где-то полтора десятка лет назад мое внимание привлекла статья О.Гу-

риной «Духовность и религия», опубликованная на одном из коммунистических сайтов. Автор искренне недоумевала, «почему неизмеримое в своем многообразии содержание духовной жизни человека напрямую связывается и безусловно ограничивается верой в бога?». При всей сколь банальной, столь же и характерной смеси невежества с воинствующим атеизмом статья заслуживает внимания, потому что автор четко формулирует актуальный вопрос: что есть духовность и при чем тут вера в Бога?

Попытаемся, с Божией помощью, объяснить.

Как правило, мы слышим слово «духовность» в связи с культурой, нередко в связи с достижениями в области спорта, реже в контексте обсуждения проблем этического и педагогического порядка. Симптоматично, что понятие «духовности» больше увязывается с эстетикой, нежели чем с этикой.

«Поэтический талант дает многое, когда он сочетается с хорошим вкусом и направляем сильной мыслью. Чтобы художественное творчество одерживало большие победы, необходимы для него широкие умственные горизонты. Только культура ума делает возможной культуру духа».

Из этих слов, принадлежащих поэту Серебряного века Валерию Брюсову, следует, что понятие духовности трактуется как некое интеллектуально-волевое начало, некая сила, влекущая человека от прошлого и низменного к возвышенному, свободному от условностей зыбкого в своей тленности мира, сила, утверждающая какие-то непреходящие (в его понимании культурные) ценности.

Насколько правомерно такое толкование понятий духа и духовности?

Если мы откроем Большую Советскую Энциклопедию, то узнаем, что

«дух» — это «философское понятие, означающее невещественное начало, в отличие от материального, природного начала». Прочтем в БСЭ также и о том, что в античности понятие духа мыслилось как тончайший субстрат с некоторыми признаками материи и что у Платона и Аристотеля «нус (ум) становится важнейшим понятием — он является перводвигателем космоса и формообразующим началом, изливающим свои энергии в темную и бесформенную материю».

Отметив поверхностность изложения в БСЭ античного понятия о духе, уточним, что вопреки марксистско-ленинской теории духовное начало, как по Платону, так и по Аристотелю, при всем различии их учений, является божественным и есть основа личности человека. Будь то идеальный мир Платона, откуда приходит бессмертная душа, «помнящая» божественную красоту, имеющая понятие о благе, или учение Аристотеля о первичной Форме, являющейся Умом (Духом), смыслом и целью всего существующего — оба эти учения наделяют понятие духовного вполне определенным божественным содержанием.

Итак, мы видим, что уже в античности понятие духовности человека было напрямую соотнесено с интуитивно прозреваемым Духом. Все позднейшие интерпретации понятия «духа», «духовности» — подмена первоначального содержания. По словарю Брокгауза и Ефрона дух — это начало в человеке, противоположное телу, которое обозначает субстрат высших способностей человека как существа, одаренного разумом и волей. Соответственно этому пониманию, дух отличают от души: последняя считается субстратом чувств и чувствований, тогда как дух есть преимущественно субстрат мышления и хотения.

Наиболее полный спектр понятия духовного дает Толковый словарь

В.Даля: *бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; всё относящееся к Богу, церкви, вере; всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля.*

Это толкование может показаться весьма широким, если рассматривать его раздробленно по точкам с запятыми. На самом же деле понятие духовного, которое дает Даль, *цельно*, и попытка его деления оборачивается не делением, а расчленением, потому что понятие духовного восходит к Духу — к Богу, от Которого и нравственные силы человека, как и всякое бытие вообще.

Так понимали духовное и античные философы, так понимали его святые Отцы, так понимаем и мы — православные христиане начала третьего тысячелетия по Рождестве Христовом.

Как уже отмечалось выше, БСЭ дает весьма специфическое толкование духовного. В изданном в конце 90-х гг. «Толковом словаре русского языка конца XX века» наблюдается некоторый шаг навстречу изначальному содержанию понятия духовности: одно из его значений — это «сфера религиозных интересов человека».

Однако было бы легкомысленно выделять «сферу религиозных интересов» в некую самостоятельную область духовности, так же как не следует игнорировать религиозный аспект, потому что «одна из черт подлинной духовности — это соответствие и учения, и веры, и жизни с учением Спасителя Христа, — говорит митр. Антоний Сурожский. — Это очень важно, потому что Господь есть явление истины, есть Сама Истина, пришедшая в мир. И подлинная духовная жизнь не может быть основана не на чем ином, как на Его откровении Себя Самого и тайн Божиих и воли Божией в Нем. <...> **Духовность — присутствие и действие Святого Духа в нас, через нас и посредством нас и в мире.**».

Храм в честь прп. Сергия Радонежского
(г. Палдиски, Эстония)

Человек — трехсоставен: дух, душа и тело.

Архиепископ Нафанаил (Львов) рассматривает, как относящиеся к *душевному миру*, категории *справедливости, нравственности, приличия*, а к *духовному* — категории, свойственные Божеству: *истину, добро, любовь, красоту*, и уточняет, что из духовных категорий, безусловно, являются таковыми первые две, тогда как *любовь и красота духовны, когда они связаны с истиной и добром.*

Душа может прилепляться *либо к плотскому началу, либо к духовному.* В зависимости от своего выбора она *либо проникается страстями века сего, либо одухотворяется благодатью Духа Святого.*

Часто духовностью называют душевную жизнь, как бы противопоставляя ее материальному началу. На самом деле четкую границу между духовностью и душевностью провести нелегко. Есть и такие богословские концепции, которые не рассматривают дух как самостоятельное начало естества человека, понимая его как более высокую форму душевной жизни.

Не приходится удивляться тому, что, когда фетишу идеологии прежней эпохи — материализму противопоставили некую неопределенную «духовность», тут же параллельно медленному, с натугой начавшемуся возрождению истинной духовности, буйным цветом расцвела именно духовность ложная, темная — оккультизм, тоталитарное сектантство и пр., а также получили простор искания интеллекта и воли в любых направлениях, и чем «нетрадиционнее», тем лучше — ненормативная лексика и порнография и т.п. — общество стало своего рода аренной борьбы духа за свободу своей самореализации.

На фоне всего этого хаоса традиционная культура предстает хранилищем «непреходящих ценностей» и представительницей истинной духовности, но все же непреходящими в строгом смысле слова могут быть лишь те ценности, которые пребывают за пределами преходящей земной жизни в вечности.

И мы вновь возвращаемся к тому, что истинно духовными, а стало быть, и абсолютно ценными являются только духовно-нравственные добродетели, о которых упоминает апостол Павел: «...любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5: 22–23), возвращаемые и плодоносящие во Христе

Митр. Антоний возражает: «духовное не есть просто продолжение или высшее выражение душевного, совершенство душевного. Нельзя сказать, что где-то кончается душевное и начинается духовное: *есть какая-то область, где самым нормальным образом совершается взаимное проникновение*. Трудность опознать, где что начинается или кончается, в том, что духовный опыт мы сознаем в душевной плоскости: все духовные явления так или иначе отражаются в нашей психической области».

Среди значительного письменного наследия свт. Феофана Затворника есть замечательная книга, которая называется соответственно рассматриваемой нами теме: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться». Вот что он пишет: «Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой». Дух есть то начало в человеке, которое побуждает его искать смысл своей жизни за пределами окружающей его действительности. Именно дух жаждет Бога, не давая насытиться человеку земными благами, и он, тревожимый совестью, или еще глубже укрепляется в служении мамоне, или ищет свой путь к Богу и начинает служить Ему, потому что, выражаясь словами свт. Феофана, дух есть «высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, характеризующая человека и отличающая его от всех других живых тварей наземных. Можно сию силу ослаблять в разных степенях, можно криво истолковывать ее требования, но совсем заглушить или истребить ее нельзя. Она — неотъемлемая принадлежность нашего человеческого естества и у всякого проявляет себя своим образом. <...> Духовность есть норма человеческой жизни».

Возвращаясь к цитате из статьи О. Гуриной, можем констатировать,

что в эпоху перестройки, когда ниспровергались идолаи прежней идеологии, на место одного из них — материализма — воздвигли другой — «духовность» (причем духовность всякую — лишь бы в пику идолу отвергнутой идеологии проклятой эпохи), и не позаботились разобраться в этом понятии, а между тем ведь и в ниспровергнутой идеологии была своя квазидуховность — соблазнительная, светлая, но свет ее был светом, о котором предупреждал еще апостол Павел, говоря, что *и сатана принимает вид ангела света, тем более слугители его* (2 Кор. 11: 14–15).

Поэтому не приходится удивляться тому, что, когда фетишу идеологии прежней эпохи — материализму противопоставили некую неопределенную «духовность», тут же параллельно медленному, с натугой начавшемуся возрождению *истинной духовности*, буйным цветом расцвела именно *духовность ложная*, темная — оккультизм, тоталитарное сектантство и пр., а также получили простор искания интеллекта и воли в любых направлениях, и чем «нетрадиционнее», тем лучше — ненормативная лексика и порнография и т.п. — общество стало своего рода ареной борьбы духа за свободу своей самореализации.

На фоне всего этого хаоса традиционная культура предстает хранительницей «непреходящих ценностей» и представительницей истинной духовности, но все же *непреходящими в строгом смысле слова могут быть лишь те ценности, которые пребывают за пределами преходящей земной жизни в вечности*. И мы вновь возвращаемся к тому, что *истинно духовными, а стало быть, и абсолютно ценными являются только духовно-нравственные добродетели*, о которых упоминает апостол Павел: «...любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5: 22–23), возвращаемые и плодотворные во Христе.

МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Сочетание духовного и нравственного органично присуще природе человека. Духовное начало в нас всегда имеет *нравственное измерение*, а нравственное обретает *нетленное качество, лишь освящаясь благодатью Духа Святого*, когда помыслы сердечные и дела фильтруются и управляются любовью к Богу и ближнему.

Мы говорим о духовно-нравственном воспитании, а не о духовно-моральном, хотя, казалось бы, какая разница? Разве слова «этика», «нравственность» и «мораль» не синонимы?.. Нет, понятия близкие, пересекающиеся, но не тождественные. Мы ведь не говорим, например, «профессиональная мораль», или «этика сей басни такова», или «корпоративная нравственность», правда? Потому что это наименования понятий во многом совместимых, но не тождественных.

Латинское слово «*mos*» означает «нрав», отсюда прилагательное «*moralis*» (моральный, нравственный, относящийся к морали, к обычаям), являющееся переводом аристотелевского термина «этический», а уже от него образовалось и существительное «*moralitas*» (мораль, нравственность) — эквивалент «этики».

Аналогично происходит и с термином «нравственность». И вот тут уже требуется от нас внимательность, во избежание понятийной путаницы, возникающей отчасти из-за созвучности слов «нрав», нравы», «нравственное» и «нравственность». «Нрав», «нравы» — то, что реально существует, то, что принято в данном кругу, в данное время, независимо от наших оценок и суждений. Мы можем одобрять их или, наоборот, сокрушаться вместе с Цицероном, когда-то воскликнувшим: «*O tempora, o mores!*» (о времена, о нравы!), но они таковы, каковы есть. А вот «нравственное» — то, что, в

Свет Христов просвещает всех
(в храме прп. Сергия Радонежского,
г. Палдиски)

отличие от бытующих нравов, признается *нравственной нормой*, «должным»; это не то, что всегда есть, но то, что должно быть, некий идеальный стандарт. И, наконец, эквивалент «этики»: «нравственность» — это осознание нравственных ориентиров, система нравственных норм, понятие, применимое одновременно и к личности, их воплощающей (в той или иной степени) в своей жизни, и к обществу, которое тоже может быть нравственным или безнравственным.

Подмена нравственных ориентиров, представлений о «должном» сомнительными нормами бытующих нравов разрушает нравственность и вызывает деформацию и деградацию морали. Кстати, тут уместно обратить внимание на разницу между понятиями «мораль» и «нравственность».

Если последняя, будучи системой нравственных *ориентиров*, представляет собой, образно говоря, *верхнюю планку* морали, то сама мораль — это как бы *некое пространство*, расположенное между этой верхней планкой, задаваемой осознаваемыми и исповедуемыми нравственными ориентирами (для православных христиан — это заповеди Божии, сама идея святости, способы и примеры ее воплощения), и *нижней чертой*, представляющей собой предел допустимого, прием-

лемого, терпимого, нарушение которого грозит порицанием и отвержением, извержением из общества... (А ведь очень многие люди изначально ориентируются на эту черту не как на минимум, а как на норму морали. Этакая психология троечника, для которого норма то, за что из школы не выгонят, а дома не выдерут.)

Чтобы определить, где проходит в общественной морали эта нижняя черта, достаточно задаться вопросом, чего в обществе принято стыдиться и что грозит ее нарушителю?

Возможно, кто-то удивится, но в современном обществе эта черта проходит не *над* злом, не *над* страстями, грехами и пороками, но *по ним*: при определенных обстоятельствах что-то оказывается вовсе не по ту сторону...

Итак, чего принято стыдиться в современном обществе? Стыдно ли убивать? Не спешите отвечать утвердительно. Например, не с точки зрения заповедей, а с точки зрения современной общественной морали, аборт разве стыдно делать? О них не принято трубить, но не потому, что они относятся к сфере общественно-порицаемого, а потому, что это считается делом личным, даже интимным, которое касается только матери убитого ребенка, максимум еще его отца, который, кстати, нередко выступает инициатором. Какой еще стыд, откуда, что вы, какое общественное порицание?! Только, если совсем уж поздний срок или отец — сама добродетель, прекрасно обеспечивает, а его желание сохранить ребенка цинично проигнорировано. Да и то порицание будет растворено «пониманием».

Или, может, эвтаназия порицается? Что вы! Все более настойчиво внедряется в общественное сознание мысль, что избавить безнадежно больного от мучений — это благо для него и чуть ли не подвиг милосердия со стороны палача (давайте уж на-

зывать вещи своими именами!), а в условиях, когда эвтаназия не легализована — это еще и героизм... Получается, какие-то убийства пока еще за чертой, но какие-то над ней, в области допустимого и приемлемого?

Или, может, стыдно в нашем обществе прелюбодействовать? *А если это любовь* (подразумевается, что *между теми, кто* грешит)?.. *А если нет любви* (имеется в виду, к тем, кому изменяют)?.. *А если врач посоветовал «для здоровья»?*.. Можно тут нагромоздить кучу-малу оправданий, при которых человек, с точки зрения обыденной морали, «имеет право налево». И это даже не всегда скрывается. Свободными отношениями на стороне порой даже похваляются, и совсем необязательно в пределах какого-то ограниченного сообщества.

Почему так происходит? Да потому, что вышеупомянутая «верхняя планка» общественной морали давно уже проходит *ниже заповедей*. Вместо них, в лучшем случае, пресловутые «права человека», порой весьма произвольно толкуемые. А превратно толкуемая свобода, в том числе свобода распоряжаться своей жизнью и здоровьем, своим телом (а сюда относится и вопрос перемены пола, и прерывание беременности, потому что плод, по-прежнему, считается составной частью материнского организма), — это священная корова либерального общества.

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ДУХОВНОЙ И НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Бытует мнение, что всё это было и раньше, люди как грешили, так и грешат, а то и лучше стало, меньше дикости, жестокости и т.п. Осмелюсь не согласиться. Конечно, грешили люди во все времена, и нет такого греха нынче, которого не было в прежние, но... когда верхняя планка

общественной морали совпадала с заповедями Божиими, нижняя проходила *не по территории порока*, деля его на приемлемую и неприемлемую часть, а над ним.

Грех считался преступлением против Бога, грешить было стыдно. И это, конечно же, сдерживало укоренение греха и его распространение. А когда ориентиры нравственные «освободились» от заповедей, то само понятие греха мало-помалу исчезло, превратилось в «красное словцо», а нижняя планка провисла и с тех пор блуждает и скользит по территории греха.

Кстати, одна из причин того, что в дореволюционную эпоху крестьяне часто неохотно отдавали детей в школу, состояла в недоверии к учителям. Все-таки в народе довольно прочно сидело понимание: «знание без воспитания — что безумному меч». А учителя, зачастую вчерашние семинаристы, курящие, склонные к выпивке и прочим светским забавам, не внушали им доверия.

Отсюда, конечно же, не следует, что дореволюционная эпоха — это сплошная праведность и тотальное благочестие. К сожалению, нет.

Если внимательно читать таких церковных писателей, как свтт. Игнатий Брянчанинов или Тихон Задонский, картина вырисовывается отнюдь не в розовых тонах. А уж если еще почитать статьи этнографов, тут и вовсе какие-либо иллюзии улечиваются, и становится ясно, что религиозность сама по себе не гарантирует праведности. И при всеобщей религиозности верхняя планка нравственных ориентиров может опускаться, а вместе с ней будет провисать и нижняя. Но, что важно понимать: во-первых, из тех же источников заметно, что уровень религиозности в народе всё же влияет на общественную мораль, либо задавая высокие нравственные ориентиры и

облагораживая нравы, либо, в случае религиозной деградации, отпуская их на волю стихии страстей; во-вторых, если сопоставить некоторые исторические события, то заметим, что падение нравов совпадает не столько с сокращением количества религиозных людей, сколько с падением уровня религиозности, т. е. с изменением ее качества, когда ослабевает влияние Церкви, и в народном сознании, пусть даже при «всеобщей воцерковленности населения», как это было до революции, прорастают языческие плевелы.

Например, у известного публициста и социолога второй половины XIX в. Н.К. Михайловского в работе «Борьба за индивидуальность» мы находим сообщение о распространенном в крестьянских семьях пороке, само название которого нынче забыли: снохачество — кровосмесительный грех свекра со своей снохой, т.е. с женой своего сына. Автор рассматривает это явление в контексте описания традиций семейного общежития у разных народов, норм семейного права и т.д., черпая примеры в разнообразных источниках, от Геродота до современных ему исследователей.

В чем же *причины* распространности этого порока именно в то время и именно в крестьянских семьях? Длительное отсутствие мужей на заработках или на службе в армии? И это, конечно, тоже, но вовсе не в первую очередь. Да, с 1793 по 1874 г. воинская служба в России длилась по 25 лет, затем 7 лет, и только после 1906 г. срок службы в армии снизился до 3 лет. Отхожие промыслы, из-за которых супруги в течение года делились крайне редко, а также проживание под одной крышей нескольких семей, из-за невозможности взрослых сыновей отделиться от своих отцов тоже играли свою роль. Но *это всё — не причины*, а внешние обстоя-

тельства, которые могут способствовать греху, но никогда не являются его причиной.

Причина греха всегда внутри самого человека, внутри сообщества. Никакие обстоятельства не могут вынудить человека ко греху, если он питает к нему отвращение. Живая вера, нелицемерное благочестие ограждают от всех соблазнов, укрепляют стойкость в искушениях. Так почему этот грех распространяется именно в крестьянском сословии, которое было наиболее религиозным?..

Во-первых, в качественном отношении религиозность религиозности разнь. Так называемое «народное православие», в котором элементы христианского сознания (как правило, сведенные к уставному благочестию) перепутаны с языческими — явление, достаточно хорошо описанное в научной литературе. Наиболее известный автор по этой тематике — покойный академик А.М. Панченко.

Во-вторых, когда, согласно исследованиям этнографов, этот грех распространяется? В XVIII–XIX вв. А что происходит в первой четверти XVIII в.? — Синодальная реформа Петра Великого, выразившаяся в каноническом обезглавливании Русской Церкви, всецелом подчинении ее жизни государственным интересам, а также в сокрушительном ударе по монашеству. А ведь монастыри на Руси всегда были очагами просвещения умов и сердец, своего рода «укрепрайонами» православной веры и нравственности.

Разорение монастырей и деградация монашества неизбежно привели к ослаблению православного сознания в народе и, «свято место пусто не бывает», к прорастанию в народе языческих стереотипов сознания и поведения, в том числе и тех, согласно которым, глава племени владеет всеми его женщинами. Само по себе положение «большака»

(«отца семейства») в крестьянской многопоколенной семье, в руках которого была, в сущности, абсолютная власть, — это не причина, но лишь искусительное обстоятельство, располагающее к злоупотреблению своим положением (по мере того, как в начале XX в. крестьянские семьи стали расселяться, актуальность снохачества сошла на нет).

Однако из всех вышеперечисленных это обстоятельство — наиболее существенное, потому что *идейно абсолютизированный авторитаризм главы семьи превращает последнюю в замкнутое сообщество, в котором самым страшным грехом считается противоление воле большака и «вынесение сора из избы»*. Народная мудрость богата на эту тему: «стыдно, когда видно», «виноват не кто украл, а кто пальцем показал» и пр. А *замалчивание греха неизбежно ведет к его укоренению и распространению*.

Другой современный пример деформации нравственного сознания вследствие выхолащивания духовного начала в людях — это «эволюция» понятия *сквернословия*.

Чтобы осмыслить это понятие, надо иметь представление не только о слове и скверне, но и обо всей системе пороков, как проявляющихся в сквернословии, так и составляющих для него своего рода питательную среду. А что мы знаем о скверне? О ней у нас есть совершенно ясное и непререкаемое свидетельство: *Не то, что входит в уста, — говорит Господь, — но то, что выходит из уст, оскверняет человека* (Мф. 15:11), потому что *исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодения, любодения, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека* (Мф. 15:18–20).

Иначе говоря, *оскверняет человека то нечистое, что исходит **через***

уста из его сердца. И позволю себе далее раскрыть смысл сказанного: *не только через уста*, но и через глаза, и через всю мимику и жесты, все раздраженные замахивания, презрительные подергивания, высокомерные выпячивания или, наоборот, подбострастные скукоживания. Когда сердце во власти греха, все тело, каждый отдельный орган становится его орудием. Вот где *источник* скверны в человеке: сердце, принимающее греховный помысел и взращивающее из него порочную страсть. Вот каков *критерий* определения скверны: грех, совершаемый мыслью, словом и делом. Вот *причина* осквернения: *уступка соблазну и коснение в греховой страсти*.

Вне греха нет и скверны. Это ясно следует из Нового Завета и святоотеческого наследия.

Отсюда следует, что *словесная природа человека оскверняется, когда слово употребляется во зло*. Уточним, однако, что «злые помыслы» могут выражаться не только в грязной ругани, но и в лукавой лести, а хуления могут носить весьма утонченный характер. Поэтому слово «сквернословие» следует рассматривать в двух значениях: в широком (полном) и узком (частном, обыденном и общепринятом) смыслах этого слова. Как сквернословие в широком смысле нами квалифицируется любая речь от междометий до шедевров риторики, *если она является словесным способом выражения греховной скверны*, вне зависимости от содержания и/или формы произносимого, и того, как сквернословящий оценивает греховность своего состояния, отдает ли он себе отчет в движущих им мотивах и осознает ли преследуемые цели.

Сквернословие в узком (общепринятом) смысле — та его часть, которая опознается обществом как непристойная лексика — то, что на

церковнославянском называется «срамословием».

Современное понятие сквернословия включает именно непристойную брань, тогда как изначально оно сводилось к богохульству, которое нынче в объем понятия сквернословия обычно не входит. Как пишет исследователь феномена сквернословия В.И. Жельвис в своем фундаментальном труде «Поле брани»: «В свое время брань даже против матери, отца, семьи считалась “малой бранью”, а все, что поминало веру, крещение, душу и т.д., — “великой бранью”».

Он же пишет, что «первые жестокие наказания за сквернословие были исключительно наказаниями за богохульства. Позже наказания автоматически были перенесены на пользующихся новыми оскорбительными слоями лексики. <...> Уменьшение роли религиозности в цивилизованном обществе привело к известной смене основных сюжетов инвективы (бранная, оскорбительная речь. — И.П.), которая стала более “светской”. В частности, одно из ведущих мест закрепилось за табу (сакрально мотивированный запрет. — И.П.) на вопросы интимной жизни человека и телесной нечистоты, которые до этого мало или совсем не табуировались». К ним-то и стало мало-помалу сводиться всё понятие сквернословия, а богохульство было вытеснено за его пределы.

Т.е., по мере ослабления даже не обязательно религиозности как таковой, а именно религиозности разумной, свободной, понятие сквернословия со временем расширялось, включая, в дополнение к богохульству, а потом и *вместо него*, все новые слои брани, после чего в «эпоху всеобщей грамотности» смыслообразующее ядро понятия было полностью вытолкнуто из него.

Оно и неудивительно: если хулить Бога стало добродетелью, как можно богохульство относить к сквернословию? Логично... с богоборческой точки зрения, разумеется. Собственно, никто ведь никаким декретом богохульство не вычеркивал из сквернословия. Так уж стихийно получилось... «в духе времени» и «в соответствии с постановлениями Партии и Правительства». В результате понятие сквернословия именно в таком выпотрошенном состоянии прижилось в нашем словаре и бытует по сей день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каковы же наши выводы? А таковы, что, с одной стороны, не следует успокаиваться на внешних признаках религиозности, как если бы она гарантировала вполне логично вытекающую из нее нравственность, а с другой, социально-акцептируемое поведение вовсе не говорит о высоком нравственном уровне человека, тем более о качестве его нравственности, ее «привитости» к Богу, об ее спасительности, благодатности. А именно это наиболее важно: *мы должны приносить сокровенный плод добродетели, а не украшаться лишь листвой добрых дел* (см. евангельское повествование о проклятии смоковницы: Мф. 21:19; Мк. 11:13–14, 20).

В деле воспитания важнейшую роль играет его *духовная основа*. Детей с самого нежного возраста необходимо приучать к тому, чтобы они задумывались о мотивах и целях своих поступков, по-христиански ли они мыслят, чувствуют, действуют — это должно их интересовать, побуждать к творческому этическому поиску, потому что не столько сказанным и сделанным, сколько мотивом и целью определяется состояние человека и качество его слова и дела.

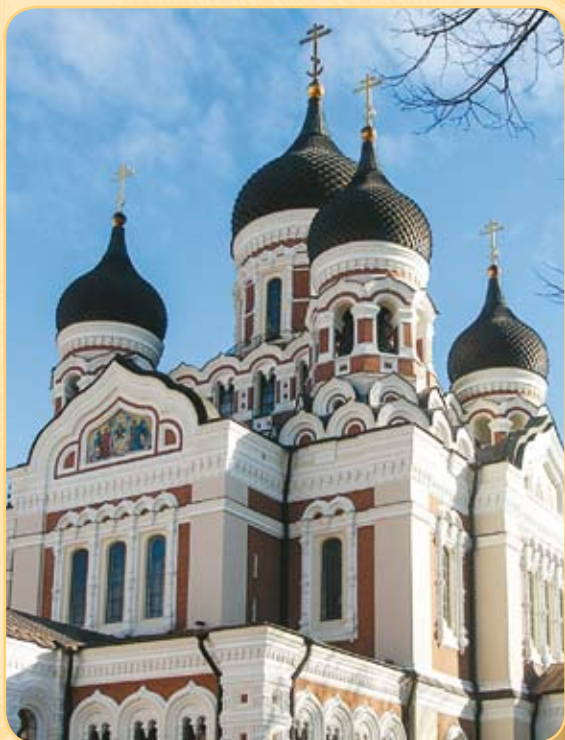
Именно — подняться, именно — взойти...

Текст, фото: Александр Фурсов

Я люблю Старый город в Таллине. Мне нравится утром и вечерней порой идти по нему, погружаясь в свои мысли, по его улочкам *подняться*, *взойти* от древней Никольской церкви до собора Александра Невского. Именно — *подняться*, именно — *взойти*... Путь православного человека всегда *в преодолении*, *восхождении*. А *восхождение* — это и *нахождение*. В Православной Эстонии я много нашел для себя, в себе — *дорогого*, *необходимого*, *особенного*.

Евгений, митрополит Таллинский
и всея Эстонии. Благословение

Кафедральный Александро-Невский собор
(г.Таллин, Эстония)

Православие — древо жизни

Как ни иди — придешь к собору

Канцелярия митрополита Таллинского
и всея Эстонии ЭПЦ МП в Старом городе

В Старом городе

*Древняя Никольская церковь
в Старом городе на улице Вене (Русская
улица)) (г.Таллин, Эстония)*

По улице Русской

Ратушная площадь

*Старый
Томас*

*Панорама Таллина с видом
на Балтийское море*

*В Старом
городе всегда
многолюдно...*

Здесь все лекарства от всех недугов...

*Среди сосен
(церковь Иоанна
Крестителя
в Нымме)*

Свет Сергия, свет Троицы в приморском городке

Храм в честь прп. Сергия Радонежского
(г. Палдиски, Эстония)

Памятный
камень у храма

Икона св. воина Феодора Ушакова
над мемориальными досками памяти экипажей
подводных лодок, погибших в Первую Мировую
и Великую Отечественную войны

Свет верховный

В крестильне

На колокольне

Как с Севастополем Палдиски связан

Ателье-музей выдающегося скульптора Амандуса Адамсона, автора Памятника затопленным кораблям в г. Севастополе (г. Палдиски, Эстония)

Лиственница, которую посадил А. Адамсон

Современный маяк на полуострове Пакри (построен в 1889 г.)

Остатки дома семьи А.Адамсона

Старинный маяк «Пакри» (1760 г.) (построен по проекту Петра I на месте, им лично выбранном)

Круты обрывы истории

Одинокий лебедь

Свет настоящий, свет будущий

№1 • 2020

Задушевные беседы

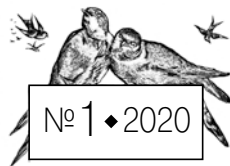
Журнал для чтения детям
по Основам православной культуры

- «Живите своими детьми, участвуйте в их жизнях...»
- Если Образ ни к чему не привязан...
- Сердце воспитывать надо!
- Любашины сказки, и... сказки для Любы

Задумшевные беседаы

Журнал для чтения детям по Основам православной культуры

СОДЕРЖАНИЕ

МОЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

- 3 Священник Владимир Холод,
иеромонах Иона (Головастикив)

**«Живите своими детьми,
участвуйте в их жизнях...»**

*Если Образ ни к чему не
привязан...*

Сердце воспитывать надо!

ПЕРВЫЕ СКАЗКИ

- 10 Людмила Шалина
**Любашины сказки,
и... сказки для Любы**
Рисунки Юрия Ткачёва

ООО «Школьная Пресса»

Задумшевные беседаы

Журнал для чтения детям
по Основам православной культуры
Выходит 2 раза в год
Приложение к журналу
«Духовно-нравственное воспитание»

*В правом верхнем углу обложки
воспроизведена икона Божией Матери
«Волжская» (Божия Матерь со
схимонахом-мальчиком святым
Боголепом Чернорским)*

Эмблематический
образ журнала —
ангельский покров
над детьми (архангел
Рафаил, ведущий
отрока Товию)
с картины художника
Ивана Ижакевича
(1864—1962)

Главный редактор **А.П. Фурсов**

Дизайн и верстка **О.В. Иванов**

Информационно-техническая
поддержка **В.А. Фурсов**

Адрес издательства и редакции

127254, Москва, а/я 62

Тел.: 619-5287. Факс: 619-5289

E-mail: aleksandr.fursoff2014@yandex.ru

frs@schoolpress.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати РФ. Рег. ПИ №ФС77-38723 от 25.01.10 г.

Формат 70x108/16

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, д. 13

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве. Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде ксерокопирования, сканирования, записи в память ЭВМ, размещение в Интернете запрещается.

В очередную книжку журнала вошли статьи о деятельности воскресных школ в храмах Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата (г. Локса, г. Пярну, г. Валга), сказки современного московского детского писателя Людмилы Шалиной, которая продолжает в своём творчестве традиции Г.-Х. Андерсена. Эти традиции заключаются во внимательном, любящем, сострадательном, милующем отношении к миру, который нас окружает – к миру людей, братьев наших меньших – зверей и птиц и вещей. В этом отношении проявляется наша подлинная человечность, в нём мы каждодневно сдаём экзамен на получение самого почётного звания на земле – человека духовного и человека нравственного.

Священник Владимир Холод

Настоятель храма св. прав. Иоанна Кронштадтского, г. Локса, Эстония

Иеромонах Иона (Головастиков)

Настоятель храма св. вмц. Екатерины, г. Пярну, Эстония

«Живите своими детьми, участвуйте в их жизнях...

Если Образ ни к чему не привязан...

Говорить на тему духовно-нравственного воспитания молодежи, отталкиваясь от жизни в небольшом городке, можно в двух аспектах – воспитание подрастающего поколения, а точнее, детей до переходного возраста, и перевоспитание тех, кто пошел по кривой стезе, тех, кого переходный возраст завёл не туда.

Долгая работа в наркореабилитационном центре, принимающем людей со всеми видами зависимостей, показала, что подавляющее большинство клиентов имели воспитание, далёкое от «духовно-нравственного». Точнее, не имели никакого. А ведь все они учились в школе, многие из правильных полноценных семей. Но всё же и о духовности речи нет, и нравственные кри-

терии как-то смазались и перешли в разряд: после меня хоть потоп.

И тут, как всегда, возникает вопрос: кто виноват? Вроде бы все виноваты – и родители, и школа, и окружение. Но когда все – это значит никто. Я склонен в большей степени обвинить старшее поколение, т. е. родителей. Потому что воспитание школа перестала давать. Образование пытается, но *Образ ни к чему не привязан*. И дети часто ходят туда не для учебы, а на каторгу. Потому что так положено, так устроен мир. Окружение в наше время сплошь состоит из людей незнакомых, *уткнувшихся в гаджеты и не замечающих ничего вокруг*. Поэтому вся ответственность за воспитание лежит на родителях и, если кому повезло, на дедушках и бабушках.

Храм св. прав. Иоанна Кронштадтского (г. Локса, Эстония)

А вот тут встаёт другой вопрос: как воспитывать детей, к чему их готовить? Ведь жизнь постоянно меняется, жизненные законы становятся все более волчьиими. Дашь слабинку в воспитании – ребёнок вырастет ни к чему не годный. Надавишь сильнее – есть риск переборщить и воспитать эгоиста, жёсткого или даже жестокого, который тебя же первого и бросит.

И становится понятно, что надо иметь какую-то систему, какие-то правильные идеалы, которые будут не зависеть от времени, от эпохи. А это, без сомнения, *христианская нравственность*. Религия в целом со своими идеалами, не подвластными векам. Со святыми учителями, по которым учились и наставлялись жизни поколения. Но проблема в том, что даже бабушки и дедушки не знакомы с христианством. Поверхностно, на уровне потребления, в виде обрядовости. А вот в глубину заглянуть нет времени. Все заняты хлебом насущным.

В нашем маленьком храме существует небольшая приходская школа. И проблемы у неё такие же, как и в больших приходах. Хотелось бы сказать, что финансовые, но

нет. Главная проблема – это нежелание познавать. Пока маленькие, пока мама или бабушка приводят, а батюшка с матушкой придумывают, как бы на подольше задержать, – группа существует. Но только ребёнок в семье получает относительную свободу, и это даже не переходный возраст, а 10–12 лет, то ребёнка в школу уже не затянуть. Очень плохо влияет свободный доступ в Интернет. Там дети находят развлечения, причем без контроля родителей, и с головой уходят в виртуальный мир. Игры на улице воспринимаются как креатив, и для него нужен специально обученный человек. Общение детей сводится до лайков в соцсетях.

Если родители хотят, чтобы их чадо выросло нормальным, конечно, необходимо, во-первых, самим подтягивать свой уровень, а значит, начинать жить полноценной жизнью христианина, не только крещёного, а в полном смысле православного. А во-вторых, всё-таки немного самим заниматься детьми, а не оставлять их на попечение кому бы то ни было.

Очень часто оказывается, что родители надеются на воскресную

школу, что она воспитает, что что-то ребенку привьёт. Но сами *пальцем не пошевелият*. И дети, видя такое отношение родителей, просто уходят. Конечно, те семечки, что сеются в храме, возможно, когда-то взойдут. Пути Господни неисповедимы. Но, а вдруг нет?

Поэтому мы стараемся побольше посеять – мультфильмы, анимированные истории о Библии, рассказы, конкурсы рисунков, стихи, совместные со взрослыми праздники, общие трапезы, игры, лагеря, рукоделие, поездки. Если не разнообразить жизнь детей, то они сами найдут себе занятие и развлечение. А тогда, возможно, придётся их исправлять после «возвращения блудного сына».

В наркореабилитационном центре делать это на порядок сложнее, потому что часто приходится использовать те же материалы, что и с детьми. Но это уже взрослые люди. Со сформировавшимся внутренним миром, который мы претендуем изменить. А человек – такое существо, которое не любит, когда ему указывают, как жить. Вот и ведётся работа с одной надеждой на помощь Божию. Что Господь управит – раз привёл человека в Центр, поможет и измениться. А тут опять все зави-

сит от родителей. Научили ли в детстве доводить дело до конца и вообще работать. Если нет, то и надежды мало. Чуть стало сложно – работа брошена, лекция не дослушана, домашнее задание не сделано. Вроде простые вещи, из серии «позаботься о себе сам», но и это не умеют или не хотят.

А работа сотрудниками ведётся большая. Это и постоянные беседы, объяснения, уговоры. И помощь психолога, который работает и в группе, и с каждым отдельно. И трудотерапия с прививанием навыков и любви к труду. Многие освоили азы некоторых профессий – повара, маляра, плотника. Разнообразный досуг не даёт унывать. Прогулки по лесу, на море, реку, озеро; грибы, ягоды, рыбалка. Поездки на мызы, знакомство с древней Эстонией. Походы по тропам здоровья. Но часто тот самый культурный уровень тянет обратно. Потому что и культуры мало, и уровень только «продлить удовольствие». Очень хочется сказать родителям: не всё упираться в деньги, *живите своими детьми, участвуйте в их жизнях*. И тогда и они, повзрослев, не забудут вас и поучаствуют в вашей старости.

Сердце воспитывать надо!

Зачем нужна воскресная школа?

Воскресная школа – это воцерковление детей, приобщение их к Православной вере.

Но для этого сама воскресная школа должна быть органичной частью приходской общины, а преподаватели школы – её активными участниками.

Церковную общину не собирают «искусственно». Конечно, при боль-

шой организаторской сноровке можно «сколотить» ориентированное на Православие учебное заведение с преподаванием Закона Божия и других предметов, но если школа не будет частью церковной общины, то и дети не будут через неё воцерковляться.

Для детей воскресная школа интересна талантливыми преподавателями, семейной обста-

Храм св. вмц. Екатерины (г. Пярну, Эстония)

новкой (этому очень способствуют совместные трапезы), общими праздниками и подготовками к ним, паломничествами, а для родителей – возможностью приобщить своего ребёнка к Православной культуре, занять его свободное время с пользой для неокрепшей души. Стержнем школы, конечно же, должно быть преподавание Закона Божия.

Систематическое чтение детям Священного Писания и Житий святых оказывает очень глубокое воздействие. Желательно, чтобы чтение проводил священнослужитель или хотя бы присутствовал при нём.

Слово Божие ложится в сердце человека как семя и если прорастёт, то принесёт плоды. Внешне это проявляется постепенно, но значение для духовной жизни ребенка имеет большее, чем любые истины, воспринятые только умом. *Сердце воспитывать надо!*

Со временем в воскресной школе, в которой всё делается с любовью, обязательно возникнут и свои традиции.

Невозможно не сказать об участии воспитанников воскресной школы в богослужении.

Разумеется, духовенство должно показывать детям пример благоговения к службе и к святыне.

Старшие мальчики воскресной школы – те, кто к этому способны, могут прислуживать в алтаре. От алтарников, независимо от возраста, требуются благоговейное поведение во время службы, строгое послушание старшим, участие в уборке алтаря.

Если у педагогов есть серьёзные основания опасаться, что алтарное послушание послужит некоторым детям в соблазн, то лучше удерживать их от него под каким-нибудь благовидным предлогом.

Если детский хор поёт за литургией, естественно, чтобы дети причащались. Желательно и педагогам причащаться вместе с ними. Исповедь удобно устраивать накануне.

Хорошо, когда в воскресных школах есть социальное служение (посильная помощь старикам), ведётся сбор материалов о новомучениках, есть обучение иконописи, совершаются паломничества по святым местам.

Приобщая детей к церковным обрядам, можно ненавязчиво способствовать укоренению в их сердцах важных христианских догматов. Церковные обряды воспитывают душу ребёнка. Например, кланяясь перед иконой и прикладываясь к ней, ребёнок не только учится почитать того, кто изображён на ней,

но и благоговейно относиться к Православным святыням.

Когда ребёнок целует благословляющую его руку священника, он принимает благодать, ниспосланную ему Свыше, – целует как бы невидимую руку Самого Христа Спасителя. Как говорит святитель Иоанн Златоуст: «Не человек благословляет, а Бог его рукою и языком». Это ясно и из слов священника: «Бог благословит!».

Современные дети большую часть времени проводят в нецерковной среде. И надо учитывать, что воздействие окружающего внешнего мира в значительной мере обуславливает и мировоззрение детей. Поэтому, не снимая с себя ответственности за воспитание детей в наших церковных школах, мы должны принять воспитанников такими, какими их видим, со всеми недостатками. Но с любовью и твёрдо постоянно надо объяснять подросткам их проступки, ибо нельзя безразлич-

но наблюдать за непослушанием, лишая детей духовной поддержки и наставления как раз в тот самый период, когда они в этом больше всего нуждаются.

Если мы будем держать в общении с детьми только аскетический тон, то большинство ребят окажутся вне нашего влияния – детям необходим доверительный тон общения, чтобы они не скрывали от нас своих взглядов, своих переживаний.

Однажды меня спросили: «Можно ли священнику сопровождать детей на праздничную дискотеку, чтобы там тихонько постоять в стороне и понаблюдать за общим весельем?». Думаю, что для этого достаточно участия воспитателей и педагогов. Иначе отроки, наблюдая за внешним спокойствием батюшки, будут воспринимать его снисхождение к детской немоции – баловству как благословение, а это очень разные вещи. Благословение священника – это путь к Богу.

Приложение 1

О деятельности Воскресной школы и прихода храма св. вмц. Екатерины в г. Пярну (Эстония) в духовно-нравственном воспитании юного поколения

В сентябре 2009 г. при Пярнуском храме св. вмц. Екатерины начала свою работу группа Воскресной школы. Было принято 15 учащихся в возрасте 7–9 лет, и с того времени школа продолжает свою работу. Курс обучения «Первые шаги в церковной жизни» рассчитан на три года. Занятия проходят по воскресеньям с сентября по май на основе конкретного учебно-тематического плана, рассчитанного на обучение детей 7–13 лет и утвержденного настоятелем храма иеромонахом Ионой (Головастиковым). С детьми работают учителя: Татьяна Клевцова, Анна Малтизова (регент

церковного хора), Нина Шаталова (изобразительное искусство).

В доступной для учащихся форме преподаются Основы православной культуры и христианской нравственности, учащиеся знакомятся с основными Библейскими событиями, изучают жития Святых, Закон Божий, православные традиции.

Используется такая форма обучения, как комбинированный урок.

В 2013–2014 учебном году настоятелем храма было технически оснащено помещение, где проходят занятия с учащимися. Класс получил компьютер, проектор, экран, множительную

технику, поэтому уроки проводятся на хорошем современном уровне, есть возможность использовать наглядность, дополнительный материал.

Внеклассная работа включает в себя присутствие учащихся Воскресной школы на богослужениях в свободное от занятий время. В течение года ученики Воскресной школы принимают участие в праздновании главных церковных праздников: Рождество Христово, Пасха Христово, в престольном празднике в честь св.вмц. Екатерины. Ученики выступают с чтением стихотворений, исполнением духовных песен, инсценировками. Проводятся и мини-праздники – поздравление именинников, праздничные православные даты, окончание учебного года с вручением Похвальных листов.

Хороший контакт Воскресной школы с общеобразовательной Пярнуской Таммсааре школой и другими школами города помогает детям активно участвовать в различных конкурсах. Так, учащиеся Воскресной школы и общеобразовательной принимают активное участие в Международном конкурсе детского творчества «Красота Божьего мира». Второй год наши воспитанники активно участвуют в *Республиканском конкурсе художественного чтения духовной поэзии «И чувства добрые я лирой пробуждал»*. Победители регионального тура в течение двух лет принимали участие в республиканском туре, который проходил в Пюхтицком монастыре.

Проводятся экскурсии, связанные с изучением родного города и храма св. вмц. Екатерины. Дети посещали Пюхтицкий монастырь, принимали гостей из Воскресной школы Александро-Невского собора г. Таллина и православной гимназии г. Нарвы.

Осуществляется сотрудничество с газетой «Мир Православия», на страницах которой были опубликованы статьи о работе Воскресной школы («Смиренная ёлочка», «Христославы пришли», «Ростки добра», «Престольный праздник в Пярну», «Детям продолжать наши традиции» и др.).

В этом учебном году учащиеся, прошедшие трехлетний курс обучения, не покинули стены школы. Для них проводятся *занятия по практической Литургике*. Дети разучивают основные песнопения для участия в Божественной литургии.

Анализируя работу за последние годы, можно сказать, что в Пярну, несмотря на проводимую реформу школьного образования, Воскресная школа работает стабильно, старается не только не снижать уровня своей работы, но и стремится повысить мотивацию родителей и их детей к изучению основ христианской веры, православных традиций и культуры. Некоторые родители присутствуют на занятиях, помогают готовить детей к выступлениям с праздничными программами.

Безусловно, работа с молодежью очень важна, и главным нашим помощником должна стать семья. Именно поэтому четыре года назад была создана *группа Воскресной школы для взрослых*. Ежегодно в работе школы принимают участие около 20 человек. Занятия проходят по субботам по окончании Всенощного бдения, и интерес к ним по-прежнему большой. Занятия в Воскресной школе для взрослых помогают, по словам слушателей, систематизировать знания, разбираться в каких-то трудных духовно-нравственных вопросах, а главное – пробуждают интерес к Православию. На занятиях используются материалы портала «Православие.Ru», слу-

шаются и обсуждаются фрагменты лекций с просветительских курсов для мирян «Православие», которые проводят Московский Сретенский монастырь и Сретенская духовная семинария. Воскресная школа для взрослых оказалась востребованной, а программа – актуальной. Так, первый цикл лекций в 2017–2018 учебном году был посвящён 100-летию со Дня Независимости Эстонии, где рассматривалась история Православия на эстонской земле, слушатели знакомились с жизнеописаниями святых земли Эстонской по книге «Собор святых

земли Эстонской», смотрели и обсуждали фрагменты из фильмов. Темы, связанные с историей Православия на Эстонской земле, оказались для многих малознакомыми и заинтересовали слушателей.

Воскресная школа – это возможность объединения людей на основе православной культуры, это сохранение исторической памяти и духовного наследия.

Работа Воскресной школы сможет стать успешной, если объединить усилия Церкви, семьи и школы. И мы продолжаем работу в этом направлении.

Приложение 2

О деятельности Воскресной школы и прихода храма Владимирской иконы Божией Матери в г. Валга (Эстония) в духовно-нравственном воспитании молодежи

На приходе действует воскресная школа для взрослых и детей (ок. 25 и 10 человек). Совершаются паломничества, мы общаемся с местным Обществом книголюбов, делаем общие проекты. Например, «Беседа о Книге книг, или Вечный город» (виртуальная экскурсия). Участвуем в общеевропейском проекте «Ночь церквей».

Снабжаем духовной литературой больницу и психиатрическую лечебницу. Принимаем участие в конкурсах Духовной поэзии, детских православных лагерях. Проводим

экскурсии для детей из интерната. Проводим субботники по уборке захоронений духовенства и воинов Великой Отечественной войны. Ухаживаем за могилой *сщмч. Иоанна Валгаского (Петтая)* (1894–1919). Дети посещают дома престарелых и пансионаты для инвалидов. Готовим концерты на Рождество, Пасху, престольный праздник храма. Дети колядуют и навещают дома одиноких и немощных прихожан. На приходе имеется обширная библиотека.

Помогаем братьям нашим меньшим в приютах для животных.

Храм Владимирской иконы Божией Матери (г. Валга, Эстония)

Людмила Шалина

Писатель, Москва

Любашины сказки, и... сказки для Любы**Новые крылья**

Жил-был муравей Павел. Не было у него ни детей, ни жены, ни муравейника. Муравьёв он искал долго. Но их теперь нигде не было. «Лес болеет – сказала мне бабушка, – муравьи все ушли».

И встретил однажды муравей Павел красивую бабочку.

– Хочу с тобой подружиться, – попросил её муравей.

Бабочка ему отказала:

– Сегодня Кузнечик даёт последний концерт в августе. И я спешу.

Она приукрасила свои крылья цветочной пыльцой и полетела на концерт. Но там, в смятении, кружило над цветами, садилось на ветки много бабочек. Все одинаковые, и никакого концерта не было.

– Кузнечика отравили, – объявили бабочки. – Нас тоже скоро убьют.

Но это было для неё не главное. Бабочка огорчилась, потому что хотела быть на концерте лучше всех! Летела назад и горько плакала.

Муравей Павел встретил её и спросил:

– Почему ты плачешь?

– Потому что там столько таких же бабочек, как и я.

– Ну и что?!

– ...И ни у одной из них нет даже имени. Ты не узнал бы меня среди прочих.

– Спи, не тревожься об этом. Я сделаю тебя ещё более нарядной.

Когда она спала, муравей украсил её крылья цветами.

Бабочка проснулась, открыла глаза, встряхнув крылышками, цветы осыпались. Но она поспешила скорей

на речку увидеть отражение своих крылышек в воде. Была от них в восторге, хотя крылышки остались те же самые. И опять загрустила:

– Никакого концерта не будет, Кузнечика отравили. – Посмотрела заботливо на муравья Павла и вдруг прониклась к нему благодарностью за свои крылышки, увидев их новыми глазами:

– Но у меня нет даже имени, чтобы ты мог отличить меня от этих легкокрылых насекомых.

– А я знаю твоё имя, – произнёс Муравей. – Тебя зовут Машенька-Махашенька.

– Ох, как хорошо! – утешилась Маша-Махаша, полюбила смыслёного муравья Пашу и согласилась выйти за него замуж.

На другой год родились у них крылатые муравьи. Они подросли, стали бегать, летать в лесу, завели с Машей-Махашей и папой Пашей большой муравейник. Каждому муравьишке папа дал имя. Все вместе работали санитарями, чистили лес от грязи, относили больные веточки в карьер. Хорошими ветками укрепляли свой дом. С утра до вечера муравьи трудились, делая лес здоровым и уютным для всех.

А после работы почему бы и не попеть?

В августе юные муравьи уже научились делать прекрасные концерты вместе с кузнечиками. Прилетали вечером эльфы из розовых долин и слушали с благодарностью эту волшебную музыку. До людского слуха часто долетали звенящий весё-

лый стрёкот и превосходные мелодии из-под травы.

Бобик

Подарили девочке Любе уже взрослую собаку Бобика, бежевого окраса; обвисшие уши, крутой лоб, короткий хвостик. Пёс был очень подвижный с простодушной мордочкой. Знал о себе много смешных и грустных историй.

Например, когда Бобик был маленьким, его рано отняли от мамы. Он залез в блюдо с молоком и чуть не захлебнулся. История смешная, если поглядеть на его мордочку – она была измазана молоком, и печальная, потому что его уже начали обругивать.

Бобик всегда хотел есть. Опрокинул однажды помойное ведро, выгреб очистки от огурцов, на вкус они оказались горькие, и разбросал их повсюду. Хозяйка поскользнулась на очистках. За такое безобразие Бобик был вновь наказан – ему не дали есть.

На другой день Бобик стащил со стола масло и размазал по полу. Бобика выбрали и рискнули бросить в стиральную машину.

Он постирался. Его повесили сушить на прищепке. «Да что я, в самом деле, игрушка вам?!» – сдернул себя на пол, стал вылизывать мокрую шёрстку, ранку от прищепки на спине и чуть не надорвал себе шею. От Бобика осталась лужа на полу. Его опять ругали.

Наконец Бобика выбросили, как ненужную теперь грязную собаку, в тёмный сырой чулан. Там было много косматых пауков.

Когда открыли Бобику дверь, он растерзал от обиды коврик, о который вытирали ноги. В этот раз Бобик переночевал на улице, где было сыро и холодно.

Когда его пустили опять домой, он вскочил на письменный стол и разорвал от оскорбления собачьего достоинства голубой шёлковый абажур на лампе. Бобику на этот раз влетело крепко; за его шалости и проказы выгнали из дома *навсегда*.

В один мокрый холодный день он встретил стаю бездомных собак. Вместе с ними он воровал сосиски, убивал голубей.

Приходилось Бобику и милостыню просить у метро.

Однажды голодная стая собак забралась в вольер «Нескучного сада» и растерзала там молодую газель. Бобик был свидетелем ужасного преступления и заплакал. Голодный, он побрёл домой, откуда его недавно выгнали, и утирал слёзы.

Увидел у помойки большого красного таракана. Бобику хотелось есть. Понюхал таракана. А тот укусил его за нос. Бобик завыл от боли и побрёл дальше... Вдруг заметил вьющуюся над ним красивую бабочку. Погнался за ней благодарить за её заступничество и от радости запрыгнул на крышу дома. Однако свалился оттуда прямо на руки проходившей мимо пожилой даме!

Дама принесла Бобика к себе домой, заклеила ранку на носу собачьим пластырем и налила молока. Накормила, дала погрызть мясную косточку. Показала мягкую подстилку. Он лёг и уснул.

Утром Бобик подал новой хозяйке тапочки. Она похвалила собаку, купила ему собачьего корма. Затем взяла поводок от собаки, которая у неё умерла, и пошла гулять теперь с Бобиком.

Бывшие хозяева увидели, как Бобик несёт новой хозяйке сумочку с продуктами. Им захотелось вернуть Бобика себе.

Новая хозяйка взяла Бобика на руки, погладила плюшевую шёрстку, где появилась на шее дырочка

ка, и говорит: «Посмотрите, как вы плохо с ним обращались! Я Бобика заштопаю, выстираю и отдам в хорошие руки, а не вам».

...Однажды Бобик заметил во дворе маленького мальчика, который плакал. Мальчик испугался гусеницы. Бобик взял гусеницу на лапу и посадил насекомое на дерево.

– Большое вам спасибо! – сказал вежливый мальчик и погладил Бобика по голове. Бобик с мальчиком подружился и стал отгонять от него бездомных собак.

На дворе объявился ничейный кот. Однажды на кота напали собаки. Бобик прыгнул на стаю обидчиков – все собаки трусливо разбежались.

Жильцы дома восторгались поступком Бобика. А пожилая дама сказала:

– Откуда такая чудесная собака у нас объявилась? Никак с неба упала?

– Нет, я упал с крыши.

И стали они жить и поживать у пожилой дамы вместе с бездомным котом, ставшим теперь домашним. Вот что рассказал нам о себе Бобик. А пожилая дама была моя бабушка.

Бабочка и котёнок

Жила-была в одной деревеньке красивая бабочка. Каждый день бабочка меняла платица. Розовое платице – наденет розовые бусы. Голубое платице – наденет бусы голубые. Был у неё небольшой садик с анютиными глазками. Там росли ещё розы и пионы.

В её садике работали муравьи. Они собирали для бабочки с цветов нектар.

Однажды бабочка испекла торт и посадила муравьёв за стол. Все вместе пили чай с нектаром и с пирогами.

Был у бабочки ещё один дружок – котёнок. Они играли в прятки, в дого-

нялки, и котёнок нечаянно поранил ей крылышко.

Бабочка уже не могла летать и пошла слабыми ножками к доктору. Больное крыло доктор удалил. Поставил новое блестящее. И уложили бабочку на кровать, чтобы она уснула.

Её дружок котёнок два раза прибежал навестить бабочку в больнице. Но его не пустили, – бабочка спала уже третий день. Во сне она превратилась в куколку, и из неё вылетела новая красивая бабочка, её дочка.

Тряпочка Света

Рисунок Юрия Ткачёва

Жила-была тряпочка Света. Стирали этой тряпочкой пыль. Она много и охотно служила хозяйке и слегка изнашивалась. Её бросили в мусор.

Тряпочка там долго плакала, размышляя о смысле жизни и о службе в любимом ею доме. Ведь раньше она была красивой кофточкой, которую надевали только по праздникам. А теперь?

Тряпочка Света решила непременно вернуться домой и показать, на что она ещё способна.

Поднялся ветер, пошёл дождь. Тряпочка Света вместе с ветром, облитая дождём, прилетела опять на тот балкон, где её сушили. Дрожа от холода, вцепилась в знакомый крючок, надеясь не улететь раньше, чем её заметят. Она любила свой дом.

Подошла хозяйка: «Как ты здесь оказалась?! Тебя же выкинули!».

Тряпочку постирали. Она стала вновь розовая, какой была в юности, и принялась служить теперь не только хозяйке, а всем, кто её помнил и любил.

Поселился за плитой таракан Детюха и свёл в нём себе гнёздышко. Завелись у него неожиданно дети. Тряпочка Света, которую в гнев случайно забросили под плиту, рвалась и металась в ужасе от этого Детюхи. Сытые дети таракана, играя в прятки, пытались забраться во все её складки. От тараканьей семьи тряпочка Света кинулась от страха в шкаф.

Шкаф открыла хозяйка: «Ах, ты опять явилась?! Не знаешь где твоё место?! Тут чистые платья!» – и вышвырнула прочь негодную.

Но у тряпочки Светы нервы были из крепких капроновых ниток: «Ещё поживу!». К забывчивой хозяйке она вернулась прямо ей в руки. «Ба! Как ты здесь оказалась?» – хозяйка развела руками. «Всё тем же путём рассеянных барышень». Над тряпочкой сжалились, взяли на работу, но теперь половой тряпкой.

Такая тряпица тараканам не интересна – она невкусная.

Нервы Светочкины стали скатываться в мелкие шарики, которые уже не отмыть, не обновить. Но прозябать кое-как ещё можно...

Остаток жизни тряпочка Света провела, где придётся. Погибла во время пожара в помойке от рук хулигана, бросившего туда окурок. Тряпочке Свете пришёл конец. Кто узнал историю жизни красивой

когда-то зазнайки кофточка – тот молодец.

Крокодил и мышка

Крокодил нашёл в глубине корзины для игрушек великолепную корону, примерил корону на длинный нос, подпрыгнул заглянуть на себя в зеркало, оправил изумрудную шкурку и решил пожениться на мышке.

Плюшевая мышь его выгнала, а корону взяла себе. Но такой красивый предмет мышка не могла утащить в нору: «Зачем я буду ходить по норам в золотой короне и подбирать сухие корки?!». Ночью забросила драгоценный предмет опять в корзину. А крокодил от тоски умер, задушенный в той же корзине обилием мягкого, *не любимого теперь зверья, отвергнутого неразумными детьми.*

Гефест, Атлант и Бошь

Рисунок Юрия Ткачёва

Жили на кухне три товарища по несчастью: Гефест, Атлант и Бошь. Гефест был когда-то богом Огня. А теперь он газовый пачкун – довольно злой квартирант на кухне. А что он делал? Да ничего! Хотя имел четыре вертлявых полыхающих гневом помощницы с одинаковыми именами – Конфорка первая, вторая, третья. Четвёртую трудно назвать Конфоркой – она дырявая.

Домашние говорили о Гефесте, что он только пачкает и отравляет людям жизнь. Внутри он оставался злым, и не мог понять, кто пачкает на поддон, на стены, на пол?! Внушали Гефесту, что он, всё он, бог Огня, – сам себе вредит! Даже на спине, повернутой к стене, у Гефеста выступили какие-то наросты из конфет-тянучек. А что творилось в духовке и как его били изнутри сковородками, крышками от кастрюль!

Избитый и грязный Гефест смотрел на толстуху Бошь, стоявшую напротив, сожалея, что не может ей помочь. В неё тоже пихали и толкали что попало.

В начале своей жизни на кухне Бошь была чистая и довольно элегантная стиральная машина. Бошь помнит золотые времена, когда собиралось смотреть на её мастерство много народу. Приносили ей подарки в виде не очень опрятных, но больших узелков с бельём. Потом, конечно, забирали подарки назад. Но это её не огорчало – так и должно быть у нормальных людей.

Даже старый кот Пушистиков, очарованный Бошью, наблюдал за лихим верчением её барабана. Жмурился от страха, не отходил от Боши, смотрел внимательно, чем соблазн с грязным бельём может кончиться. Хотелось Пушистикову в тот барабан залезть самому и прокатиться. Когда Бошь слегка подпрыгнула в конце сеанса, кот пошёл заглянуть на неё сбоку, есть ли там дверца, чтобы проникнуть внутрь. И для оправдания такой затеи Пушистиков слегка лизнул свою потускневшую шерсть, желая отмыться.

В барабане Бошь катались прищепки для белья, мобильник, сушка с маком, заводной крокодильчик, раскрывший от удивления пасть. Малыш-крокодильчик уютно устроился в барабане, обернувшись в дет-

ские рубашки: «Никто на меня теперь не наступит, не бросит, не обзовет дураком».

Но когда в барабан с бельём тайно пролезли машина-самосвал и легковой автомобильчик, который стал на днях трёхколёсным, желая теперь *очиститься и исцелиться*, – жизнь образцово-показательной дамы Бошь закончилась плохо.

На кухонном столе долго плакал потом нарядный паровозик, выпускающая через трубочку для коктейля, вставленную ему на макушку, обильный пар. Плакал, застыв от страха на краю стола, потому что его *заставили везти с прицепом грязную посуду в пропасть, чтобы там разбиться вместе с ней в осколки*.

Паровозик уже завис двумя колёсиками *над бедой* и завывал своей трубочкой навзрыд о гибели Боши и Гефеста. (Атланта оставим пока в покое.) Горевал, не зная, кому теперь послужить, – маленьким бестолковым детям? Или запросам своих хозяев, сбившихся с ног от беспорядка в доме. Они тоже терялись, кому отдать предпочтение. Этим упырям цивилизации: холодильнику, стиральной машине, газовой плите? Или позвать тряпочку Свету, всех разогнать, всё перемыть, перечистить и вспомнить, что *есть* ещё *Дух и духовные запросы*.

Холодильник Атлант наблюдал за ними и усмехался. Но у него на душе тоже было слишком морозно. Ведь он был призван богами держать на себе небосвод, как наказание за провинность в субординации, то есть в неподчинении старшим.

Отец холодильника – старик ЗИС – служил на этом же месте почти сто лет. Служил морозно, стойко, пока переключатель, то ли скорости, то ли режима заморозки, отказался работать. Это реле было тогда

не найти, чтобы совершить ремонт всей системы в целом. Пришлось ЗИСа отдать на свалку истории холодильников.

Теперь задача Атланта – его сына – держать на себе звёздный купол. Но что из этого получается? И что у него там внутри творится, ни я, ни Атлант говорить об этом не станем. Холодильник вздрогнет и начнёт своё – н-н-н-н-нет! – Вздрогнет, замрёт. Опять гудит – н н н н н-нет! – когда с силой или с досады хлопнут его дверцей. Спихватится и продолжит своё нытьё: «Я ещё постою, поддержу небосвод и постараюсь отправить избранных мною чревоугодников туда, где нужна будет пища только духовная».

Атлант долго намерен служить. Ведь ему, даже грязному и полупустому, всё равно *надо поддерживать небо* и не ждать от людей благодарности.

...Накануне Пасхи бабушка и внучка всё же заглянули в пустые недра Боши, не зная как её утешить. Передали привет от папы с мамой морозостойкому кормильцу Атланту. Слегка протёрли его изнутри и снаружи розовой тряпочкой. Отодвинули от стены Гефеста и стали оттирать его со всех сторон. Так же прилежно тёрли закопченную духовку. В ней молодая хозяйка пятиклассница Люба вновь испекла чудесный торт ...всё с теми же «ирисками».

Наступила весна. Любашина бабушка всё же от них уехала писать о Природе.

Одуванчик и ирис

Одуванчик, доверчиво ко всем раскрытый, суетился у подножия замкнутых в себе соцветий ирисов. Нет, нет, – возражали ирисы, – ты не наш,

ты чужой, – отстранялись от такого простеца и вытягивались выше, тронутые заботой майского ветерка.

Ирисы, гордецы, в прелестях своих цветёте. Однако утром не раскрыть вам по второму разу свой потухающий бутон. Одуванчик же распахнётся всем навстречу – и не раз! Опять себя запрячет, судя по погоде. А однажды утром явится воздушным шариком, летучим пухом и полетит куда-то, ...подхватив заодно и семя ириса.

«У меня есть паспорт»

Сказки для повзрослевшей девочки Любы закончились. Но зло бездуховности продолжает творить беду в мире тленном. «Зло – отсутствие добра». Спихватившись об этом странном человеке лишь на второй день, не могу унять невольные слёзы.

Рано утром я пошла в магазин за хлебом. Головой на обновлённой ступеньке продовольственного магазина, зажав ослабевшим телом, руками три большие полиэтиленовые сумки, лежал человек, обнаружив подошвы поношенных, но ещё не рваных ботинок. В сумках была, наверное, единственная движимая собственность, то есть всё его передвигаемое имущество.

Кое-кто останавливался, смотрел пугливо. Иные, брезгливо взглянув на беспомощный мешок человеческого тела, – жив ли? – утешив совесть, шли в магазин. Он еле слышно стонал им вслед: «У меня есть паспорт».

В третьей сумке, бережно зажатая его рукой, была какая-то труба. Нет, не водопроводная и не водосточная труба, сверкающая во всех дворах Москвы ярким блеском новизны. Этой новизной обновляют теперь дома, подъезды, балконы, шкурят пескоструйкой стены всего квартала в целом, вплоть до розового цвета

...щёк. Переделывают заново ещё не износившиеся покрытия в подъездах, перестраивают новые детские площадки во дворах. Всех затейливых новшеств не перечислить.

Но зло всё равно живуче.

...Человек немолодой, трезвый лежал на холодных плитах обновлённого тротуара и, едва приоткрыв глаза, слабо, без речевого акцента отвечал любопытным: «У меня есть паспорт». Что он хотел этим сказать? Люди молчком отходили в сторону – слава Богу, что жив. Из третьей сумки виднелась большая труба, – говорящая метафора из нержавеющей стали раструбом наружу – труба музыканта.

Второй день я растерянно подбираю свои паршивые слёзы. Не смогла хоть чем-то помочь русскому человеку, игравшему на трубе. (Нашла себе оправдание – не пользуюсь мобильником.)

Играл он на свадьбах, играл в парках, как пели раньше – «В городском саду играет духовой оркестр...» – удерживая на танцплощадках благородным сильным звуком молодую публику от бесчинств. Принимал участие в торжественных народных праздниках. Шагала на парадах со своей трубой впереди колонны граждан, идущей на демонстрацию с цветами, флагами. Дудел внимательно, искусно в духовой свой инструмент ...«под управлением оркестра ...трубачей». Приходилось играть музыканту и на похоронах.

Запоздалые слёзы ворошат мои глаза – не мог музыкант расстаться

со своим орудием вплоть до последней черты. Верный призванию, он умирал в обнимку с духовой трубой.

Остановилась ещё одна женщина, внимательно посмотрев на него.

– Вам вызвать скорую помощь?

– Да, конечно, – и еле слышно добавил: у меня есть паспорт.

Когда я выходила из магазина с полной сумкой: «Спасибо за покупку», в другой руке была булочка... А ...а булочка калорийная осталась у меня в руке, – человека на ступенях уже не было. Машина скорой помощи, чуть промедлив внутри, стояла у бровки тротуара, собираясь отвезти трубача в больницу.

Неужели из-за мощного голоса духового инструмента, сверкавшего теперь из сумки нержавеющей сталью, семья музыканта вытеснила его из дома?

...Увы, много безмолвных чудачков продолжает ходить по свету. Молитесь за них, добрые дети.

Лицом опять к небу...

Все склоны Воробьёвых гор охвачены ярким свечением кувыркавшихся в воздухе листьев клёна. Не касаясь земли, пятипалые звёзды загорались агонией осени и быстро падали вниз, густо плашмя – лицом опять к небу. Утром снег, как куринный пух, засеял все газоны.

Накануне Рождества снежинки задумчиво порхали в небе, едва притрагиваясь к веткам ёлки. И ...окружили молодое деревце воздушными поцелуями, светясь насквозь!

2-я и 3-я полосы обложки этого номера журнала «Духовно-нравственное воспитание» являются составной частью журнала в журнале «Задуманные беседы» (№1, 2020)

Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь широко известен своим чудотворным источником, иконой Божией Матери Пюхтицкой «У источника».

В течение 43 лет, до 2011 г., бремя настоятельского служения несла игумения Варвара (Трофимова), столь любимая всеми за простоту и искренность, глубокое знание человеческой природы, а главное — за любящее, милостивое сердце, что привлекало к ней нескончаемый поток людей.

Игумения за святое послушание, как нарек ее Святейший Патриарх Алексий I (Симанский), всей своей жизнью явила *высокий пример русского женского монашества*. На ее долю выпало трудное время восстановления, сохранения духовных ценностей, когда своим подвижничеством приходилось утверждать глубинное единство православной культуры и светского образования, праведность жизни с Богом.

В память о Матушке схиигумении Варваре были учреждены Пюхтицкие чтения — международная научно-практическая конференция, которая ежегодно проводится в монастыре по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с 2012 г.

На наш взгляд, это *замечательный источник православной, культурологической, научно-педагогической мысли*. Чтения посвящены важнейшим проблемам воспитания, становления личности человека и укреплению нравственности в обществе. Главное же — они помогают понять духовность как состояние, достижимое каждым и дающее ясное представление о том, как и для чего жить. А ведь это именно те вопросы, с которыми люди приходили к матушке игумении.

**Игумения Филарета
(Калачёва)***

Пюхтицкие чтения как источник научно- педагогической мысли

Статья посвящена обзору и анализу материалов Пюхтицких чтений, которые проводятся в монастыре с 2012 г. и посвящены памяти схиигумении Варвары II (Трофимовой).

The Article is sanctified to the review and analysis of materials of Pukhtitsky readings of Reading that is conducted in a monastery from 2012 and sanctified to memory of schema-abbess Varvara II (Trofimova).

Ключевые слова: взаимодействие православной и светской культуры духовно-нравственное воспитание, духовное наследие, Пюхтицкие чтения

Keywords: interaction between Orthodox and secular culture, spiritual and moral education, spiritual heritage, Pukhtitsky readings

* Настоятельница Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря, д. Куремая, волость Иллука, Эстония.

Первые Пюхтицкие чтения носили название «Взаимодействие светской и духовной культуры». К конференции выпущен сборник докладов (33 участника, 130 с.), приложен диск о матушке Варваре «Я долго буду с Вами».

Вопрос о единстве двух культур — светской и православной — не надуман. Это необходимый ответ на вызов современной бездуховности и бездумному заимствованию чуждых традиций, нравов, разнузданной поп-культуры. Зло и грех откровенно умножаются в мире, становятся более агрессивными и навязчивыми, открыто и грубо диктуют людям свою волю, навязывают свой образ жизни.

Поэтому культура светская и культура православная должны работать рука об руку — особенно в сфере образования и воспитания.

Открывая один из форумов, посвященных теме «Церковь и государство: соработничество в решении общих задач», патриарх Кирилл отметил: «Церковь, совершая современную миссию, воспитывая гражданина Отечества Небесного, совершенного Божиего человека на всякое благо уготованного, может и должна во взаимодействии с государством и обществом исполнять в сфере образования социально значимое служение, формируя убежденных патриотов, добрых хранителей семейного очага, законопослушных граждан, способных устроить ко благу жизнь Отечества земного» [1].

Цель воспитания человека обозначена и понятна. Участники же Пюхтицких чтений совместно размышляют над тем, как решить возникающие для достижения этой цели непростые задачи. Специалисты различных профессий рассматривают проблему формирования личности как с методологической, так и с дидактической, методической точек зрения, обсуждают различные подходы и методы

работы с населением, с молодежью, школьниками, студентами.

Человеческая симфония участников чтений, — ученых, богословов, священников, монахов, преподавателей, учителей, воспитателей детских садов, художников, журналистов, студентов, — приводит к осознанию необходимости использования опыта святых отцов, положений православной педагогики, наработанного теоретико-методического опыта светской школы. Всё это широко представлено в докладах.

Международная конференция проводится в монастыре, что очень важно для доверительности и открытости ее работы. Надо ли говорить, что влияние монастырей на жизнь людей во многом способствовало формированию образа благочестия. «Стяжи мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся», — говорил преподобный Серафим Саровский. Сам факт существования монастырей служит духовному просвещению — к действующей обители всегда тянутся люди, а освященные места всегда благотворно влияют на паломников. Тем более это относится к участникам чтений, осененным благодатью святого места.

Первые Пюхтицкие чтения — 2012 возглавлял архиепископ Верецкий Евгений — ректор Московской духовной академии, профессор. В своем приветственном слове архиерей сказал, что в наше время в рамках одного общества могут уживаться совершенно противоречивые, порой друг друга исключаящие настроения и тенденции. Яркий пример тому — отношение общественности к традиционным христианским устоям, к представителям церкви и к самой Церкви. И как современному молодому человеку разобраться в такой ситуации, выбрать свой путь?

Владыка Евгений напомнил слова святителя Феофана Затворника о том, что жизненным компасом для каждо-

го должна стать совесть. «Только тот, кто сверяет свои поступки с этим внутренним цензором, не утонет в омуте безнравственности, — говорил далее владыка. — Для нас, православных христиан, мерилом совести и нравственности является Христос. Именно этот «Камень» необходимо полагать в основание, когда стараешься возвести строение собственной души. Именно с Ним человек должен сверять свои чувства, мысли и желания. Именно Церковь является хранительницей этого благодатного опыта причастия Христу и стяжания истинной нравственности. Она готова делиться этим опытом со всеми, кто к ней обращается» [2, с. 5].

Возглавивший Первые Пюхтицкие чтения архипастырь установил, таким образом, высокий научно-нравственный уровень конференций, который, как нам представляется, сохранялся во все последующие годы их работы.

К Пятым Пюхтицким чтениям (2016 г.) был подведен «юбилейный» итог результатов пятилетней работы. Иными словами, мы должны были с возможной полнотой и ответственностью уяснить, как развиваются научно-педагогическая мысль и практическая деятельность в круге тем, очерченном нашими конференциями; найдены ли ответы на вопросы, тревожащие общественное сознание; что дают подобные конференции носителям как православной, так и светской культуры; какие идеи следовало бы обсудить в последующие встречи.

Вопрос о взаимодействии культур не прост. Светская культура всегда многолика, можно сказать — «конгломерантна», подчас противоречива, так как исходит из самых разных источников. Религиозная культура более монолитна, хотя бы потому, что в ней во главу угла ставится принцип духовного единства.

В Пюхтицкой обители

С другой стороны, взаимодействие (иногда косвенное, латентное) неизбежно [3].

Заметим, что невозможно, да и не нужно проводить четкую, резкую грань между такими философско-интеллектуальными культурологическими системами, ибо подобной границы, на наш взгляд, не существует. Существуют ядра, некие центральные понятия, и расходящиеся кругами от них взаимопроникающие рассуждения.

Постоянный участник Пюхтицких чтений протоиерей Евгений Горячев, обращаясь к христианским и секулярным основам современной культуры, на вопрос, что же дальше: бескомпромиссное противостояние или взаимодействие, дает ответ: «И то, и другое. Во-первых, противостояние, потому что нет общности между двумя взаимоисключающими идеалами, двумя царствами: «от мира сего» и «не от мира сего». Во-вторых, взаимодействие. Как у врача с больным» [4].

Разумеется, эту точку зрения можно обсуждать и не считать светскую культуру «больной» — это нечто со-

всем иное, куда более сложное явление. Секулярная культура в лучшем случае безразлична к христианскому основанию. С известными оговорками можно даже утверждать, что ее кредо — вседозволенность. Но пора бы всем нам стать прилежными учениками в школе истории и вслед Ф.М. Достоевскому понять, чем кончаются попытки человека устроиться на земле без Бога. В отрицании религии, ее критике (всегда воинственно «разоблачающей» и «преодолевающей») светская культура начинает считать себя не только автономной, но и претендующей на статус некоего абсолюта, задающего смысл человеческой жизни в целом. Но поскольку существует множество определений самого понятия «культура», постольку очевидно, что абсолютность светской культуры вовсе не так абсолютна, как того хотелось бы ее апологетам [5].

С одной стороны, претензия культуры не просто на автономию, но и на последний суд и высший смысл означает стремление как-то удержать духовно-нравственную компоненту человеческой деятельности. А с другой, коль отвергнуто традиционное духовное основание — религиозная скрепа, то теряется держащая человеческую жизнь иерархия ценностей, и само духовное основание как бы расплывается или уж вовсе пропадает. Не следует забывать, что европейская культура сформировалась как христианская, все проверяющая своей верой.

Анализу взаимодействия православной и светской культур посвящено множество докладов, в которых прослеживается мысль, что светская культура в целом воплощала в себе подлинно христианские идеалы, подхватывая духовную эстафету от Церкви. Об этом свидетельствуют и названия конференций Пюхтицких чтений.

Участники Первых Пюхтицких чтений по достоинству оценили

громадный опыт Русской Православной Церкви в деле духовно-нравственного воспитания молодежи. Дело теперь лишь за тем — таково было общее мнение, — чтобы как можно полнее изучить этот опыт и постараться применить его в педагогической деятельности, пропагандировать в просветительской работе. Мы безусловно располагаем поистине бесценным богатством — трудами великих Отцов церкви, примерами их подвижнической жизни, фундаментальными работами богословов, православных ученых, выдающихся современников.

Живой, заинтересованный разговор о взаимодействии двух культур так или иначе возникал и на других конференциях. Нам представляется, что это убедительно свидетельствует о важности данной проблемы, является признанием ее теснейшей связи основными сторонами нашей жизни. В этой связи известный интерес представляет собой точка зрения игумена Георгия (Шестуна), доктора педагогических наук, заведующего кафедрой православной педагогики Самарской духовной семинарии (кстати, участника Седьмых Пюхтицких чтений), о подходах и методологических основаниях, на базе которых разрабатываются программы по предмету «Основы православной культуры». Это краеведческий подход, церковный подход, церковно-этический подход, религиоведческий подход и, наконец, культуроведческий подход как наиболее перспективный с его точки зрения.

Скорее всего, о. Георгий в своей работе уловил некую важную закономерность, ибо все отмеченные им подходы в той или иной степени использовались участниками конференции. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с темами некоторых докладов. Ну, к примеру: «Духовное основание русской цивили-

Пюхтицкие чтения (2012–2019)

Название конференций			Число авторов, объем сборника
1	Первые Пюхтицкие чтения (2012)	«Взаимодействие светской и духовной культуры»	33 чел. , 132 с.
2	Вторые Пюхтицкие чтения (2013)	«Диалог педагогических традиций православия и современного воспитания: проблема формирования личности»	44 чел. , 200 с.
3	Третьи Пюхтицкие чтения (2014)	«Культурно-исторические традиции православия»	55 чел. , 324 с.
4	Четвертые Пюхтицкие чтения (2015)	«Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность»	73 чел. , 400 стр.
5	Пятые Пюхтицкие Чтения (2016)	«Православная культура и практика воспитания личности» (Традиции и современный опыт)»	64 чел. , 424 с.
6	Шестые Пюхтицкие Чтения (2017)	«Светское и духовное культурное наследие как ценностная основа формирования личности современника»	79 чел. , 472 с.
7	Седьмые Пюхтицкие чтения (2018)	«Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность»	101 чел. , 616 с.
8	Восьмые Пюхтицкие чтения (2019)	«Православие и духовно-нравственное становление личности современника»	100 чел. , 496 с.

лизации», «Церковь, семья и школа», «Религиозность в мировой культуре», «Православная педагогическая культура России: история и современность» и т.д. и т.п.

Прошедшие восемь Пюхтицких чтений позволяют проанализировать и обобщить накопленный опыт. Прежде всего — мы убеждены в высоком смысле подобных конференций именно в Пюхтицком монастыре, под благодатным покровом Божией Матери. Не случайно год от года увеличивается число участников и авторов статей; и совсем не случайно, что среди докладчиков все чаще и чаще встречаются широко известные в стране и за рубежом ученые.

Назовем лишь некоторые имена — член-корреспондент РАО, профессор Ю. Гладкий, доктор педагогических наук, профессор Т. Комиссарова (монахиня Сергия), доктор педагогических наук, профессор, архимандрит Георгий (Шестун), доктор культурологии, профессор А. Шустров, доктор философских наук, профессор,

монахиня Александра (Захарченко) и многие, многие другие...

Традиция конференций — свободный обмен мнениями либо у открытого микрофона после публичной заключительной лекции, либо в рамках круглого стола. Так, седьмые Пюхтицкие чтения закончились круглым столом «Духовность и нравственность», который вели проф. А. Остапенко, доцент С. Дивногорцева и заслуженный учитель РФ И. Лазарева.

В самом деле, насущный вопрос — как передать студентам профессиональные умения, сформировать ту или иную компетентность — достаточно понятен. Но вслед за ним возникает другой, вряд ли менее важный: как научить культуре, нравственности и духовности. Духовность и нравственность как внутренние устремления личности не могут быть сформированы «снаружи». Педагогически создаются лишь стимулы, рождающие «присвоение» убеждений, стремление к самовоспитанию, самосовершенствованию.

Один из участников этого обсуждения, учитель, замечательный, на мой взгляд, педагог, сказала, что ее ответ — читать русскую литературу. Трудно что-либо возразить на это, но также трудно представить себе в современное время постоянно читающую книги молодежь....

Да, надо отдать должное великой русской литературе, на которой воспитано наше поколение. Наша любовь к ней и уважение огромны. Но также надо признать, что светская литература ведет нас сквозь человеческую, подчас слишком человеческую историю, где счастье зыбко и непостоянно. Остается неизменной одна духовная константа, к которой мы всегда можем и должны обращаться, и именно она составляет сущность христианства.

Это Образ Христа, образ всех тех, кто не на словах только, а на деле, подлинно, всей своей жизнью, принял Христа, пошел за Ним и умирал за Него. Читать великую русскую литературу необходимо. Но нельзя вложить в молодого человека основы нравственности без обращения к духовным корням, без изучения книги, известной более двух тысячелетий — Святого Евангелия. И конечно же — надо еще быть сыном Церкви, жить в Ней и созидать Ее.

Говоря о пользе подобных конференций, приведем в качестве аргумента письмо, полученное после Пюхтицких чтений от магистранта РГПУ имени А.И. Герцена, впервые посетившей обитель.

«Хочу поблагодарить Вас за организацию Международной практической конференции «Седьмые Пюхтицкие чтения». Было так интересно! Во-первых, мы, участники конференции, открыли для себя много нового для нашего христианского служения, для педагогического опыта. Удалось послушать мнения профессоров, докторов наук, священни-

ков, ученых, магистрантов, учителей и журналистов. Кое-что из докладов участников я записала, прослушиваю повторно и каждый раз открываю для себя новое — то, что не услышала во время докладов в зале. Мне в понедельник уже идти в детский приют, по практике от «Герцена», с детьми работать, и я уже, «по горячим следам», с учетом новой информации, вношу некоторые изменения в свой план работы.

Уезжали в 5 утра, увозя с собой багаж новых мыслей и сборники свежих педагогических идей. Теперь даже в тех местах, где нет Интернета, благодаря сборнику будет возможность писать статьи, отчеты, работать над диссертацией.

Спасибо Матушке Филарете и всем сестрам, встреча с Пюхтицким монастырем оставила в душе неизгладимый след света, любви и тепла!»

Литература

1. XIX Международные Рождественские образовательные чтения «Церковь и государство: сотрудничество в решении общих задач»: Интернет-ресурс: [http // www.patriarchia.ru/dh/print/1392591.html](http://www.patriarchia.ru/dh/print/1392591.html) от 24.01.2011.
2. Взаимодействие светской и духовной культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. (11–12 дек. 2012 г. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, Эстония). — Куремяэ, Эстония, 2012. — 132 с.
3. Комиссарова Т.С., Гладкий Ю.Н. О глубинном единстве православной и светской культур (по материалам Пюхтицких чтений) // Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт. Материалы международной научно-практической конференции (11–12 дек. 2016 г. Пюхтицкий Успенский монастырь). — Куремяэ, Эстония, 2016. — 424 с. — С.16–22.
4. Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность. — Третьи Пюхтицкие чтения. — Куремяэ, Эстония, 2015. — С.405.
5. Секулярное сознание и судьбы культуры Интернет-ресурс: <http://www.allbest.ru/>

«Печатное слово, несущее духовный смысл, не заменить Интернетом», — говорил митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий, почивший в 2018 г. Эти слова стали своеобразным девизом для нового печатного издания, которое вышло 14 сентября 2017 г. в память о Епископе Таллинском и Эстонском Исидоре (в миру Иоанн Яковлевич Богоявленский), одном из виднейших православных богословов XX в., редакторе альманаха «Православный Собеседник». Этот альманах прекратил свое существование в 40 гг. XX столетия. Митрополит Корнилий возобновил его.

«A printed word with a spiritual meaning cannot be replaced by the Internet», said Metropolitan of Tallinn and All Estonia Korniliy, who died in 2018. These words became a kind of motto for the new print publication, which was published on September 14, 2017 in memory of the Bishop of Tallinn and Isidore of Estonia (in the world, John the Epiphany), one of the most prominent Orthodox theologians of the 20th century, editor of the Orthodox Interlocutor almanac.

This almanac ceased to exist in the 40's. XX century. Metropolitan Cornelius resumed it.

Нынешнее издание выходит на благотворительной основе: все авторы и соработники объединены бескорыстным совместным трудом: главный редактор — Митрополит Таллинский и всея Эстонии Евгений, заместитель главного редактора — иерей Вадим Годунов, цензор — протоиерей Леонтий Морозкин, литературный редактор — Ольга Константиновна Майер, издатель — Роман Артемьевич Алпатов. Владелец газеты — Эстонская самоуправляемая Церковь Московского Патриархата.

«Православный Собеседник» является не только средством просвещения и информации, но и каналом обратной связи с церковным народом. Ежемесячно на страницах газеты отражаются все сферы современной церковной жизни: духовное образование, пастырское попечение, социальное служение и миссионерская работа Церкви. Можно прочесть статьи по всем разделам богословия, проповеди, церковно-исторические работы, библиографические обзоры, психолого-педагогические статьи, повествования о паломничествах. Темы публикаций самые разнообразные: от сугубо евангельских до классической православной литературы, музыки, живописи, церковной архитектуры...

Митрополит Евгений рассуждает на страницах газеты на глобальные темы, кото-

Позарошлым лешом начал,

Ольга Майер*

«Печатное
слово,
несущее
духовный
смысл,
не заменить
Интернетом...»

(митрополит
Таллинский
и всея Эстонии
Корнилий)

Ключевые слова: православная сущность русской классической литературы, «ум ума» и «ум сердца», доверительная беседа

Keywords: Orthodox essence of Russian classical literature, «mind of the mind» and «mind of the heart», confidential conversation

* Референт Митрополита Таллинского и всея Эстонии Евгения, литературный редактор альманаха «Православный собеседник», Таллин, Эстония.

Один из номеров газеты
Эстонской Православной Церкви МП
«Православный собеседник»

рые составляют основу Православия — «Опыт Церкви — опыт святых Отцов». Слово Митрополита всегда поучительно. Владыка делится с читателями той духовной радостью, преображающей жизнь, которая открылась ему в познании Бога из опыта Святых Отцов. Безусловно, святоотеческая мудрость представляет большой интерес для православных христиан, ибо Святые Отцы сами прошли все тернии на пути к Спасению.

Церковный цензор протоиерей Леонтий Морозкин, исследуя религиозно-духовные темы, всегда находит для своих публикаций нечто очень важное, порой весьма сложное в богословском смысле. И то, что необходимо объяснить, донести до читателя в понятной и простой форме, он доносит замечательно.

Я же веду разделы «Знаете ли вы...» и «Православный взгляд». Через свои публикации стараюсь раскрывать *православную сущность русской классической литературы*, запечатлевшей в слове «спасительный опыт веры и трагичный опыт безверия». Русская литература просто немислима вне Православия. Именно Православие заботит нас мучительным осознанием удаленности от Истины, направляя наше внимание к состоянию своей души. Ведь мы обречены на постоянный выбор между добром

и злом, и трагизм выбора усугубляется нашими метаниями между понятиями добра и зла. А эту смятенность высвечивает русская литература, показывая нам глубины переживаний, страданий и терзаний человеческой совести — русская литература вывела совесть мерилем всех наших поступков.

Как русский филолог, я рассматриваю художественные произведения сквозь призму Православия. Моя задача — объяснить произведение так, чтобы читатель понял, где Вечные истины утверждаются, а где ложь преподносится вместо Правды. Литература жила и живет в соотношении борьбы Вечных истин и современности. Православие знает Истину — Христа, а литература знает всего лишь правду о человеке. Православный писатель, живущий с Богом в сердце, никогда не станет спорить с нравоучительной догмой, он будет ей следовать, утверждая своим творчеством Вечные Заповеди. На классических примерах показываю, что литература не может спасти душу человека, но она может или подтолкнуть к спасительной вере, или может посеять неверие и утвердить правоту человека в его грехопадении. Если бы художественная литература, на которой мы часто воспитываем свою душу, несла полноту христианской истины, то она давно потеснила бы Евангелие, как весть об Истине, но ведь не потеснила! Библия была и остается Книгой Книг. Именно она дала русским писателям *мудрость сердца*.

У Льва Николаевича Толстого есть выражение: «ум ума» и «ум сердца». Ум сердца — это быть с Богом. Только сердце чувствует Христа! Ум же лукав. Он всё может объяснить так, как вам хочется услышать. В основе понятия «ум ума» лежит гордыня — самый страшный порок. Все остальные грехи истекают из греха гордыни.

София Юсим*

Образы Христа на фасадах Таллина

Образ Спасителя... В Таллине изображения Господа Иисуса Христа — не редкость... На храмах — православных и католических, на городской ратуши, на стенах старинных зданий. Приглашаем вас на духовную экскурсию по столице Эстонии...

The image of the Savior ... In Tallinn images of the Lord Jesus Christ are not uncommon ... At the churches — Orthodox and Catholic, at the city hall, on the walls of ancient buildings. We invite you on a spiritual tour of the capital of Estonia ...

Ключевые слова: Спаситель, мозаика, мироздание, «Грозный Судия», суд строгий, но справедливый, христогаммы

Keywords: Savior, mosaic, universe, «Terrible Judge», strict but fair court, Christograms

* Экскурсовод Художественного музея Эстонии, г. Таллин.

Образ Спасителя... Как же соотносятся с ним изображения Христа в пространстве нашего города? Среди них есть старинные и современные, величественные и суровые, вызывающие трепет и рождающие недоумение...

«Нерукотворный Спас» — мозаика на фронте собора св. Александра Невского, изготовленная в Санкт-Петербурге, в мастерской братьев Фроловых. В этом изображении, в отличие от других таллинских образов Христа, много благообразия, много от византийской (а через нее — от античной) традиции изображения прекрасного и совершенного человека — калокагатии.

Гораздо более распространена в городе композиция «Salvator Mundi» — на ней Спаситель изображен держащим в руке сферу, символизирующую мироздание. Первый такой образ появился на фасаде Дома Черноголовых в 1597 г. Его прототип — гравюра, созданная немецким художником и графиком эпохи Ренессанса Гансом Себальдом Бехамом для серии «Иисус и 12 апостолов». Как это ни парадоксально, Вехам в свое время был изгнан из родного Нюрнберга за ересь (против лютеранства) и «безбожную живопись». Именно его образ Христа так пришелся по душе ревельским горожанам, что даже на улицах сегодняшнего Таллина имеются как минимум пять вариаций на эту тему. Интересно, что на «светских» зданиях Таллина можно чаще увидеть изображения Христа и святых, чем на церковных.

Пожалуй, самый суровый из этих образов, образ «Грозного Судии» — на здании Ратуши, главном строении средневекового Ревеля. Над аркадой первого этажа — пятиугольная ниша, служившая вместилищем для написанной на доске картины, появившейся здесь после Реформации, в 1520–1530-е гг. Сейчас картина хранится в Таллинском Городском музее, а на фасаде находится ее копия. Ратуша — это, помимо прочего, и место суда строгого, но справедливого — о чем и напоминал горожанам образ сидящего на судейском престоле Христа с изображением клинка на фоне золотистого нимба.

«Слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого» [Евр. 4:12]. Именно на Библии клялись ревельские ратманы, вступая в должность. Внутри здания тоже

сохранились ниши, подобные этой, но все они в эпоху Реформации были заменены табличками с текстами, служащими своеобразным «руководством к действию» для ратманов. Здесь «руководство» тоже есть — это надпись, идущая вдоль края картины: «Вы — судьи, смотрите внимательно, что вы творите, потому как суд вы вершите перед лицом не человека, но Господа, Который пребывает с вами в суде, потому предайтесь страху Божию, возложив руку на Книгу Справедливости». В последних строках речь как раз и идет о клятве на Библии. Есть в Таллине и немногие образцы круглой религиозной скульптуры.

На фасаде церкви Нигулисте — работа маньериста с берегов реки Везер в Нижней Саксонии *Винанда Накке*. В приземистой и кряжистой фигуре, венчающей фронтон, весьма нелегко увидеть Спасителя. Извивающиеся в барочном духе лучи его жестяного нимба и увенчанная почему-то не крестом, а стрелой (!) держава в руках — и вовсе напоминают атрибуты громовержца античного пантеона. Только, в отличие от образа Зевса, в герое Винанда Накке воистину нет «ни вида, ни величия».

А вот совершенно иной — «идеальный» — образ Спасителя, миниатюрное воспроизведение которого венчает ворота, ведущие к оплоту таллинских католиков костелу свв. апп. Петра и Павла. Скульптура Христа, протягивающего руки к пастве, созданная в 1807 г. датским ваятелем *Бертелем Торвальдсеном* для копенгагенской церкви Девы Марии, стала классикой религиозного искусства и была многократно растиражирована. Именно она послужила прототипом и для знаменитой фрески работы *Йохана Кёлера*, созданной для Кардовской церкви Таллина.

Особого внимания заслуживает кенотаф *Ханса Павелса* — ложная гробница, пристроенная к Мариин-

«Нерукотворный Спас» — мозаика на фронтоне собора св. Александра Невского (г. Таллин, Эстония)

ской капелле церкви Олевисте, рельефы которой подробно повествуют о последних днях земной жизни Спасителя. Те из них, что выполнены *Хинриком Бильденсндером*, отличаются большей степенью повествовательности и детализации. Те же, автором которых является *Клеменс Пале*, более монументальны и лаконичны. Существует версия, что Клеменс Пале изобразил себя в толпе встречающих Христа жителей Иерусалима (рельеф «Вход Господень в Иерусалим») — коль скоро это так, этот факт можно расценивать как знак приближения Реформации, хотя сам комплекс кальвария и Мариинская капелла в целом по праву считаются последним оплотом католицизма в Ревеле, созданным непосредственно перед приходом протестантизма на эти земли. На протяжении нескольких веков, когда Ревель был лютеранским, библейские цитаты и нравоучительные надписи соперничали с художественными образами в оформлении фасадов и интерьеров домов. Уже само начертание имени Христа воспринималось в лютеранском мире как икона. Отсюда распространенность *христограмм* в декоре зданий даже «светского» назначения. Одна из таких надписей — IHS — сохранилась по сей день на портале дома Хопнера. А вот расшифровки этой аббревиатуры бывали весьма прихотливыми в зависимости от эпохи...

**Протоиерей Александр
Лебедев***

Воин Иисуса Христа

Памяти священномученика Сергия Раквереского

Протоиерей Сергей был наставником и помощником для солдат и офицеров, он и сейчас — наш заступник и молитвенник перед Престолом Божиим.

Archpriest Sergius was a mentor and assistant for soldiers and officers, and now he is our intercessor and prayer book before the throne of God.

Ключевые слова: военный священник, потомственный священнический род, решимость, мужество, мученическая кончина

Keywords: military priest, hereditary priestly family, determination, courage, martyrdom

* Руководитель отдела религиозного образования и катехизации Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, г. Раквере, Эстония.

30 декабря 2018 г., мы вспоминали 100-ю годовщину мученической кончины военного священника Императорской Армии протоиерея Сергия Флоринского от властей Эстляндской Трудовой Коммуны, произошедшей в г. Везенберге Эстляндской губернии, ныне — г. Раквере.

Сергей Федорович Флоринский родился 4 марта 1873 г. в семье священника храма святых Космы и Дамиана в г. Суздале. Отец Сергея Федоровича происходил из потомственного священнического рода, представители которого служили на приходах Владимирской губернии уже с конца XVII в.

Отрок Сергей получает традиционное домашнее воспитание, хотя он был сыном городского священника, но многие его родственники служили в сельской местности, где без взаимовыручки было не выжить и примерам которых он был свидетелем. По окончании Суздальского духовного училища он поступает на учебу во Владимирскую духовную семинарию, которую оканчивает в 1893 г. по второму разряду, и направляется земским учителем и деревню Яксаево Владимирской губернии.

В 1900 г. для Сергея Федоровича Флоринского открывается вакансия на должность военного священника 151-го Пятигорского пехотного полка 38-й пехотной дивизии. Он женится на дочери протоиерея Лейб-Гвардии Уланского полка Елизавете Иоанновне Смоленской. 5 марта 1900 г. состоялось рукоположение Сергия Флоринского во священника, и 17 марта иерей Сергей прибывает к месту служения в 151-й пехотный полк, который размещался в то время в местечке Береза-Картузкая (сейчас это город Береза в полусотне километров от Бреста), и в этом полку о.Сергий прослужил более 16 лет.

Необходимо отметить, что этот полк, как и вся 38-я дивизия, был сформирован на Кавказе во время русско-турецкой войны, шедшей на Балканах. На знаменах полка имелись георгиевские ленты за взятие г. Карс — неприступной турецкой крепости. Лишь за несколько лет до прибытия о.Сергия в полк дивизия была переведена с Кавказа на западную границу Империи. Священник полка, который прибыл с Кавказа в Березу, был награжден правом ношения на георгиевской ленте наперстного креста, полученном за мужество в бою при защите раненых в лазарете.

Вместе с полком о.Сергий участвует в походе в Манчжурии во время русско-японской войны.

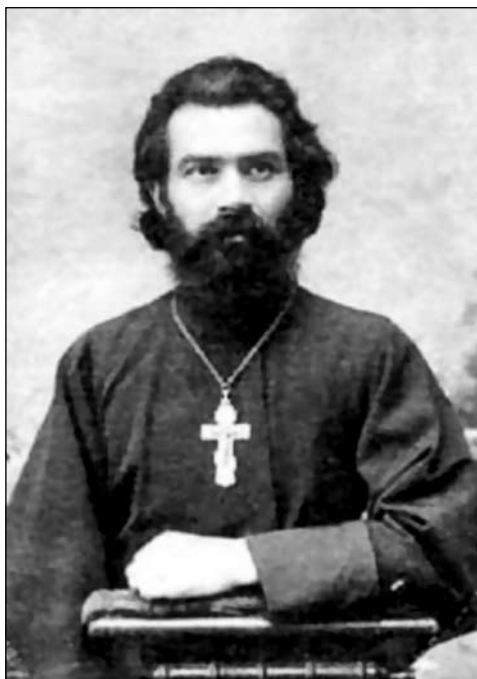
После войны о.Сергий Флоринский продолжает служение полкового священника: богослужение, молебны и беседы в казармах, забота о храме и его внутреннем убранстве. В это время у о.Сергия рождаются дочь и сын.

Наступил 1914 г. Летом началась Первая мировая война, или, как говорили те, кто жил в то время: Великая война.

С первых же дней войны дивизия, в которую входил 151-й полк, участвует в боевых действиях, а вместе с полками следуют и их полковые священники. Забегая вперед, следует отметить, что из четырех священников дивизии трое были награждены правом ношения креста на георгиевской ленте.

Рамки этой статьи не позволяют вместить весь перечень участия о.Сергия в боях. Это были переходы и позиционные бои с расположением и в городе, и в поле. Нередко *богослужения совершались прямо на позициях.*

Многими наградами были отмечены труды о.Сергия в полку. 1 июля 1916 г. Император Николай II наградил его золотым крестом на георгиевской ленте.

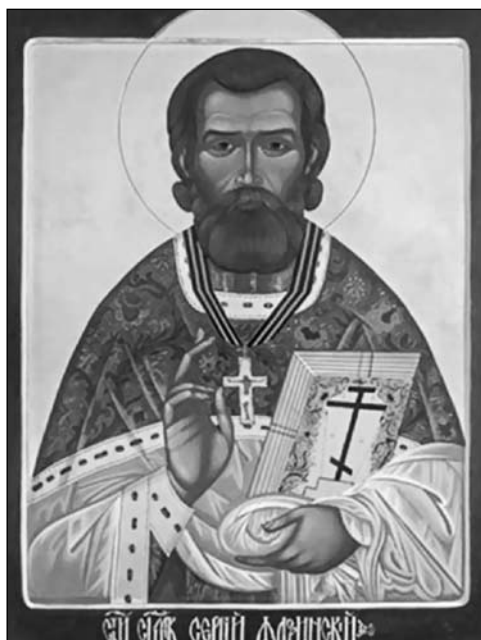

Сщмч.Сергий Раквереский (Флоринский).
Фото

В июне 1917 г. о.Сергий получает новое назначение в 29-й Запасной полевой госпиталь, который был развернут в городе Везенберг. Здесь он получает извещение о возведении его в сан протоиерея. Конечно, служба в тыловом госпитале считалась отдыхом для военного священника и использовалась, чтобы дать возможность подлечиться и отдохнуть от службы в боевых частях.

В г. Везенберге протоиерей Сергий встречает известие об Октябрьской революции в Петрограде. Вскоре наступает германская оккупация. Госпиталь был расформирован. Отец Сергий обращался с просьбой к германскому командованию о выдаче ему разрешения вернуться в свою семью в Петергоф, но в этом ему было отказано.

В ноябре 1918 г. начинается наступление Эстонской Красной Армии Эстляндской Трудовой Коммуны для установления Советской власти на территории Эстонии. Один из первых декретов Трудовой Ком-

Сщмч.Сергий Раквереский (Флоринский).
Икона

муны объявлял всех представителей духовенства врагами новой власти и вне закона.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы
(г. Раквере, Эстония)

Город Везенберг был взят 18 декабря, и о. Сергей был арестован в числе первых. Краткий протокол допроса доносит до нас его исповедание веры: «...вижу, что моя вина в том, что я священник. И в этом я подписываюсь». Тройка Комиссии по борьбе с контрреволюцией 26 декабря постановила прот. Сергия Флоринского расстрелять, что и произошло 30 декабря 1918 г.

Кому-то может показаться излишними многие подробности в этой статье, но они позволяют понять становление веры, любви, решимости, мужества протоиерея Сергия Флоринского — *настоящего христианина, священника, Воина Иисуса Христа.*

В 2002 г. Русская Православная Церковь причислила протоиерея Сергия Флоринского к лику новомучеников и исповедников Российских, а 2 июля 2003 г. были обретены его Святые Мощи.

Стало традицией 30 декабря совершать Литургию в храме Рождества Пресвятой Богородицы города Раквере, по окончании которой крестным ходом пройти к месту мученичества священномученика Сергия. Эта служба с крестным ходом является началом воспоминания жертв расстрелов в 1918–1919 гг. в городе Раквере.

Протоиерей Сергей был наставником и помощником для солдат и офицеров, он и сейчас — наш заступник и молитвенник пред Престолом Божиим.

Священномучениче Сергие, моли Бога о нас!

Статья посвящена редкому иконостасу в Таллинском Никольском храме, заказанному царской семьей в 1684 г. и исполненному мастерами Оружейной палаты. В ней говорится, как икона и иконостас в православном храме участвуют в создании того духовного пространства, где совершается единение человека с Богом, временного с вечностным. Также отмечено, какими художественными приемами достигается воплощение этой идеи и в частности духовной программы иконостаса Никольского храма.

The article is devoted to the rare iconostasis in the Tallinn Nicholas Church, commissioned by the imperial family in 1684 and executed by the masters of the Armory. It says how the icon and iconostasis in an Orthodox church participate in the creation of that spiritual space where the unity of man with God, temporary with the eternal, takes place. It is also noted by what artistic techniques the embodiment of this idea and, in particular, the spiritual program of the iconostasis of the St. Nicholas Church are achieved.

В Таллине, в Никольском православном храме, находится один из самых замечательных памятников культуры конца XVII столетия в Эстонии — редкий иконостас, уникальный ансамбль церковного искусства. Это величественное произведение было выполнено по заказу русских царей Иоанна и Петра Алексеевичей и регентшей Софьей Алексеевной и является единственным в Эстонии *полным иконостасным комплексом* этого времени.

Храм Святителя и Чудотворца Николая — старейшая православная церковь Таллина, ведет свое начало *от древнего храма Новгородских купцов*, построенного еще до большого городского пожара середины XV в. Современная церковь, возведенная вместо обветшавшего храма в 20-е г. XIX в., хранит в иконостасах южного и северного приделов иконы, напи-

Орест Кормашов*

«Жизнь иконостаса похожа на жизнь человеческую...»

Об уникальном
иконостасе Храма
Святителя и
Чудотворца Николая
в Таллине

Ключевые слова: икона, иконостас, цвет, контраст, единство, духовность, символика, красота, вера

Keywords: icon, iconostasis, color, contrast, unity, spirituality, symbolism, beauty, faith

* Доцент живописи Таллинского университета, Эстония.

санные по заказу царей и под руководством мастеров Оружейной палаты в 1686 г.

Строительство т.н. Иоанно-Петровского иконостаса было связано с русско-шведским договором 1684 г., в котором обсуждался вопрос о притеснениях в вере «греческого закона жителей» со стороны шведских властей. Постройка нового иконостаса в Таллине стала во многом политическим жестом, напоминающим шведам о договорных обязательствах. Была и практическая причина — старое внутреннее убранство храма уже давно пришло в убогость, и неоднократные прошения обновить иконостас нашли плодотворное решение, вероятно, в связи с политической целью.

В 1684 г. российские самодержцы Иоанн, Петр (13-летний в то время будущий Петр I) и регентша Софья заказали для Никольской церкви в Таллине (называвшегося в то время Колывань) новый иконостас и поручили руководство живописными и строительными работами жалованному «изографу» Кремлевской Оружейной палаты Сергею Рожкову и столярных дел мастеру Аввакуму Сергееву [Успенский, 1910].

Местом исполнения заказа был назначен город Псков, где, в отличие от нерасполагавшего такими возможностями и традициями Таллина, были обученные иконописцы, а также имелись необходимые для выполнения такого крупного заказа материалы. В Таллин мастера приезжали лишь для замеров, составления проекта, а затем для установки в храме готового иконостаса. Разработка цельной концепции иконостаса и проработка визуального ряда легли на плечи Сергея Рожкова, который также участвовал в создании иконостаса в качестве иконописца. Конструкции, строительством которых руководил Аввакум Сергеев, были расписаны на месте, в Таллине.

Иконостас 1686 г. в основном установлен в южном, Успенском приделе Никольского храма, часть оставшихся икон помещены в северный придел, не имеющий престола.

Изучение иконостаса началось в 2000 г. в рамках государственной программы «Церковный ренессанс» и с благословения настоятеля храма протоиерея Олега Вроны. В результате работы известного художника и знатока церковного искусства Николая Кормашова (1929–2012) совместно с автором настоящей статьи был реконструирован первоначальный замысел и структура иконостаса. К сегодняшнему дню консервированы все сохранившиеся иконы и раскрыты росписи иконостасных конструкций Успенского придела. Работа продолжалась в течение 18 лет и почти каждый год приносила с собой *новые открытия*, что в результате позволило представить изначальный облик этого ансамбля, гармоничного эстетически и каноничного с точки зрения литургии и богословия.

Иконостас Никольского храма родился во времена больших перемен. Это период обмирщения церковного искусства на Руси благодаря сильным влияниям с Запада. Реформы патриарха Никона открыли путь изменениям, и в этом веянии родилась новая концепция иконы Симона Ушакова, в русле которой разместились последующие стили и новые выразительные средства иконы. Как всегда, первыми на этом пути пошли крупные центры, начиная с Москвы, а в более отдаленных местностях древние традиции жили дольше и смешивались с новым медленнее.

Этим объясняется и характер постройки иконостаса в Таллине, имеющий старую тябловую конструкцию, а также архаичное иконографическое решение многих образов в иконостасе. Важно отметить роль цвета в комплексе, который еще име-

ет символическое значение в то время, когда цвет уже повсюду начинал указывать на частность или выполнять лишь декоративную роль.

Новой особенностью иконостаса является подчиненность всего комплекса *теме царственности*. На иконах, изображающих Спасителя, Он представлен в виде царя или верховного архиерея, Его голову венчает корона, Он восседает на престоле, в Его руках символы власти — скипетр и держава. Тема власти отражена в названии икон — «Царь Царем» и «Богоматерь Царская». Посвященные заказчикам ктиторские тексты на доске, покрывающей тябло над нижним рядом икон и на иконе «Христос Вседержитель», а также икона местного ряда, изображающая именных святых царей — Иоанна Предтечи и апостола Петра — имеют посыл благодарности и, конечно, кроме роли документа, несут идею связи дел мирских с действиями небесными. Икона христороцентрична, всё, что она изображает, ведет ко Христу, содержит смысл посредничества и представительства. Священничество и царство происходят от Христа, и правители, как служители, выполняют функцию защитников Церкви и хранителей веры в миру [Богословский, 2003].

Таким образом, иконостас Никольского храма является памятником переходного периода, несущим в себе древние традиции и символику, а также уже и признаки духа нового времени.

Вся информация по истории и иконографии Никольского ансамбля была выявлена в течение реставрационных работ над комплексом с 2000 по 2017 г. До этого публичные материалы были крайне скудны, а облик иконостаса совершенно другой по сравнению с тем, что зрителю представляется сегодня.

Визуально доминирующими в начальном этапе работ были иконостас-

Начальный этап работ

ные конструкции, выкрашенные в белый цвет и окаймленные бронзовой краской под имитацию золота. Такое решение было принято после установки старых икон в Успенский придел нового храма, построенного в стиле классицизма и с интерьером под белый мрамор. Фоны всех икон вызолотили, а конструкции, некогда разноцветные, закрасили белилами. Задача реставраторов, таким образом, была законсервировать и вычистить иконы и раскрыть первоначальный облик иконостасных конструкций.

История иконостаса любопытна. В середине XVII в. храм св.Николая пострадал от пожара. Восстановление шло медленно и бессильно, у псковских и новгородских купцов, кому церковь принадлежала, уже не было прежней финансовой мощи. И когда в 1680-х гг. церковь, наконец, обрела надлежащий вид, она «благоукрашалась от царских щедрот», как пишется в хронике. Кроме икон из Москвы, в храм поступили церковные книги, облачения, утварь и многое другое (Православная... 1995). Заказанный

Подпись под иконой «Христос Вседержитель»

в 1684 г. иконостас был поручен исполнить мастеру Оружейной палаты Ивану Максимову. Но оказалось, что непосредственно перед выездом в Колывань Иван Максимов заболел, и вместо него отправили Сергея Васильева (Рожкова) и столяра Аввакума Сергеева. После нужных измерений, эскизов и выработки плана нового иконостаса мастера отправились во Псков, поскольку по указу царского двора «...для письма святыхъ иконъ иконописцевъ, а для иконостаса столяровъ велено дать во Псков». О конструкциях в указе было сказано, чтобы «...столярскаго дела мастеру... сделать иконостас столярскаго мастерства и выписать красками розными, а иныя места, которыя пристойно, и позолотить...» [Успенский, 1910].

В 1686 г., полтора года от начала работ, усилиями многих мастеров данный заказ был выполнен. В общей сложности иконостас состоял из 52 отдельных образов, включая миниатюрные иконы на сени надвратной и иконы Благовещения и Евангелистов на Царских Вратах, а также нарядных конструкций. Все иконы написаны на массивных сосновых досках, высокий уровень технологии подготовки древесины, левкашени и живописи свидетельствует о выработанной традиции и достаточных запасах материала, которыми Псков, несомненно, обладал.

О качестве древесины можно привести яркий пример — в местном ряду

иконостаса находится икона XIX в., бок о бок со старой. Доска новой иконы изъедена жуком-точильщиком до структуры губки, а старая нетронута — не вкусно жуку. Вовремя снятый и правильно выдержанный лес является залогом долгой жизни иконы.

Точного количества мастеров, задействованных в написании икон, не удалось выявить. Стилистически можно выделить, по крайней мере, шесть разных манер письма. Помимо Сергея Рожкова и его сына Григория, подписи которых имеет икона «Христос Вседержитель», в иконостасе есть еще две подписные иконы псковского мастера Константина Осипова («Богоматерь Царская» и «Деисус»), кисти которого можно отнести еще несколько произведений — «Ангел Хранитель», «Богоматерь Тронная» и др. Совершенно иной стиль написания у маленьких икон на сени надвратной. Архаичностью иконографии отличается икона «Праотец Авраам», хотя цветовое решение подчинено общему целому.

Руководящий работами Сергей Рожков был происхождением из Костромы. Возможно, он был, при обычной в то время фамильной преемственности, сыном известного и одаренного живописца Василия Ильина. Во всяком случае, известно, что он прошел школу этого лучшего костромского мастера XVII в., они нередко работали вместе, их манеру отличают динамичность рисунка и

прекрасное умение передать живую природу [Брюсова, 1984].

В Москву Рожков переезжает с семьей около 1665 г. и поступает на работу в Оружейную палату «кормовым» иконописцем. Три года живет он в Москве на постоянных дворах. В 1668 г. становится «жалованным» изографом и с этого времени выполняет различные заказы, также ему выделяется участок для постройки дома. Несмотря на достаточно высокую позицию среди мастеров, Сергей Рожков часто бедствует и жизнь его многодетной семьи далека от достатка. Этому свидетельствуют его челобитные царю, отличающиеся большим контрастом между его описанными жизненными трудностями и скромностью прошений, например о выделении куска материи для детской одежды [Успенский, 1910].

В 1676 г. его дом сгорает в пожаре вместе со скотиной, семье удается спастись. В этом же году он пишет множество икон, большинство из них документированы. В 1685 г., перед отправлением в Колывань, Рожков подает царю челобитную с просьбой выплатить ему годовое жалованье наперед, так как предпринять такой долгий и трудный путь в те времена было делом весьма накладным. После выполнения миссии в Таллине, которая оказалась его «лебединой песней» в творчестве, Рожкову остается жить совсем недолго. Известна лишь одна его икона от 1687 г. — «Богоматерь Живоносный источник». Скончался Сергей Рожков в 1688 г. Жена его, в челобитной царю, просит хоть каких-нибудь средств на похороны мужа... [там же].

В этой связи надо отметить важное: жизнь Сергея Рожкова была не проста, даже трагична. Но несмотря на постоянные лишения и трудности, он на протяжении всей жизни создает прекрасное, то, что трогает своей духовной глубиной, радостью

и осмысленностью — иконостас Таллинского Никольского храма тому свидетельство.

Контраст с днем сегодняшним вопиющий, и встает вопрос: почему при легкой жизни часто создается мрачное?

Ответ может быть прост и связан с ценностями. Когда *высшей ценностью* является *дарованная Богом жизнь*, одна, неповторимая, и когда *только в этой одной жизни можно вырасти и развиваться в полную меру своих возможностей и таланта*, как не воспользоваться этой уникальной ситуацией? Как не выявлять всеми своими силами ту радость и благодарность за возможность жить, любить и приобщаться к красоте мира, сотворенного Богом?

Именно эту идею несет в себе икона. Конечно, у иконы множество функций, из которых молитвенная и литургическая являются важнейшими. Но поскольку икона рассчитана на зрительное восприятие, то первое впечатление от нее всегда связано с красотой. Это достигается выразительными средствами живописи, где цвет, линия и ритм призваны создавать гармоничное целое, воспринимаемое не разумом, а сердцем.

Ансамбль Никольского храма особенно выделяется *красотой цвета*. Думается, что именно цветовые решения помогают выявить *духовную программу* иконостаса.

Икона родилась с Боговоплощением и обрела свое полное значение с завершением миссии Иисуса Христа. Иными словами, икона показывает и несет в себе невидимое, божественное, а также свидетельствует и участвует в деле соединения неба и земли, святости и тварности. Поэтому ее место в сакральном пространстве храма необходимо, там она выполняет ключевую роль в построении полноты мироздания, символом которого храм является.

Невероятная красочность икон —

сложные сочетания охры, розоватых, сиреневых, пурпурно-коричневых, оливковых, голубовато-серых цветов перекликаются с бледной охрой, ярким суриком, ржавой красной и глауконитовой зеленой на конструкциях.

Игра цвета дополняется блестящими тут и там

осколками золота — на нимбах, в ассистовке одежд, сени надвратной, Царских Вратах и профильных рейках.

Замысел цветового решения основан на контрастах.

Любой контраст несет в себе **идею дополнения**,

где разные по сущности части дополняют друг друга до целого.

Контраст в цвете есть взаимное дополнение до гармонии,

и во всех современных цветовых теориях самой выразительной парой контрастных цветов

считается **комбинация красного и зеленого**.

Доминирующий цветовой импульс ансамбля Никольского иконостаса создан сочетанием красных и зеленых конструктивных деталей.

Далее можно различить **желтые-зеленые**

и зеленые-вишневые пары

Традицию почитания образа как носителя прообраза, которая возникла и была осмыслена в первое тысячелетие, задолго до великой схизмы, до сегодняшнего дня продолжает вести Восточная Церковь, Православие. Именно на Руси развивался и к XV в. сложился высокий пятиярус-

ный иконостас в его полной форме и духовном смысле.

Иконостас в Таллине является примером классического иконостаса. Построен он минималистически, подобно древним тябловым конструкциям, где горизонтально расположенные бревна были вмурованы в боковые стены. На этих бревнах, тяблах, расставлены иконы, и вокруг них для крепления сделаны простые рамы. Все конструкции были раскрашены в яркие цвета и обрамлены золоченым профилем.

Примечательно цветовое решение всего комплекса. Здесь необходимо отметить опыт создателя иконостаса Сергея Рожкова. В начале XVII в. произошли большие изменения в традициях церковного искусства, в частности расширилась цветовая гамма, особенно в стенописи. Новыми и смелыми решениями славилась Кострома, в артелях известных иконописцев Любима Агеева и Василия Ильина молодой изограф Сергей Рожков впитал всю богатую палитру костромской фресковой живописи, что отразилось и в Никольском иконостасе [Брюсова, 1984].

Невероятная красочность икон — сложные сочетания охры, розоватых, сиреневых, пурпурно-коричневых, оливковых, голубовато-серых цветов перекликаются с бледной охрой, ярким суриком, ржавой красной и глауконитовой зеленой на конструкциях. *Игра цвета* дополняется блестящими тут и там *осколками золота* — на нимбах, в ассистовке одежд, сени надвратной, Царских Вратах и профильных рейках.

Замысел цветового решения основан на контрастах. Любой контраст несет в себе *идею дополнения*, где разные по сущности части дополняют друг друга до целого. Контраст в цвете есть взаимное дополнение до гармонии, и во всех современных цветовых теориях самой выразительной

парой контрастных цветов считается комбинация красного и зеленого. Доминирующий цветовой импульс ансамбля Никольского иконостаса создан сочетанием красных и зеленых конструктивных деталей. Далее можно различить желтые-зеленые и зеленые-вишневые пары.

Всегда сохраняется контраст *теплого и холодного*, а также *светлого и темного*, чем обеспечивается динамика целого.

Художественные приемы контрастов имеют символическое значение. Алтарь как сфера невидимая становится видимой посредством иконостаса, духовность вливается в сферу профанного и создается единство небесного и земного, которые сами, по сути, являются контрастными по отношению друг друга.

Но цвет в иконе имеет значение не только с точки зрения контраста. Мир, созданный Богом, совершенен по своей логике действия, а также своей невидимой и видимой красотой. Именно красота мира преображенного отражена в иконе, категория красоты высоко ценится, ведь прекрасны как истина, так и любовь. Красота есть чистота, это передается чистотой цвета, красота есть ясность, поэтому *краски на иконе должны звучать, как колокола*, — ясно и громко. Как колокольный звон изгоняет бесов и всякую нечисть, также и чистый цвет очищает душу и пространство вокруг нас.

Эта символика цвета, до определенной степени, еще соблюдается в Таллинском иконостасе. Но нужно отметить, что сегодня нашему взгляду представляются иконы, фоны которых, бывшие изначально серебристо-оливковыми, вызолотили в XIX в., а черные сейчас поля икон имели теплый темно-зеленый оттенок. Надписи тоже переписали — вместо оригинальных вишневых мы видим черные. Ясно, что бывшее цветовое

Техника «цветения» по золоту

торжество не ложилось в мраморную и скорее монохромную концепцию нового храма и влияние цвета постарались свести к минимуму. Оттого появилось золото с черным на иконах и белое на конструкциях — цвету уже не было места и бывшей роли в новом сакральном пространстве XIX в.

Общее же впечатление начального иконостаса красочное, это был настоящий *праздник цвета*. Духовное значение Таллинского иконостаса не может рассматриваться отдельно от его цветового решения. У каждого иконостаса есть роль универсальная — раскрыть и показать мир Божественный, в его вечности и становлении в миру. Здесь же наблюдается уделение особого внимания одному аспекту невидимого мира — *цветущему Райскому Саду*.

Эту смысловую нагрузку взяли на себя росписи иконостасных конструкций, чем они должны рассматриваться в рамках единого ансамбля с иконами, такой его частью, которая как физически, так и художественно поддерживает иконы. Ключ к этому мы видим уже на сени надвратной, где фон миниатюрных икон расписан растительным орнаментом техникой «цветения» по золоту. Орнамент выполнен полупрозрачными красками по сусальному золоту и обведен черной графьей. Глубоко символичны также росписи на сохранившихся ко-

На границе земного и небесного

сяках двери в жертвенник, выполнявшие некогда роль косяков Царских Врат. Там абстрактно (!) изображена тема защиты Рая.

В книге Быт. 3.24 читаем: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни». В росписях как нельзя лучше передано *космическое пространство с огненными языками и пламенными крыльями херувимов*. Не случайно эта тема нашла место по сторонам алтарной двери, непосредственно у «входа в Рай», на границе земного и небесного.

Тематика райского сада подчеркивается обилием в иконостасе зеленого цвета, символизирующего жизнь в высшем понятии, жизнь в саду Эдема, указывающего на эсхатологический план иконы. Путь к этому лежит все же через преодоление материального, т.е. через смерть, высшую и нижнюю точку которой символизирует цвет жертвы — красный, имеющий антиномичное значение. В иконостасе зеленому секунди-

рует именно красный. Особенностью является то, что и тот, и другой цвет уже не локальный, как в древней иконе, а имеет множество оттенков, что в дальнейшем, как мы знаем, по словам Л. Успенского, ведет к утере символики иконы, которая начинает восполняться «красочностью, яркой декоративностью и обилием узорочья» [Успенский, 2001].

В связи с панегирическим подтекстом иконостаса можно предположить, что райская тематика здесь связана также с земными реалиями. Будучи самыми западными в то время Райскими Вратами, они несли в себе идею открывавшегося за этой дверью иного мира, *содержащего в себе правильные христианские ценности и иерархию, подобную небесной, представляемые Россией*.

Для местной общины такой прекрасный ансамбль служил укреплением в вере и в деле большей привязанности к своим традициям, живя в чужой и порой вражеской среде. Чувство объятия райским садом в храме должно было наряду с молитвой благоприятно влиять на преодоление ежедневных трудностей и вселять в душу уверенность и радость.

В истории иконостаса есть еще одна интересная история. Когда иконостас в 1687 г. был освящен, событие заказа царей было отмечено дарственной надписью на иконостасе, которая гласит: «...ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРЫНИ БЛАГОВЕРНЫЕ ЦАРЕВНЫ И ВЕЛИКИЕ КНЯЖНЫ/СОФИИ АЛЕКСИЕВНЫ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМО/ДЕРЖЦЕ В ЛЕТО ОТ СОЗДАНИЯ МИРА ЗРЧЕ ГОДА ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ...(СПОСПЕШЕ) НИЕМ СЫНА И СОВЕРШЕНИЕМ СвяТАГО ДУХА ПО/НОВИСЯ СИИ ХРАМ ВО ИМЯ СвяТАГО НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В КОЛЫВАНИИ СвяТЫМИ ИКОНАМИ И ЦЕРКОВНЫМ УКАШЕНИЕМ...».

Имя Софьи на надписи, вероятно, послужило перекраске всего текста уже в начале XVIII в. по политическим причинам. После низложения Софьи ее имя уже никак не могло красоваться на видном месте на иконостасе, тем более, что сам Петр Первый был в храме на молебне в 1711 г. Таким образом, эта надпись была спрятана от взоров на три столетия! И хотя в источниках бегло упоминался дарственный текст царей, никто не знал где он, существует ли вообще, и только в 2003 г. его обнаружили и раскрыли.

Жизнь иконостаса, как и вообще русских икон, похожа на жизнь человеческую. Краткие времена радости сменяются горем, мир и покой — страданиями и лишениями, яркий луч солнечного света затягивается тучами. Непростая жизнь Таллинского Никольского храма сказала и на иконостасе, который неоднократно был на краю гибели, но опять перебирался, чинился, перекрашивался, поновлялся и воскресал. «То, чему не суждено погибнуть, вновь и вновь являет себя, чтобы свидетельствовать о нетленной духовной красоте, о свете истины», — говорил Николай Кормашов об иконе, и как нельзя лучше это подходит к Никольскому иконостасу.

Литература

1. *Антоний, митрополит Сурожский.* Пути христианской жизни. — М.: Заречье, 2011.
2. *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. — М.: Искусство, 1984.
3. Богословский сборник Православного Свято-Тихоновского богословского института. — М., 2003. — Т. 11.
4. *Гаврюшина Н.К.,* составитель. Философия русского религиозного искусства. — М.: Культура, 1993.

Свидетельство о красоте нетленной

5. *Дамаскин Иоанн, преподобный.* Три защитительных слова против порицающих святые иконы. — М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993.
6. *Евдокимов П.Н.* Искусство иконы. Богословие красоты. — Клин: Христианская жизнь, 2005.
7. *Itten Johannes.* The Art of Color. — New York, 1974.
8. *Лепяхин В.В.* Икона и иконичность. — СПб., 2002.
9. Православная церковь святителя и чудотворца Николая Мирликийского в г. Ревеле. — Ревель, 1889; новое издание: Александра: Таллин, 1995.
10. *Pullat R.* Tallinna ajalugu 1860-ndate aastateni. — Tallinn, Eesti Raamat, 1976 (*Пуллаат Р.* История Таллинна до 1860 г. — Таллин: Ээсти Раамат, 1976).
11. *Рахманова М.П., Красилин М.М.* Духовная среда России. — М., 1996.
12. *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. — М., 1910.
13. *Успенский Л.А.* Богословие иконы православной церкви. — М.: Паломник, 2001.

Ольга Майер*

Человек, скачавший по детству

Из сокровенных
воспоминаний
о митрополите
Корнилии

Глубокие личные воспоминания о митрополите Корнилии (в миру Вячеславе Васильевиче Яковсе) (1924–2018) — епископе Русской Православной Церкви; митрополите Таллинском и всея Эстонии, предстоятеле Эстонской Православной Церкви Московского патриархата с 1992 по 2018 г.

Deep personal memories of Metropolitan Cornelius (in the world Vyacheslav Vasilievich Jacobs) (1924–2018) — Bishop of the Russian Orthodox Church; Metropolitan of Tallinn and All Estonia, Primate of the Estonian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate from 1992 to 2018.

Ключевые слова: личный запас переживаний, особый свет, молитвенная тишина

Keywords: personal stock of experiences, special light, prayer silence

* Референт митрополита Таллинского и всея Эстонии Евгения, литературный редактор альманаха «Православный собеседник», Таллин, Эстония.

Прошлое никогда не всплывает в памяти случайно. Наше бессознательное поднимает из глубин только те воспоминания, в которых мы нуждаемся именно сегодня, чтобы что-то переосмыслить в собственной жизни.

Воспоминания о митрополите Корнилии — это мой *личный запас переживаний*.

Февраль 2018 года. Небольшая комнатка панельного дома. У окна за письменным столом, на котором все аккуратно разложено, на деревянном стуле-кресле сидит Владыка Корнилий. Слева во всю стену — огромный книжный шкаф, в котором книги выстроились в три ряда. Справа от окна — кушетка, в углу — большой деревянный иконостас. Эту комнатку Владыка называет «кельей». Она наполнена *особым светом и молитвенной тишиной*.

Уже почти ослепнув, владыка всё пытался писать небольшие тексты, доказывая прежде всего самому себе, что в нем есть и сила, и ясность ума. Он спокойно сопротивлялся той беспощадной старости, которая может обесмысливать и отягощать болезнями жизнь человека.

Тетрадка с написанным текстом является молчаливым свидетелем *огромной силы духа* митрополита. Глаза его уже плохо различали бумагу, но рука, маленькая, почти детская, твердо держала карандаш и выводила буквы. Буквы на разлинованных страницах не написаны, а буквально нарисованы. Кажется, что они, слишком крупные и неровные, живут на бумаге *своей особенной жизнью*: сперва разбредаются, а потом соединяются, образуя слова. Сочетания же этих слов представляют собою рисунок — предложения в тетрадке похожи на *крылья ангелов*. Впрочем, ангелы действительно оставили зримые знаки сво-

«А вы знаете, о чем скучает старый человек? Он скучает по детству...»
(митрополит Таллинский и вся Эстонии Корнилий)

его присутствия: мысль 94-летнего митрополита удивляла и продолжает удивлять многих *четкостью формы и содержания*.

Вот Владыка откладывает тетрадь в сторону:

— Скажите, много снега за окном?

Я посмотрела в окно: садик был занесен снегом, голые ветки кустов сиротливо торчали из сугробов. Человеку, любящему весну, грустно смотреть на белое безмолвие... Владыка, не дождавшись ответа, заулыбался: «Когда мои глаза могли видеть, я любил смотреть в окно... Читаю Святых Отцов, отложу книгу и смотрю в окно — обдумываю то, о чем прочел. А за окном картина за картиной меняются так быстро, что, кажется, жить не успеваю: за весной приходит лето, за летом — осень, а за осенью — зима. И так гармонично всё в природе... А годичный круг вертится и вертится. И не думаем ведь, что Господь каждому время отмерил, не торопимся задуматься о делах своих, за которые оправдываться придется».

Искренность переживаний — это *настоящее обретение себя*. Искренность — «искра»! Рожденная искра обязательно проявляет себя во внеш-

нем мире, согласовываясь с внутренним состоянием рассказчика, его мимикой и жестами.

Не раз замечала, как лицо митрополита Корнилия приобретало детское радостное выражение, когда он упоминал о своем отце. Память об отце — это неоконченная история сыновней любви. По лицу владыки пробегала светлая мягкая волна... А я ловила себя на мысли, что *воспоминания о дорогих нам людях похожи на восход солнца*: туман рассеивается и открывается небесная лазурь — ее высота и чистота. И ничто не способно затуманить ее.

— Память неслучайно подбрасывает картинки из прошлого, — вздыхает Владыка. — Мы особенно часто вспоминаем тех, кого или обидели, или — очень любили. Я очень любил своего отца. Удивительно, но именно сейчас, когда мне уже почти 94 года, я все ярче и отчетливее вижу картинки из детства. Закрываю глаза: отец несет меня, маленького, на плечах. Вдруг он поскользнулся на мокрой траве, и мы чуть не упали. Я вижу эту ситуацию со стороны: я — смеюсь, а отец — рад, что удержался на ногах и не причинил мне боли. Как мне кажется, эмоциональные переживания

– Вы никогда не задавались вопросом, почему в церкви у икон стоят только **живые цветы**?! Живые! В Дом Божий можно нести только правду! Искусственные цветы в храме — это обман. А Церковь — это **Правда Божия**! Живые цветы — это жизнь. В двери храма входит жизнь, которая одухотворена присутствием Божиим. И на кладбище: если на могилке растут цветы, значит — память жива: за могилкой кто-то ухаживает, цветы поливает, а если пластмассовые розы... ну, что с них — воткнули в землю и забыли, как и о человеке забыли... Я не люблю ложь... Всегда глубоко переживал, когда чувствовал неискренность: человек может говорить тебе об одном, а глаза его — о другом. А ведь «глаза — это зеркало души». Они высвечивают наш внутренний мир. Улыбайся — не улыбайся, а глаза точно скажут, кто перед тобой стоит. Поэтому я всегда смотрел людям в глаза. Сейчас — не могу смотреть, почти не вижу. Это тоже испытание. Но... может быть, духовное зрение откроется?! (смеется)

все-таки в тот момент были достаточно сильные, иначе вряд ли в памяти запечатлелось такое событие. Это воспоминание дорого уже тем, что в нем есть мой отец, любивший меня и оберегавший от боли. Небольшое Евангелие, которое он мне подарил в 1936 году, везде и всегда со мной... и знаете, как подписал?

Владыка, не вставая с места, говорит, на какой книжной полке я могу взять Книгу и просит слова отца зачитать вслух: для него очень важно еще раз услышать то наставление, которое он пронес через всю жизнь.

На чуть пожелтевшей странице Священного Писания ровным, красивым почерком написано: *«Ежедневно прошу Господа, дорогой мой Вяченька, чтобы Он, Всемогущий, сохранил тебя на всю жизнь таким же хорошим и честным, каким ты был до сих пор».*

— Эти слова я часто перечитывал в лагере, в Мордовии, во время «полит-отсидки», куда попал за хранение и распространение анти-советской литературы, — в который раз повторяет владыка факт из своей биографии, как бы проверяя свою память на прочность. — А ведь именно в лагере укрепился я в вере. Ох как поддержал меня тогда отец Валерий Поведский своими письмами... Крепко поддержал. Скоро уж с ним свидимся. Святой жизни был человек. Тяжкие скорби терпел... как Иов многострадальный.

Дверь, ведущую к воспоминаниям, не взламывают, она открывается сама... Рассказ о протоиерее Валерии Поведском был долог... Ясность мыслей митрополита поражала. Казалось, просто невероятным то, о чем он подробно рассказывал, подперев кулаком щеку и чуть растягивая слова. А потом — пауза. Она стала логическим продолжением долгого повествования и возникла по единственной причине — слезы на глазах митрополита: он переживал заново все переломные моменты духовного возрастания.

— Что-то мы засиделись в моей келье. Пойдемте-ка в большую комнату.

Эта комната ненамного просторнее «кельи». Напротив входной двери в Красном углу — иконы, в центре —

лик Спасителя. На стенах — небольшие гравюры и картины — подарки с Афона, Валаама, со Святой Земли. Полированный коричневый шкаф-стенка, напоминающий о советском времени, заставлен гжелью и статуэтками — это тоже всё «знаки внимания». Зеленый диван из шерстяной ткани с кручеными нитями и в тон ему два глубоких кресла дополняют скромную обстановку. Над диваном — акварели. Полированный стол придвинут к стене. На нем, на ажурных белых салфетках, стоят огромные хрустальные вазы с цветами. В воздухе витает чуть сладковатый аромат роз и удушливый запах белых лилий. Владыка, всегда неизменно радуясь цветам, называл их «остатками рая на Земле».

— Вы никогда не задавались вопросом, почему в церкви у икон стоят только *живые цветы*?! Живые! В Дом Божий можно нести только правду! Искусственные цветы в храме — это обман. А Церковь — это *Правда Божия*! Живые цветы — это жизнь. В двери храма входит жизнь, которая одухотворена присутствием Божиим. И на кладбище: если на могилке растут цветы, значит — память жива: за могилкой кто-то ухаживает, цветы поливает, а если пластмассовые розы... ну, что с них — воткнули в землю и забыли, как и о человеке забыли... Я не люблю ложь... Всегда глубоко переживал, когда чувствовал неискренность: человек может говорить тебе об одном, а глаза его — о другом. А ведь «глаза — это зеркало души». Они высвечивают наш внутренний мир. Улыбайся — не улыбайся, а гла-

за точно скажут, кто перед тобой стоит. Поэтому я всегда смотрел людям в глаза. Сейчас — не могу смотреть, почти не вижу. Это тоже испытание. Но... может быть, духовное зрение откроется?! (смеется).

Как будто спохватившись, Владыка взмахивает рукой, радостно восклицая:

— Цветочное панно на стене видите — это уже другой разговор, другая тема.

Над столом — огромное цветочное панно: в любое время года цветут на нем невероятные, дивные, сказочные тюльпаны, подаренные Владыке воскресной школой Александро-Невского собора. Владыка любил смотреть на эти атласные цветы, похожие на разноцветные сжатые детские кулачки. Рядом с панно — нарисованная на картоне розовато-белая птица взмыла куда-то ввысь, широко раскинув над пространством и временем свои сильные гибкие крылья... — рисунок от внуков. Владыка, чуть откинувшись в кресле, вздыхает:

— Почему-то всегда, когда смотрю на подарки детей, ощущаю себя счастливым. А вы знаете, о чем скучает старый человек? Он *скучает по детству*. Скучает по чувству, когда тебе хочется прижаться к отцу... А ведь Господь в Евангелии призывает каждого из нас уподобиться ребенку — «будьте как дети». Мы, взрослая, часто теряем что-то очень важное: непосредственность, искренность, доброту... А как же душе без всего этого к Отцу своему Небесному вернуться?!

Юлия Редькина*

«Сомнительное
стало
определенным,
закрытое
раскрылось,
трудное стало
ПОСИЛЬНЫМ...»

Мария Ефимовна
Сергиенко —
путь православного
ученого

Ключевые слова: блаженный Августин, Древний Рим, Пюхтицкий монастырь

Keywords: St. Augustine, Ancient Rome, Pyhtitsky monastery

* Юлия Робертовна Редькина — ведущий переводчик редакционно-издательского отдела Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Статья рассказывает об известном переводчике первохристианских авторов, чей перевод «Исповеди» блж. Августина на русский язык считается самым лучшим из всех существующих, историке античности, авторе блестящих монографий о Древнем Риме, Марии Ефимовне Сергеевской, ее научном и христианском пути, ее связи с Пюхтицким монастырем, на кладбище которого она похоронена.

The article tells about the famous translator of early Christian authors, whose translation of «Confession» of St. Augustine into Russian is considered the best of all, the historian of antiquity, the author of brilliant monographs about Ancient Rome, Maria Efimovna Sergeyevskaya, her scientific and Christian path, her connection with the Pyukhtitsky monastery in the cemetery of which she is buried.

В Троицкую родительскую субботу, когда монастырская служба идет в кладбищенской церкви, кажется, что все сестры, живые и ушедшие, соединяются за ней. Стройными рядами стоят серебряные крестики, словно за стенами храма молятся игумены, монахини, послушницы, священники, упокоившиеся здесь. Каждый из этих небесных насельников Пюхтицы достоин отдельного рассказа. О ком-то есть уже книги, о ком-то — только статьи. О ком-то пока нет ничего. Но был и существует еще один круг Пюхтицы, куда входили (и входят) миряне, которые всей душой полюбили монастырь, приезжали сюда за духовной поддержкой и отдохновением. В дневниках известного дирижера Евгения Александровича Мравинского есть удивительные воспоминания о его посещениях Пюхтицы, переживании монастырской литургии, о беседах с монахиней Силуаной (Соболевой), заведовавшей монастырской гостиницей.

Многие из тех, кто десятилетиями приезжал в Пюхтицу, наверное, мечтали бы упокоиться здесь. И некоторым Господь и Матерь Божия даровали такую возможность.

Если идти через кладбище в сторону источника, то почти на выходе, недалеко от лестницы, с левой стороны, находится могила Марии Ефимовны Сергеевны. Она скончалась в Ленинграде в 1987 г., и по ее просьбе, с разрешения монастыря и благодаря содействию Сергея Алексеевича Беляева, известного историка и ее ученика, была похоронена на Пюхтицком кладбище.

Чуть позже я расскажу о ее жизни в хронологическом порядке, но сразу же хочется упомянуть о том, чем она наиболее известна. В годы войны она отказалась от эвакуации из осажденного города и **во время блокады переводила «Исповедь» блаженного Августина**. Может, и выжила благодаря этому. Это *лучший перевод* данного произведения. Позже ее коллега и друг скажет, что если бы Августин писал по-русски, то именно так звучала бы его «Исповедь».

«Что же Ты, Боже мой? Что, как не Господь Бог?.. Высочайший, Благостнейший...; самый Далекий и самый Близкий, Прекраснейший и Сильнейший, Недвижный и Непостижимый; Неизменный, Изменяющий все, вечно Юный и вечно Старый, Ты обновляешь все и старишь гордых, а они того и не ведают; вечно в действии, вечно в покое, собираешь и не нуждаешься, несешь, наполняешь и покрываешь; творишь, питаешь и совершенствуешь; ищешь, хотя у Тебя есть все. Ты любишь и не волнуешься; ревнуешь и не тревожишься; раскаиваешься и не грустишь; гневаешься и остаешься спокоен; ...Что сказать еще, Господь мой, Жизнь моя, моя Святая Радость? И что вообще можно сказать, говоря о Тебе?» [1].

Кроме этого, она переводила христианских первоучителей — письма сщмч. Киприана, «Церковную историю» Евсевия Памфила, Тертуллиана «О покаянии», Климента Алексан-

В годы войны она отказалась от эвакуации из осажденного города и **во время блокады переводила «Исповедь» блаженного Августина**.

Может, и выжила благодаря этому. Это *лучший перевод* данного произведения.

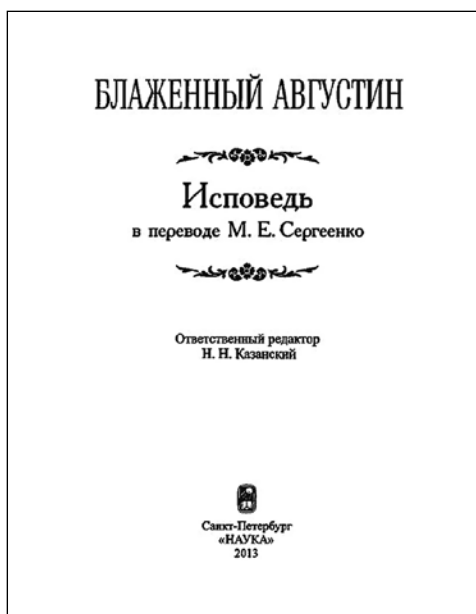
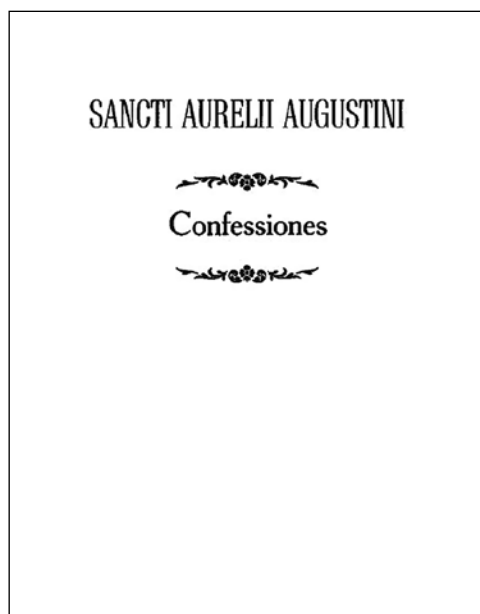
Позже ее коллега и друг скажет, что если бы Августин писал по-русски, то именно так звучала бы его «Исповедь»

дрийского. В то время она не смогла бы опубликовать их под своим именем, светским ученым запрещалось издавать тексты, связанные с христианством.

Митрополит Антоний (Мельников) (1924–1986, с 1978 г. митрополит Ленинградский и Новгородский) позволил ей подписываться его именем, и все эти произведения вышли в свет при советской власти в «Богословских трудах». Позже ее переводы публиковали и под именами некоторых других священнослужителей.

Со стороны Марии Ефимовны это было своего рода *самоотвержение* ученого: ей было безразлично, стоит ли под переводами ее имя, ей было важно, чтобы эти книги дошли до читателя [3].

К сожалению, я лично не знала Марию Ефимовну. Мой рассказ основан на статьях о ней, воспоминаниях ее учеников, прежде всего С.А. Беляева (сына протоиерея Алексия Беляева, служившего в Пюхтице, и ученого, под руководством которого обретались десятки святых мощей за последние десятилетия) и, главное, на ее собственных книгах, которые я позволю себе цитировать в определенном объеме, чтобы и вы смогли услышать голос самой Марии Ефимовны.

Титульный лист «Исповеди» Блаженного Августина в переводе М.Е. Сергеенко
(СПб.: Наука, 2014, серия «Литературные памятники»)

Родилась она в 1891 г. в семье чиновника в г. Новозыбкове (Черниговской губернии), ее мать происходила из дворянского рода Криницких. Именно она дала дочери религиозное воспитание. Детство Марии было счастливым и беззаботным: своя комната, любимые книги, великолепный сад. Она вспоминала, как мать каждое утро вставала с ней перед иконами на молитву, читала ей Евангелие. Никто не уходил из этого дома неутешенным. Местные крестьяне считали ее маму «святой».

«Как он был хорош, Чернигов моих детских и отроческих лет, тихий, тихий, без заводов и фабрик, без двухэтажных домов и мощеных улиц, весь в садах, с узенькой речкой и густой рощей в середине города — деревьев тогда в Чернигове было вообще больше, чем людей. Овеянный дыханием седой старины, видевшей на своей земле людей, которыми гордится наша история, благословенный всеми дарами украинской природы, щедрый и ласковый, он уже давно жил мирной жизнью провинциального

захолустья, которую мы, в юношеском неведении и с юношеской дерзостью, называли мещанством и которая теперь представляется утраченным раем» [2].

Мария Ефимовна окончила Черниговскую Министерскую гимназию. В 1910 г. приехала в Петербург и поступила на историко-филологический факультет Высших (Бестужевских) женских курсов, окончила их по отделению классической филологии (1916).

«Когда сейчас (...) я спрашиваю себя, в чем же было очарование наших Курсов, — а сила его так велика, что полвека спустя после того, как за мною закрылись их двери, не бойся я слишком сильного впечатления напрохожих, — я неизменно застывала бы в земном поклоне перед домом 33 на 10-й линии Васильевского острова, — я все больше утверждаюсь в мысли, что нас покоряла и на всю жизнь покоряла та *нравственная атмосфера*, которой мы дышали все годы нашего пребывания на Курсах» [2].

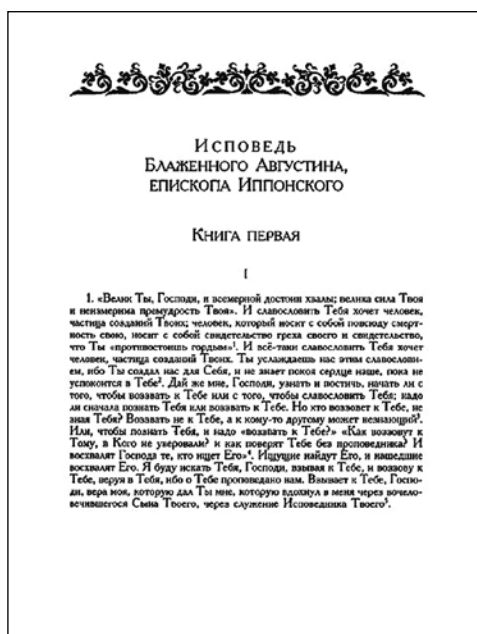
После этого Мария Ефимовна преподавала в женских гимназиях, потом в Саратовском университете. Здесь важную роль в ее судьбе сыграли уроки латинского языка, которые она давала известному ученому-генетику Николаю Ивановичу Вавилову. Они были весьма необычными — сразу же началось совместное чтение оригиналов с пояснениями Марии Ефимовны. Общение с этим гением науки определило одно из главных направлений ее исследовательской работы — занятие римским сельским хозяйством. До этой встречи ее больше интересовала Древняя Греция, чем Рим.

В 1929 г. Мария Ефимовна возвратилась в Ленинград, где работала в Государственной публичной библиотеке и 1-м Ленинградском медицинском институте (сначала преподавала, потом заведовала кафедрой латинского языка).

В блокадные годы Мария Ефимовна готовила врачей для фронта и продолжала научную работу, в числе других ленинградских историков в блокадную зиму она принимала участие в «научных чтениях», регулярно проводившихся в подвале архива Академии наук. Можно представить, как в голодном городе звучал ее рассказ о природе древней Италии, ее виллах и фермах, растениях и яствах. О ее докладе писали в «Блокадной книге» Д. Гранин и О. Адамович.

Тогда же она перевела «Исповедь» блаженного Августина. Мария Ефимовна вспоминала время работы над переводом как *одно из счастливейших в своей жизни*, хотя трудилась она, умирая от голода и холода, без надежды на публикацию, повинувшись лишь внутреннему чувству. О том, что именно этот труд помог ей пережить блокаду, свидетельствует ее собственный комментарий к «Исповеди».

Она писала так: *как малые дети в момент опасности бросаются к мате-*

Первая страница текста книги

ри, так и взрослые в опасности бросаются к Богу, потому что нет больше у них никакого утешения.

В 1943 г. Мария Ефимовна защитила докторскую диссертацию о римском сельском хозяйстве [7].

Сохранились ее воспоминания о блокаде. Тяжелые и правдивые.

«В зиму 1941/42 г. жители Ленинграда держали экзамен на человеческое достоинство и экзаменовались у голода. Экзаменатор оказался беспощаден, а ученики оказались плохо подготовленными».

Я выбрала небольшой, наименее страшный отрывок:

«Яркое солнце, сверкающий снег, голубое небо. Весна еще не наступила, но уже близка: зима еще не окончилась, но уже не страшна. Улица полупуста; вчера здесь было не пройти: по бревнышку растаскивали деревянный дом, стараясь каждый в меру своих сил и возможностей: старушки везли на саночках охапки щепок и обломки досочек; молодые женщины посильнее

Тогда же она перевела «Исповедь»
блаженного Августина.
Мария Ефимовна вспоминала время
работы над переводом
как **одно из счастливейших
в своей жизни**, хотя трудилась
она, умирая от голода и холода,
без надежды на публикацию,
повинуясь лишь
внутреннему чувству.
О том, что именно этот труд
помог ей пережить блокаду,
свидетельствует ее собственный
комментарий к «Исповеди».
Она писала так: **как малые дети
в момент опасности бросаются
к матери, так и взрослые
в опасности бросаются к Богу,**
потому что нет больше
у них никакого утешения

волокли доски и балки; мужчины неуверенно, и большей частью безрезультатно, тюкали топорами куда попало и, тюкнув раза два, сонно застывали на месте. Сейчас через место, где стоял дом, можно идти как по площади. Меня догоняет немолодая женщина.

— Здесь можно скосить? Мне надо на Зверинскую. Тороплюсь.

— Скосить можно. А чего торопиться-то? Кто сейчас торопится?

— Вот я тороплюсь. Мужа покормила и вымыла: опух, лежит; воды натакала, помойные ведра вынесла; суп сварила; хлеб выстояла, сейчас на службу в «очаг» («Очаг обороны») бегу, оттуда к матери надо пройти, ей печь вытопить, воды принести, потом старушку-тетку навестить, ей поработать. Не бросишь ведь стареньких-то: жалко. И все, знаете, думаю: выбрать бы минутку, сесть, написать свои воспоминания. Я ведь писательница: пишу для детей, несколько книжек у меня напечатаны. Время замечательное —

как его упустить! Только слабеешь что-то... а уж есть-то как все время хочется! Хоть бы первую категорию дали!» [7].

С 1948 г. Мария Ефимовна преподавала в Ленинградском государственном университете на кафедре классической филологии. Сейчас живы немногие, кто помнит ее лекции. Зал был полон, слушатели сидели, затаив дыхание.

Ее студенты вспоминали, что мертвый язык и далекие эпохи она делала для них живыми и близкими. Действительно, когда читаешь ее «Простые люди Древней Италии» или «Жизнь Древнего Рима», написанные прекрасным языком, не уступающим языку классической русской литературы, то создается ощущение, что автор только недавно вернулся из тех мест, где прожил долгие годы, и увлекательнейше о них рассказывает. В то же время все детали ее рассказа научно выверены и абсолютно точны.

Нет таких аспектов жизни древнеримской цивилизации, которые бы она подробно не описала — устройство домов, жизнь детей, одежда, еда, образование... Ее книги отличают энциклопедические знания и необозримая общая культура. Заметим, что они повествуют о той эпохе, когда для римского общества наступало время первохристианства. Ее всегда интересовало взаимное влияние древнеримского и христианского мировоззрений.

Вот отрывок о пастухах, передающий удивительный стиль ее рассказов:

«Среди этого отверженного мира пасынков судьбы резко выделялась одна группа, самой жизнью поставленная в совершенно иные условия существования: это были пастухи...

Перейти с зимнего пастбища на летнее — значило совершить медленное путешествие через добрую поло-

вину страны. Оно было богато встречами, впечатлениями — и опасностями тоже: ...перед пастухом расстилалась Италия в богатом многообразии своего рельефа, климата и природы. ...Он знакомился с значительной частью Италии, знакомился медленно, в подробностях, как можно ознакомиться только при путешествиях пешком, и если это был человек, одаренный живым и любознательным умом, то у него складывался богатый запас сведений, впечатлений и наблюдений, расширявших его умственный горизонт и обогащавших его опытом, разносторонним и разнообразным... Изодня в день стоял он лицом к лицу с природой, то ласковой, то гневной, и каждый день задавала она ему новые и новые задачи, решать которые ему приходилось, рассчитывая только на себя, на свои силы и умение.

Человек, не побоявшийся вырвать овцу из страшной волчьей пасти, обуздавший взбесившегося жеребца, сумевший найти травы и лекарства, спасшие от болезни целое стадо, — такой человек естественно начинал чувствовать себе цену. Он внутренне распрямлялся; и это сознание своего достоинства, своей силы и значимости определяло его поведение» [6].

Сейчас начали активно переиздавать все ее книги, которые и сегодня не утратили своего научного и литературного значения.

Прекрасное знание русской и западноевропейской классической литературы служило источником ее «обдуманно непосредственного слога, живого, легкого». Иногда она выбирала при переводе античных авторов кого-то из русских писателей, чей слог казался ей созвучным. Так для Плиния-младшего она выбрала И.С.Тургенева. Это было основано на том, что она называла «переводческим слухом» («У переводчика есть *третье ухо*, не видно, но есть») [4].

На кладбище Пюхтицкого монастыря

Мария Ефимовна была человеком непритязательным в быту, одевалась очень скромно, возможно, немного необычно, она ходила в почти мужских ботинках, юбке, белой блузе или рубашке, пиджаке, военном полупальто, носила короткую стрижку.

Иногда занятия со студентами проходили у нее дома. Тогда она старалась их подкормить, поддержать. Ее ученица, профессор Саратовского университета Лариса Михайловна Лукьянова, вспоминала, как впервые их группа оказалась дома у Марии Ефимовны.

«Когда мы к ней пришли впервые, это было, как я потом поняла, время Рождественского поста. Занятия у нее на дому были очень трудными, потому что если в университете ты отзанимался пару и ушел, то здесь было по-другому, мы сидели по несколько часов. Потом в какой-то момент она говорила: “Всё, вы уже ничего не соображаете, сейчас мы поедим. Сегодня у меня гречневая каша и узвар”» [3].

Она прожила жизнь одинокого человека, отдав своим трудам всю энергию и все время, но глубоко ценила дружбу, помогала всем более слабым или нуждающимся в поддержке. Так Мария Ефимовна поддерживала Мравинского после смерти его первой супруги и привела его в Пюхтицу.

Ее отличали необыкновенное чувство юмора и удивительная живость, которая ярко отражается во всех ее сочинениях.

Мария Ефимовна открыла для себя Пюхтицкий монастырь в конце 50-х гг. и с тех пор многие годы каждое лето приезжала туда. Жила в домике недалеко от кладбища, работала над переводами, занималась с учениками-аспирантами. В трудное для монастыря время (тогда сестры жили впроголодь) она часто делилась с ним своими значительными гонорами и профессорской зарплатой. С ее помощью в том числе был отреставрирован княгинин домик на горке.

Именно с этого периода ее христианская жизнь становится особенно глубокой и интенсивной. По словам ее ученика С.А. Беляева, ей был близок образ свщмч. Киприана Карфагенского, письма которого она переводила.

В одном из них он пишет о своем приходе в христианство в уже более чем совершенном возрасте:

«Сомнительное стало определенным, закрытое раскрылось, осветились потемки, трудное стало посильным». В какой-то степени это отражает то, что происходило и с Марией Ефимовной.

В предисловии она так описывает Киприана, в котором многое перекликается с ее собственной личностью:

«Его... обычай держать дом открытым: войти мог каждый, и «ни одна вдова не уходила от него с пустыми руками»... всякий, нуждающийся в помощи сильного, обретал в нем покровителя (Vita, 3); высокий уровень культуры, дар речи — такие люди встречались не часто» [5].

В последний период своей жизни, выйдя на пенсию, Мария Ефимовна

занималась переводами. Ее переводы, ее статьи об античном христианстве, также печатавшиеся под именем митрополита Антония, говорят о ее собственном пути, искреннем, непростом, но всегда неуклонно стремящемся к Богу. Христианском по глубинной сути, а не по поверхностным внешним проявлениям.

По воспоминаниям знавшего ее лично писателя Александра Трофимова, она все более молчала, молилась, предавалась созерцанию, хотя раньше всегда была окружена учениками.

«Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» [1] —

так взывает к Богу епископ североафриканского города Гиппон блаженный Августин. И словно вместе с его голосом звучит в этих словах и голос его переводчика М.Е. Сергеевского.

Литература

1. Блаженный Августин. Исповедь. — СПб., 2013.
2. Деятели русской науки XIX–XX веков. — СПб., 2000. — Вып. 2.
3. Лукьянова Л.М. Русский голос Августина // Православие и современность. 2018, № 42 (58). Режим доступа: <https://www.eparhia-saratov.ru/Articles/russkij-golos-avgustina>.
4. Гаврилов А.К., Казанский Н.Н. К 100-летию М.Е. Сергеевского // Вспомогат. ист. дисциплины. — 1993. — Вып. 24 (библиогр.).
5. Письма священномученика Киприана, епископа Карфагенского // Богословские труды. — М., 1985. — Т. 26.
6. Сергеевский М.Е. Простые люди древней Италии. — М., Л., 1964. Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/146683/Sergeenko_-_Prostye_lyudi_drevnei_Italii.html.
7. Трофимов А. Исполнен долг, завещанный от Бога. 2015. Режим доступа: <http://alexandrtrofmov.ru/?p=2561>.

**Протоиерей
Олег Врона***

Надя и медведь

Сказка-быль

Есть у нас в Никольском приходе, что на Русской улице в Таллине, прихожанка одна. Надей зовут. Много добрых слов мог бы сказать о ней, но не любит она похвал да поощрений. Об одном лишь ее достоинстве не умолчу. Иначе и рассказ-то не получится. Так вот. Давно уж идет по таллинским приходам о ней молва, что массажист она больно хороший. Да и по ту сторону Финского залива, в Хельсинки, о ней давно уж прослышал православный-то люд и зовут, зовут ее к себе.

А уж как ее в монастыре-то Пюхтицком ждуть! К примеру, схимница мать Михаила много годов потрудились в монастыре, а теперь под старость руки у нее, если можно так сказать, совсем вышли из послушания. Вот она и поджидает, когда же Надя заглянет в обитель да подлечит ее массажем-то. Любит мать Михаила-схимница Надю, как родную дочь, и не только молится за нее усердно, но и обучает послушанию, в котором сама-то ох как навыкла! И что же Надя? Безотказный она человек, всем угождать готова, даром что дома муж-инвалид. Вот и мечется Надя между Таллином, да Хельсинки, да обителью Пюхтицкой.

Муж у Нади финн. Поэтому большей частью живет теперь Надя в Хельсинки. Здоровье-то у мужа слабое и нуждается он в постоянном уходе да заботе. А душа у него добрая и отзывчивая. Как увидит он, что Надя загрустила, так сразу и поймет, что зовут ее люди помочь им: подлечить, боли снять, на ноги поставить, да жалко ей одного его оставлять. Вот и мается она душой.

Было тут недавно опять: погрузилась вдруг Надя, сильно опечалилась. Муж-финн всё понял и говорит ей ласково:

Замечательная, мудрая сказка-быль, восходящая к древним притчам, несомненно, окажет помощь в разрешении насущных духовных вопросов и нужд.

A wonderful, wise fairy-tale come true, dating back to ancient parables, will undoubtedly help in solving pressing spiritual issues and needs.

Ключевые слова: молва, массажист, сестры, хутор, лес, медведь, духовная спячка

Keywords: rumor, masseur, sisters, farm, forest, bear, hibernation

* Настоятель Никольской церкви, г. Таллин, Эстония.

Не печалься, езжай себе, Надя,
Только чтобы не на ночь глядя.
Я голодным-то не останусь
И с хозяйством легко управлюсь;
Да хозяйства и нет никакого:
Ни козы — тебе, ни коровы.

И поехала Надя в любимые Пюхтицы к ненаглядным сестрам обители. Весточка пришла от матери-то Михайлы-схимницы, что никакой ей нет ослабы от болячек без Надиных ручек. Приехала Надя в Пюхтицы, и сразу к матери Михаиле. Лежит мать Михаила у себя в келии, молится да Надю поджидает. Вдруг стук в дверь — и Надя на пороге. Заблестели глаза у матери Михайлы от слез, и говорит она Наде:

Ох, болела я, чуть вся не выболела.
Я тебя у Господа вымолила,
Ты теперь мне вроде как дочка.
Отпущу, как подлечишь, и точка.

Подлечила Надя мать Михаилу, хорошо подлечила и вернулась назад к мужу-финну. А тут весна пришла, погода разгулялась, и захотелось поехать им на хутор, что близ города Кехры. Хутор-то крохотный, вокруг лес, чашоба, а дальше болота, болота. Зверья полно. Надя зверей не боится. Что ей звери сделают? — безобидный она человек. Ходит по лесу, молится, красотой лесной любитесь. Так несколько дней и прожила она той весной на хуторе со своим мужем-финном в мире да согласии.

А тут причина появилась в Таллин поехать. Вот и решили они в один из дней туда отправиться. С вечера всё приготовили, что нужно было в дорогу-то взять. Утром встали, позавтракали, торопиться некуда. Посветлу решили выехать. Машина своя, удобно-то как. Поезд или автобус жди-поджидай, да не опоздай, а тут сам себе хозяин. Хорошо Надя водит машину, аккуратно, ведь рядом-то муж-инвалид сидит.

Вот и в этот раз аккуратно ведет Надя машину и выезжает от хутора

на проселочную дорогу, что ведет в город-то Кехру, а оттуда и в Таллин дорога прямая. А из кустов-то медведь как выскочит да как преградит дорогу машине-то Надиной. Встал на задние лапищи и стоит, разглядывает Надю и ее мужа-финна. Медведь-то, как видно, старый-престарый и огромный-то какой. Не медведь — медведище, шерсть скаталась вся, висит комьями. И не объехать его окаянного — справа чашоба, слева канал, полный вод вешних. Ох, и страшно-то стало Наде. В целом мире не сыскать завистника такого, что мог бы позавидовать в тот миг Наде и ее мужу-финну!

Но, видать, молитвы сестер, что в обители-то Пюхтицкой за Надю молятся, возымели на нее-таки благодатное действие. Неспроста ведь в самый нужный момент пришло ей вдруг на память-то, как Серафим преподобный, батюшка, медведя из рук кормил. «Вот кому молиться-то надо, чтобы зверя прогнал лютого, что явился, как снег на голову», — догадалась наконец Надя. Знала она, хорошо знала тропарь преподобному, но в такой-то обстановке разве вспомнишь. Все слова молитв вмиг из головы-то и вылетели. И давай она какими на ум пришли словами молиться:

Серафимушка, защити!
Мы еще не готовы на небо,
Ты медведя из рук кормил хлебом,
Повели зверю в лес идти.

Услышал преподобный Серафим Надину молитву и внушил зверю идти в лес. Перешел медведь через канал, обернулся и стал смотреть на бегущий от него автомобиль, где сидели Надя и ее муж-финн. До тех пор смотрел, покуда машины и след простыл. Отъехали Надя и ее муж-финн от того места, далеко отъехали, тогда только пришла Надя немного в себя и спросила мужа-финна:

— Сколько зверь перед нами стоял,
Что чуть-чуть на капот не упал?

Недосуг было мне подсчитать,
Но не меньше ведь, чем минут пять?

Отвечал ее мудрый муж-финн:

— Это был лишь всего миг один.
Не циркач он, чтоб долго стоять.
Простоял он всего секунд пять.
Правду, знать, говорят знатоки,
Что у страха глаза велики.

Приехала Надя и ее муж-финн в
Таллин — и сразу в церковь. Подбе-
жала она к своему священнику (имя
рек) и рассказала ему в подробностях
происшествие-то утреннее и спра-
шивает его:

Что за странный случай такой,
Потеряла былой я покой.
Может, сделала я что не так
И Господь подает мне знак?

Задумался священник (имя рек):
что нужно старому медведю после
зимней спячки? И хоть отродясь не
был этот священник (имя рек) до-
гадливым, а таки догадался. А когда
догадался, то сказал он Наде:

Слишком старым медведь тот стал,
Жир, и тот греть его перестал.
Он в берлоге совсем застыл.
Твой массаж ему нужен был.
Так и знай, о тебе молва
До лесного царства дошла.

Рассмеялась Надя. Сильно рас-
смеялась. Шутит батюшка — смеется
Надя. Ох, и шутит! Дал священник
(имя рек) Наде вдоволь насмеяться, и
опять внушает ей:

Если старый тот зверь снова явится,
Ты его не гони, он ведь мается.
А прими ты его, как убогого,
Всем ведь жалости хватит у Бога-то.

Тут священник (имя рек) замолчал,
повернулся и куда-то пошел. А куда
пошел, не сказывал, только дал Наде
знак, чтоб дождалась его. Не долго
томил священник (имя рек) Надю,
помнил, что нужно скорей отпустить
ее с миром, чтобы отдохнуть ей да от-
лежаться после утренней-то встряски.
Тем более что и муж-финн мается, в
машине дожидается. Возвратился свя-
щенник (имя рек) вскоре, не заставил

долго ждать Надю и ее мужа-финна;
да не с пустыми руками возвратился-
то. В одной руке была у него суковатая
палка, а в другой — увесистая скалка.
Смотрит Надя на священника (имя
рек) да на палку со скалкой и понять
ничего не может. А священник-то
(имя рек) ей и говорит:

Получай, Надя, два массажера
Для лентяя того и обжоры.
Хоть и зверь он, а всё ж его жалко. —
И вручает ей палку и скалку.

Рассмеялась опять Надя, пуще
прежнего рассмеялась. «Шутит ба-
тюшка, — смеется Надя. Ох, и шу-
тит! И что же муж-то мой подумает,
когда увидит, что иду я к нему, и в
одной руке у меня палка, а в другой —
скалка?». И ну давай опять смеяться.
А когда насмеялась вдоволь, масса-
жеры эти все-таки взяла и в бумагу
завернула, чтобы мужа-финна не на-
вести на опасливые мысли какие.

Вышла Надя из церкви, а разговор
со священником (имя рек) покоя ей не
дает. А ну как зверь и вправду на хутор-
то явится, что ему эти массажеры?
Смех один. Разве что за послушание,
какому мать Михаила-схимница тер-
пение имела обучать-то, да по молит-
вам Серафима батюшки, преподобно-
го. Тогда, может, что-то и получится.
А коли медведище тот страшный не
явится, то в хозяйстве пригодятся и
палка, и скалка. На хutore-то место
не пролежат, где-то да пригодятся.
Приехала Надя на свой хутор, раз-
вернула массажеры и видит, что на
бумаге, которую дал священник (имя
рек), чтоб массажеры-то завернуть,
слова какие-то в столбик написаны.
Прочитала Надя слова те, что были
написаны, и опять рассмеялась. А от-
чего рассмеялась, не сказывала. Разве
что сами эти строчки подскажут.

Когда слово любви не умеем ценить,
Как детей Своих, Богу нас жалко,
И лишь наша вина, что учить да лечить
Нас приходится палкой да скалкой.
Сам на собственной шкуре познал я сполна,
Как духовная спячка вредна.

Александр Фурсов*

Возрастание свежести, возрастание нежности...

Заметки о русской
сказке, эстонском
и карело-финском
эпосах

Сказка и эпос — духовно почти не исследованные произведения человеческого духа, которые таят немало открытий для ищущего сердца в самых различных областях. Они также открывают нам в дверь в духовные миры, помогают начать строительство «нового неба и новой земли» в себе.

A fairy tale and an epic are spiritually almost unexplored works of the human spirit, which conceal many discoveries for a seeker heart in various fields. They also open the door to the spiritual worlds for us, help to begin the construction of a «new heaven and a new earth» in themselves.

Ключевые слова: народная волшебная сказка, эпос

Keywords: folk fairy tale, epic

* Главный редактор журналов «Духовно-нравственное воспитание», «Русская словесность», поэт, философ, член Союза писателей России.

Из нее истекала нежность —
Я не знал, что такая есть...
Ее хватит, чтобы безбрежность
Муки крестной мне перенести.

Александр Посохов

Заметил, что в народной волшебной сказке, в эпосе часто встречается *уникальный возрастающий событийный ряд, возрастание.*

Например, в русской сказке «Летучий корабль» Иванушка-дурачок, угощая старичка, который помогает ему в строительстве летучего корабля, обнаруживает в своей котомке не «краюху черствую», а «мягкий да белый каравай»

«Закончил он работу, старичок похвалил его и говорит:

— Ну, теперь не грех передохнуть да закусить малость.

— Эх, дедушка, — говорит дурень, — для меня-то еда найдется, вот эта *краюха черствая*. А тебя-то чем угостить? Ты небось не угрызешь мое угощение?

— А ну-ка, дитяtko, — говорит старичок, — дай сюда свою краюху!

Дурень подал ему краюху. Старичок взял ее в руки, осмотрел, пощупал да и говорит:

— Не такая уж черствая твоя краюха!

И подал ее — дурню. Взял дурень краюху — глазам своим не верит: превратилась краюха в *мягкий да белый каравай*» («Летучий корабль») [1].

Черствое, твердое стало свежим, мягким.

Возможно, что черствое, твердое в своем предельном состоянии, в ино-состоянии, в своем личном инобытии преобразуется в свежее и мягкое. И это не наше свежее и мягкое,

которое, как только занимает свое положение свежего и мягкого, так сразу и перестает быть свежим и мягким, т. е. неминуемо начинает черстветь и твердеть. Это другое, иное свежее и мягкое, которое не черствеет и твердеет, а свежее и умягчается. Как же такое возможно? Оказывается, есть свежесть уменьшающаяся, а есть свежесть увеличивающаяся, возрастающая, которая уже есть один из атрибутов, одна из координат иного мира.

«Мягкий да белый каравай» у Иванушки, хотя и находится в абсолюте своей мягкости и белизны по законам нашего бытия, будет еще более мягким и белым в соответствии с законами неведомого нам инобытия, которое мы предчувствуем и называем Новым Иерусалимом, «новым небом и новой землей», Царствием Небесным.

Вот отрывок из Песни четвертой эстонского народного эпоса «Калевипоэг» о гибели в море девушки-островитянки.

Я пошла качаться в море,
Слушать песни волн широких,
Я в икру упала рыбью,
В потаенную могилу,
В глубину морской пещеры.
Там я — курочка — пропала,
Там я — пташка — задремала.
Там я — нежная — ослабла,
Там — былиночка — увяла [2].

Это строки о великой нежности, о нежности всеувеличивающейся, всевозрастающей (от абсолюта нежности), и это возрастание замечательно показано и в существительных: *курочка — пташка — нежная (здесь прилагательное выступает в роли существительного) — былиночка*, и в глаголах: *пропала, задремала, ослабла, увяла*. Здесь и в ряду имен существительных и в ряду глаголов мы чувствуем каждое следующее слово как несущее большую нежность, чем предыдущее. В этом ряду мы движемся в сказке к мета-свежести (мета-белизне и

мета-мягкости), в эпосе — к мета-нежности.

Возможно, отталкиваясь от сделанных нами выводов, мы решим еще одну математическую и не совсем математическую задачу, которая всегда предстает перед нами и в эстонском эпосе «Калевипоэг» и в карело-финском эпосе «Калевала». Это возрастание, которое выражается в обыкновенном арифметическом цифровом ряду тех или иных героев, предметов, сущностей в строках эпоса.

Например:

Между нами, мой любимый.
Море бурное, глухое,
Пять больших озер глубоких,
Шесть лесных дремучих дебрей,
Семь болот непроходимых,
Дальше — *восемь кражжей горных,*
Дальше — *девять рек широких,*
Десять родников студеньих
Да других препятствий — *двадцать.*
«Калевипоэг» Песнь четвертая [2].

Проходил я знойным миром,
Проходил холодным миром,
Позади небес румяных,
Посреди витого злата,
Меж пяти высоких радуг,
Меж золотых шести рассветов,
Красных девяти закатов.
«Калевипоэг» Песнь девятая [2].

Вот четыре девы вышли,
Вышли пять девиц из моря.
«Калевала» Руна вторая [3].

Великан топор свой точит,
Лезвие острит острее
На *шести кусках кремневых,*
На *семи точильных камнях.*
«Калевала» Руна вторая [3].

Старый, верный Вяйнямейнен
Все *шесть зерен* вынимает,
Семь семян берет рукою.
Взял из *кунього мешочка,*
Взял из *лапки белки желтой,*
Летней шкурки горностая.
«Калевала» Руна вторая [3].

В море бросилась рыбка...
Подняла из волн головку,

Правым боком показалась
На волне морской, на пятой,
При шестом станке, у сети
Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой
На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.

«Калевала» Руна пятая [3].

Сколько же дев вышло из моря — четыре или пять? Сколько — шесть или семь — зерен вынимает герой «Калевалы» старец Вяйнямёйнен из куньего мешочка? (или из беличьей лапки? или из горностаевой шкурки?). Почему число препятствий увеличивается с каждой строкой перед героем «Калевипоэга»: он должен пройти, чтобы обрести любимую «*пять больших озер глубоких*», «*шесть лесных дремучих дебрей*», «*семь болот непроходимых*», «*восемь кряжей горных*», «*девять рек широких*», «*десять родников студёных*», «*да других препятствий — двадцать*»?

Во всех эти случаях перед нами та же закономерность, что в сказке «Летучий корабль» — со *всевозрастающей свежестью*, с отрывком о

деве-островитянке из эпоса «Калевипоэг» — со *всевозрастающей нежностью*. С каждой новой цифрой в ряду возрастания героини обретаются всё большую лёгкость бытия, им становится не труднее, но *легче* в их подвигах. Здесь пять меньше одного, шесть меньше пяти, восемь меньше семи, десять гораздо меньше пяти, а двадцать несоразмерно меньше одного и двух. Здесь действуют *законы другого мира*, *законы свежести и нежности*, *законы невесомости и лёгкости*, здесь обретается *крылатость бытия*, прилаживаются его *паруса*.

«Как поели они, старик и говорит:

— Ну, теперь станем паруса прилаживать!» («Летучий корабль») [1].

Литература

1. Летучий корабль. Русская народная сказка. — М.: Облака, 2015. — 16 с.
2. Калевипоэг. Эстонский народный эпос. — Таллин: Ээсти раамат, 1979. — 252 с.
3. Калевала. Карело-финский народный эпос. — Л.: Худож. лит., 1979. — 560 с.

Издательство «Школьная Пресса»,
редакция журнала «Духовно-нравственное воспитание»
сердечно благодарят

митрополита Таллинского и всея Эстонии Евгения;

референта митрополита Таллинского и всея Эстонии,

литературного редактора альманаха

«Православный собеседник»

(г. Таллин, Эстония)

Ольгу Константиновну Майер

за неоценимую помощь в создании этого номера

С нами в каждый момент нашей жизни и апостола-евангелист, и великий князь

Фото из архивов учебных заведений

«Лёгкое дыхание»

В небеса уходят голоса!

На службе в любимом храме — церкви Иоанна Крестителя в Нымме — с любимым батюшкой о. Фомой Хирвоя

«В начале жизни школу помню я ...»

На уроке всегда интересно!

Такие мы красивые...

Отческие объятия

2-я и 3-я полосы обложки этого номера журнала «Духовно-нравственное воспитание» являются составной частью журнала в журнале «Задушевные беседы» (№1, 2020)

Духовно-нравственное воспитание
Индекс 80394
Подписка осуществляется по каталогу
«Газеты. Журналы» агентства «Роспечать»

Школьная
Стресса

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- Школа должна учить добру, истине и красоте
Православный храм как предмет изучения в курсе ОПК (на примере храма св. Варвары Великомученицы, что на Варварке, в Москве)
Подлинный голос Отечества (о феномене голоса Алисы Игнатьевой)

Духовно-нравственное воспитание
2020, № 2, 1-80

ISSN 2074-5001

02

9 772074 500205